Генри Хаггард

Дитя из слоновой кости

Генри Райдер Хаггард
Дитя из слоновой кости
Серия «Аллан Квотермейн»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125055

Аннотация

«Я хочу рассказать об одном из самых необыкновенных приключений своей жизни, которую вряд ли можно назвать однообразной.

Началось оно с того момента, когда я приехал в Англию с молодым джентльменом по имени Скруп, отчасти для того, чтобы проводить его домой после одного случая на охоте, отчасти по другим делам.

Я жил некоторое время у Скрупа, или, вернее, у родных его невесты в красивом доме в Эссексе…»

Содержание

I. Аллан дает урок стрельбы	5
II. Аллан держит пари	16
III. Мисс Холмс	28
IV. Харут и Марут	35
V. Неудавшееся похищение	45
VI. Золотопромышленная компания «Доброго доверия»	52
VII. Рассказ лорда Рэгнолла	66
VIII. Отъезд	75
IX. Встреча в пустыне	83
X. Вперед!	98
XI. Аллан в плену	111
XII. Первое проклятие	123
XIII. Джана	139
XIV. Погоня	152
XV. Обитатели пещеры	165
XVI. Ханс ворует ключи	180
XVI. Святилище и клятва	191
XVIII. Посольство	209
XIX. Аллан Кватермэн делает промахи	222
XX. Аллан плачет	236
XXXI. Домой	251

Генри Райдер Хаггард
Дитя из слоновой кости

The Ivory Child, 1916

Перевод (без указания переводчика): Журнал приключений. М.: Изд. Товарищества И. Д. Сытина, 1916.

* * *

I. Аллан дает урок стрельбы

Я хочу рассказать об одном из самых необыкновенных приключений своей жизни, которую вряд ли можно назвать однообразной.

Началось оно с того момента, когда я приехал в Англию с молодым джентльменом по имени Скруп, отчасти для того, чтобы проводить его домой после одного случая на охоте, отчасти по другим делам.

Я жил некоторое время у Скрупа, или, вернее, у родных его невесты в красивом доме в Эссексе.

Во время своего пребывания в этих краях я имел возможность увидеть великолепный старинный замок с башенными воротами, искусно реставрированный и превращенный в современный жилой дом. Будем называть этот замок «Рэгнолл-Кэстлом» по имени его владельца.

Я много слышал о лорде Рэгнолле. Говорили, что он удивительно красив, обладает большими научными познаниями, хороший спортсмен – был капитаном в оксфордских лодочных гонках, – блестяший оратор, уже отмеченный в палате лордов, смелый охотник, на счету у которого много тигров и других крупных зверей в Индии, поэт, издавший под псевдонимом том своих стихотворений, имевших значительный успех, хороший офицер и, кроме того, обладатель колоссального состояния; сверх огромных поместий он владел

несколькими каменноугольными копями и целым городом на севере Англии.

– Господи! – воскликнул я, когда этот длинный перечень был наконец окончен, – должно быть, этот человек родился в рубашке. Но, по всей вероятности, он несчастлив в любви?

– В этом-то он счастливее всего, – ответила мисс Маннерс, невеста Скрупа, с которой я разговаривал, – мне говорили, что он помолвлен с самой милой, красивой и умной девушкой во всей Англии и что они обожают друг друга.

– Господи! – повторил я, – удивительно, почему судьба так щедра по отношению к лорду Рэгноллу и его возлюбленной?

Впоследствии мне суждено было узнать это…

Когда на следующее утро мне предложили отправиться посмотреть редкости Рэгнолл-Кэстла, я охотно согласился.

Однако мне интереснее всего было взглянуть, если представится случай, на самого лорда Рэгнолла, так как все перечисленные его достоинства произвели на меня, бедного колониста, весьма сильное впечатление.

Часто сталкиваясь в жизни с демонами в человеческом образе, я никогда не встречал людей-ангелов, по крайней мере, мужского пола.

Кроме того, мог представиться случай увидеть и невесту лорда, которую, как я узнал, звали мисс Холмс.

Итак, ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем посещение этого замка.

Был уже декабрь; стояла тихая морозная погода.

По приезде в Рэгнолл-Кэстл Скрупу сообщили, что лорд Рэгнолл (с которым он был хорошо знаком) занимается стрельбой где-то в парке, но что м-р Скруп может показать своему другу замок.

Мы вошли втроем, так как с нами была мисс Маннерс, которая привезла нас в своей коляске, запряженной пони. Привратник передал нас у главного входа мужчине, которого он назвал м-р Сэвэдж, шепнув мне, что это личный слуга его светлости.

Это имя совершенно не соответствовало его внешности. Он показался мне переодетым герцогом, поскольку я именно так представлял себе герцогов, никогда не видев ни одного в своей жизни.

Его черный утренний фрак был безукоризненным, манеры изысканны, учтивость граничила с иронией с оттенком скрытой надменности. Он был красив – лицо с тонким носом и смелыми ястребиными глазами. Лет ему было, вероятно, тридцать пять – сорок, и манера, с которой он отобрал у меня палку и шляпу, обнаруживала решительный характер. По всей вероятности, он считал меня способным повредить палкой картину и другие произведения искусства, находившиеся в замке.

Впоследствии м-р Сэмуэл Сэвэдж признался мне, что я не ошибся в своем предположении. Судя по внешности, он принял меня за «ханархиста», о которых читал в газетах.

Этот человек, столь безукоризненный в других отношени-

ях, удивительно коверкал некоторые слова.

Показывая нам картины, он говорил о них языком хорошего художественного критика, но вдруг так коверкал какое-нибудь слово, что неожиданно возникало ощущение, как от ушата холодной воды, опрокинутого на голову.

Он водил нас по парадным комнатам замка, показывая множество редких дорогих вещей и, по крайней мере, сотни две картин известных старых мастеров.

При этом ему представился случай обнаружить свое особенное, вернее, превратное понимание истории. Сказать правду, мне вскоре надоело выслушивать бесконечные комментарии, тем более, что в парадных комнатах было очень холодно.

По пути из большой галлереи в малую мы проходили через небольшую комнату, довольно уютную и хорошо натопленную.

То была студия лорда Рэгнолла.

Задержавшись на минуту у огня, я заметил на стене картину, закрытую полотном, и спросил Сэвэджа, что она изображает.

– Это, сэр, – ответил он с гордой скромностью, – портрет будущей супруги его светлости; портрет, так сказать, только для глаз его светлости.

Мисс Маннерс сдержала улыбку, а у меня мелькнула мысль, что прятать портрет таким образом – определенно, какая-то примета.

Потом, увидев в открытую дверь переднюю, где осталась моя шляпа и палка, я замедлил шаги и, когда мои спутники скрылись в галерее, забрал свои пожитки и вышел в парк, рассчитывая согреться ходьбой взад и вперед по террасе до возвращения Скрупа и его невесты.

Я слышал несколько выстрелов, доносившихся из небольшой дубовой рощи, ярдах в пятистах от меня. Стреляли, очевидно, из небольшого ружья.

Стрельба – моя профессия: я не мог сдержать своего любопытства и направился к роще окружным путем через кустарник. Скоро я очутился у одного конца полянки и из-за огромного старого вяза увидел неподалеку от себя двух мужчин.

Один из них был молодой егерь, заряжавший запасное ружье, в другом я сразу узнал лорда Рэгнолла. Это был действительно очень красивый, широкоплечий мужчина высокого роста, с острой бородкой, приветливым лицом и большими темными глазами. На его плечи был накинут плащ, и во всем, за исключением ружья в руках, он походил на одного из своих предков времен Карла III, портрет которого, написанный Ван-Дейком, я видел в большой галлерее замка.

Стоя за дубом, я видел, как он тщетно пытался подстрелить одного из лесных голубей, спускавшихся за желудями.

Когда, перед тем как сесть на землю, они задерживались в воздухе, охотник стрелял, и голуби улетали.

Трах! Трах! – снова раздались два выстрела из двуствольного

ного ружья. Голубь улетел цел и невредим.

– Черт возьми! – весело воскликнул охотник, – ведь это двенадцатый промах, Чарльз!

– Ваша светлость попали в хвост. Я видел, как полетело перо. Но разве может кто-нибудь, да еще при ветре, попасть в голубя пулей, даже когда тот собирается сесть на землю?

– Я слышал об одном таком человеке, Чарльз. У м-ра Скрупа гостит его друг из Африки, который из шести раз попадает четыре.

– В таком случае, друг м-ра Скрупа – лжец, – возразил Чарльз, подавая новое ружье.

Это было слишком. Я выступил вперед, вежливо приподнял шляпу и сказал:

– Извините, сэр, что я прерываю вас, но вы совершенно неправильно стреляете по голубям. То, что они как бы задерживаются в воздухе, – только кажется нам. В действительности они очень быстро опускаются на землю. Ваш егерь ошибается, утверждая, что вы попали в хвост последней птицы, в которую стреляли из обоих стволов. В том и в другом случае ваша нуля пролетела, по крайней мере, на фут выше цели, и упал дубовый лист, а не перо голубя.

На минуту воцарилось молчание. Лорд Рэгнолл, вначале сердито посмотревший на меня, улыбнулся и сказал:

– Сэр, благодарю вас за совет, который весьма полезен, так как я все время делал промахи, стреляя по голубям из этих маленьких ружей. Но, быть может, вы сами на практи-

ке покажете, как это делается, что, без сомнения, еще более увеличит цену вашего совета.

Это было сказано не без легкой иронии.

– Дайте мне ружье, – сказал я, снимая пальто.

Лорд Рэгнолл с поклоном передал мне свою двустволку.

Чарльз презрительно фыркнул.

Я смерил его глазами, но он продолжал дерзко смотреть на меня. Никогда в жизни меня так не раздражала лакейская наглость.

Вдруг сомнение охватило меня. А вдруг я промахнусь? Ведь это легко может случиться, так как я плохо знаю полет английских лесных голубей. Как тогда снести лакейское презрение Чарльза и учтивую насмешливость его знатного хозяина?

Я молил Бога, чтобы голуби больше не прилетали, но напрасно. Вскоре они снова начали слетаться в поисках лакомых желудей.

Я услышал, как Чарльз пробормотал:

– Ну вот, теперь этому учителю представляется случай показать свое искусство. Его светлость – лучший стрелок в наших краях!

Пока он говорил, появилось два голубя, летевших один за другим. Первый из них начал снижаться ярдах в пятидесяти от меня, второй приблизительно в семидесяти. Я выбрал первого, тщательно прицелился и выстрелил. Пуля попала ему в зоб, откуда дождем посыпались съеденные им же-

луди, и птица камнем упала на землю. Второй голубь, почуяв опасность, начал быстро подниматься вверх почти вертикально. Я выстрелил – пуля пробила ему голову. Потом я взял из рук Чарльза заряженное им второе ружье и снова увидел двух приближавшихся голубей. Я рискнул сделать трудный выстрел и на лету попал одному из них в хвост. Однако он быстро спустился и забился на земле. Прицелившись во второго, я нажал гашетку – курок щелкнул, но выстрела не последовало. Тут мне представился случай проучить Чарльза.

– Молодой человек, – сказал я в то время, как он, разинув рот, смотрел на меня, – вам следует научиться внимательнее обращаться с оружием. Если вы подали стрелку незаряженное ружье, вы способны сделать и более опасную оплошность.

Потом повернувшись к лорду Рэгноллу, я прибавил:

– Я должен просить извинения за свой третий выстрел, который осрамил меня, так как я сделал ошибку, от которой предостерегал вас. Однако этот выстрел может показать вашему слуге разницу между голубиным хвостом и листом дуба.

Перья бедной птицы все еще кружились в воздухе.

– Это сам черт! – пробормотал Чарльз.

Но его хозяин строго взглянул на него и, приподняв шляпу, обратился ко мне.

– Сэр! Ваша практика далеко превосходит теорию. Я по-

здравляю вас с вашим удивительным мастерством, почти граничащим с чудом, если только это не случайность…

Тут он запнулся.

– Вполне естественно, что вы так думаете, – ответил я, – но если мы подождем еще голубей и м-р Чарльз будет аккуратно заряжать ружья, я надеюсь переубедить вас.

Однако последовавший в этот момент громкий возглас Скрупа, искавшего меня, разогнал всех голубей, по крайней мере, на полмили. Впрочем, об этом я не очень сожалел.

– Я должен пожелать вам доброго утра, – сказал я. – Меня зовут мои друзья.

– Одну минуту, – воскликнул охотник, – могу я просить вас назвать свое имя? Меня зовут Рэгнолл – лорд Рэгнолл.

– А меня Аллан Кватермэн, – сказал я.

– О, – воскликнул лорд Рэгнолл, – это все объясняет. Чарльз! Этот джентльмен – друг м-ра Скрупа. Вы позволили себе сказать, что он… преувеличивает. Вам следует извиниться.

Но Чарльза уже и след простыл.

В это время показались Скруп и его невеста, слышавшие наши голоса.

Последовало объяснение.

– М-р Кватермэн показывал мне, как надо стрелять по лесным голубям из малокалиберных ружей, – сказал лорд Рэгнолл.

– О, он весьма компетентен в этом, – заметил Скруп.

– Это единственное, что я умею делать, – скромно возразил я, – но, без сомнения, его светлость гораздо искуснее меня в стрельбе из дробовых ружей, в которой я очень мало практиковался.

– Да, – сказал Скруп, – я не советую вам состязаться с ним, так как лорд – один из лучших стрелков Англии.

– Вы преувеличиваете, – смеясь, заметил лорд Рэгнолл, – но знаете, у меня появилась идея. Завтра мы собираемся устроить большую охоту в роще, где до сих пор никто не охотился. Быть может, м-р Кватермэн не откажется присоединиться к нам?

– К сожалению, это невозможно, – ответил я, – так как у меня нет с собой ружья.

– Это ничего не значит; у меня есть пара лишних централок, и я прошу вас располагать ими.

Делать было нечего – оставалось принять приглашение.

– Очень жаль, м-р Скруп, – продолжал лорд Рэгнолл, – что я не могу пригласить вас, так как в охоте может участвовать только семь стрелков. Но, быть может, вы и мисс Маннерс не откажетесь завтра пообедать и провести день в Рэгнолле. Я познакомлю вас с моей будущей женой, – прибавил он, слегка покраснев.

Мисс Маннерс, снедаемая любопытством, сразу приняла приглашение, прежде чем ее жених успел открыть рот.

Скруп предложил заряжать мне во время охоты ружья, что весьма обрадовало меня, так как я боялся какого-нибудь

подвоха со стороны Чарльза.

На обратном пути из замка мы заехали в оружейную лавку заказать патронов. Хозяин спросил, сколько мне их нужно, и получив ответ «сто», посмотрел на меня с удивлением.

– Насколько я понимаю, сэр, – сказал он, – вы принимаете участие в завтрашней охоте в Рэгнолле. По-моему, вам, по крайней мере надо в три раза больше патронов.

– Хорошо, – ответил я, опасаясь обнаружить свое незнание местных условий охоты, – приготовьте мне их пораньше и добавьте на три драхмы пороху.

– Да, сэр, и унцией с восьмой дроби Э5?

– Нет, – возразил я, – возьмите Э3. До свидания.

Оружейник снова с удивлением посмотрел на меня, и, уходя, я слышал, как он сказал своему помощнику:

– Этот африканец, вероятно, собирается стрелять страусов!

II. Аллан держит пари

На следующее утро мы со Скрупом в десятом часу прибыли в Рэгнолл, захватив по пути заказанные накануне патроны, за которые мне пришлось заплатить порядочную сумму.

– Однако, – подумал я, – урок стрельбы фазанов обойдется мне в копеечку…

Когда мы вышли из коляски, к нам подошла какая-то величественная особа в бархатной куртке и красном жилете в сопровождении Чарльза, несшего два ружья.

– Это главный егерь, – шепнул мне Скруп.

– Если не ошибаюсь – м-р Кватермэн? – спросил важный егерь, холодно и неодобрительно оглядев меня.

– Да, это я.

– Его светлость поручил мне передать вам эти ружья. Чарльз будет помогать вам во время охоты и носить за вами оружие и патроны.

Я взял одну из централок и осмотрел ее. Это было великолепное дорогое оружие.

В это время из-за угла здания показался сам лорд Рэгнолл. После взаимных приветствий он проводил нас в обширную залу, где собрались остальные участники охоты. То были известные стрелки, большинство которых я знал по охотничьим журналам.

К моему изумлению, среди них оказался мой, можно ска-

зать, старый знакомый.

Это неприятное хитрое лицо, маленькие бегающие глаза и острый красноватый нос не могли принадлежать никому иному, кроме ван-Купа, некогда прославившемуся в Южной Африке крупными аферами, из-за которых и я потерял двести пятьдесят фунтов стерлингов – сумму, довольно значительную для меня.

Ван-Куп обернулся и, увидев меня, воскликнул:

– Кого я вижу! Аллан Кватермэн!

Тон его восклицания привлек внимание лорда Рэгнолла, стоявшего рядом.

– Да, м-р ван-Куп, – ответил я, – вы не ошиблись. Я так же рад видеть вас, как и вы меня.

– Я думаю, что это недоразумение, – сказал лорд Рэгнолл, удивленно глядя на нас. – Это сэр Юниус Фортескью.

– Я, право, не могу вспомнить, – возразил я, – чтобы его так звали. Но во всяком случае, мы старые знакомые.

Лорд Рэгнолл отошел в сторону, словно не желая продолжать этот разговор.

Ван-Куп вплотную подошел ко мне.

– М-р Кватермэн, – тихо сказал он, – обстоятельства сильно изменились с тех пор, как мы встречались с вами в последний раз.

– Ваши, вероятно, да, – возразил я, – но у меня все осталось по-старому, и я буду вам очень обязан, если вы уплатите мне двести пятьдесят фунтов, которые вы мне должны.

На минуту он задумался.

– Вот что я вам предложу, – сказал он немного погодя, – вы всегда были спортсменом. Если я сегодня убью больше вас дичи, вы должны держать язык за зубами относительно моих африканских дел. Если же вы убьете больше меня, вы также должны будете молчать, но я уплачу вам ваши двести пятьдесят фунтов с процентами за шесть лет.

Конечно, я мог отказаться от этого предложения и вывести ван-Купа на чистую воду. Но вышел бы скандал, а это не входило в мои расчеты и все равно не вернуло бы мне денег.

– Я согласен, – сказал я.

– Что это за пари, сэр Юниус? – спросил лорд Рэгнолл, снова подходя к нам.

– Это длинная история, – поспешно ответил ван-Куп. – М-р Кватермэн полагает, что я остался ему должен пять фунтов, и мы согласились предоставить разрешение этого вопроса результату сегодняшней охоты.

– Хорошо, – сказал лорд Рэгнолл, очевидно, не совсем веря сказанному. – Раз дело касается денег, я поставлю кого-нибудь считать убитых птиц и сообщать мне об их числе.

– Согласен, – сказал ван-Куп, или сэр Юниус.

Я молчал: признаться, я стыдился всей этой истории.

На пути в рощу, расположенную всего в миле от замка, мы с лордом Рэгноллом случайно остались вдвоем.

– Вы встречались с сэром Юниусом? – пытливо спросил он меня.

– Да, – ответил я, – около двенадцати лет тому назад, перед тем, как он исчез из Южной Африки, где был известен, как удачливый… спекулянт.

– Десять лет тому назад он купил имение по соседству со мной, а позже сделался баронетом.

– Как же человек, подобный ван-Купу, мог получить такой титул? – изумился я.

– Купил.

– Разве в Англии титулы продаются?

– Вы удивительно наивный человек, м-р Кватермэн. Ваш друг…

– Извините меня, ваша светлость, – перебил я, – я маленький человек и потому не могу назвать сэра Юниуса, бывшего ван-Купа, своим другом.

– Мне самому несимпатичен этот человек, – улыбаясь, сказал мой собеседник, – но он великолепный стрелок, хотя я уверен, что вы вернете свои пять фунтов.

– У меня мало шансов, так как мне никогда не приходилось стрелять фазанов, – возразил я.

– Теперь, м-р Кватермэн, мой черед дать вам маленький совет. Заметьте, что фазаны летают гораздо медленнее, чем нам кажется… Но мы уже пришли на место. Чарльз покажет вам, где надо встать. Желаю успеха.

Через десять минут охотники стояли на местах. Я был так поглощен новым для меня зрелищем приготовлений к охоте, что пропустил зайца и фазанью курочку, доставшихся ван-

Купу, стоявшему через два ружья справа от меня.

Тем временем раздался возглас егеря, предупреждавшего о летящей птице.

– Стреляйте, – сказал Скруп, – это кулик.

В эту минуту я увидел очень близко от себя птицу. Я прицелился и выстрелил – от птицы осталось только облако перьев. При громком хохоте окружающих Чарльз подобрал голову моей добычи.

– Вам следует дать птице отлететь подальше от вас с вашей дробью Э 3, – заметил Скруп.

Этот случай так подействовал на меня, что я сделал подряд три промаха, в то время как ван-Купу удалось застрелить еще пару фазанов.

Скруп качал головой, а Чарльз даже тяжело вздохнул. Теперь, видя, что я не состязаюсь с его господином, он был всецело на моей стороне. История нашего пари каким-то образом получила широкую огласку, и судя по всему мой противник не пользовался симпатией среди егерей.

– Внимание, – сказал Скруп, указывая на приближающегося фазана.

Птица летела слишком высоко. Раздалось три выстрела, в том числе и ван-Купа, но ни один не задел фазана. Я выстрелил, припомнив совет лорда Рэгнолла. Птица изменила направление своего полета и вдруг камнем упала на землю ярдах в пятидесяти от меня.

– Это будет получше! – воскликнул Скруп.

Удачный выстрел вернул мне уверенность, и я застрелил еще пару фазанов.

Но ван-Куп, который был великолепным стрелком, не отставал от меня.

Лорд Рэгнолл, стоявший по соседству со мной, предложил стать с ним несколько позади остальных охотников.

– Я вижу, что вы лучше стреляете по высоко летящим птицам, – сказал он.

Мы встали между двумя рощицами ярдах в трехстах от прежнего места. Здесь дело пошло значительно лучше.

Однако когда мы спустя час с небольшим собрались завтракать в лесной сторожке, оказалось, что я убил на тридцать фазанов меньше своего противника.

Пока мы завтракали, погода резко изменилась. Небо заволокло тучами, подул сильный ветер.

Охота должна была продолжиться на новом месте, в рощице около озера. Лорд Рэгнолл решил отказаться от дальнейшего участия в ней и стал во время стрельбы за мной и ван-Купом, считая, что и шести стрелков будет много при изменившейся погоде.

– Выпейте стакан черри-брэнди[1], – посоветовал он мне, – это подкрепит вас.

Я последовал его совету, и мы вышли. Роща, где мы собирались стрелять и куда перелетели спугнутые нами утром фазаны, находилась примерно в миле от сторожки. Она име-

[1] Вишневая водка.

ла вид подковы, окаймлявшей один край небольшого озера ярдов в пятьдесят шириной. Четыре стрелка были расставлены вдаль ближайшей стороны озера, а нам с ван-Купом достались места на противоположной высокой стороне, где мы были на виду у всех. К своему ужасу, неподалеку я увидел целую толпу зрителей, в числе которых узнал и оружейника, набивавшего мне патроны.

По пути к лодке, которая должна была перевезти нас через озеро, произошел случай, который привел меня в хорошее настроение и вызвал шумные аплодисменты остальных.

– Куропатки! – вдруг провозгласил «красный жилет», шедший впереди нас.

Чарльз быстро подал мне заряженное ружье. Через мгновение над деревьями показались птицы, с трудом летевшие против сильного ветра. Я выстрелил в первую – она упала к моим ногам. Со следующим выстрелом вторая последовала за ней. Я схватил запасное ружье и убил третью, пролетевшую почти над самой моей головой. Четвертый выстрел настиг последнюю.

Четыре куропатки были подобраны среди всеобщих поздравлений.

Садясь в лодку, я заметил у Чарльза под мышкой кроме сумки, еще ящик с патронами. На мой вопрос – откуда это, Чарльз ответил, что м-р Пофэм (оружейник) принес их про запас. Я ничего не возразил, так как из моих трехсот пятидесяти патронов за утро была уже расстреляна добрая поло-

вина.

Пока мы занимали свои места, ветер еще более усилился. Со стоном качались огромные дубы; недалеко от меня сломанная сосна с плеском упала в воду. Несмотря на это, охота началась. Сперва ветер дул нам в спину, гоня множество фазанов, диких уток и другую дичь над самыми нашими головами. Но вскоре он изменил направление и подул к северу с яростью, усиливавшейся с каждым мгновением.

Однако фазаны продолжали свой перелет. В течение часа с небольшим шла самая частая стрельба.

Егеря едва успевали заряжать ружья. Потом птицы стали появляться вблизи все реже и реже. Приходилось большей частью стрелять издали. Но чем дальше, тем я стрелял все лучше и лучше. Один за другим падали фазаны то в озеро, то в отдаленные кусты. Стволы ружей так нагрелись, что к ним нельзя было притронуться.

Дела ван-Купа также шли хорошо, но на долю остальных охотников приходилось очень мало птиц, и бедняги вынуждены были довольствоваться ролью зрителей.

К концу охоты я так пристрелялся, что последними тридцатью пятью выстрелами убил тридцать фазанов.

Заключительный выстрел затмил все предыдущие.

Высоко и несколько в стороне пролетал фазан, казавшийся черной точкой на темном небе.

– Не стоит, слишком высоко, – сказал лорд Рэгнолл, видя, что я поднимаю ружье. Но я все-таки выстрелил; фазан пе-

ревернулся, полетел вниз и упал в озеро далеко от нас.

Выстрел был так удачен, что все присутствующие издали одобрительный крик. Даже величественный «красный жилет» что-то одобрительно проворчал. Лорд Рэгнолл приказал тщательно собрать убитую дичь и положить добычу ван-Купа отдельно от моей.

– За вторую стоянку вы убили 143 штуки, – сказал он, – это совпадает с подсчетом Чарльза.

Когда я переехал на другую сторону озера, остальные охотники встретили меня самыми горячими поздравлениями. Из-за непогоды было невозможно дальше охотиться, и мы отправились в замок пить чай.

Едва я опорожнил чашку, как лорд Рэгнолл пригласил меня посмотреть убитую дичь. Мы вышли. На чуть покрытой снегом траве правильными рядами лежали убитые птицы.

– Дженкинс, – обратился лорд Рэгнолл к «красному жилету», – сколько дичи на счету у сэра Юниуса Фортескью?

– Двести семьдесят семь фазанов, ваша светлость, двенадцать зайцев, две курочки и три голубя.

– А у м-ра Кватермэна?

– Двести семьдесят семь фазанов, – столько же, сколько и у сэра Юниуса, ваша светлость, пятнадцать зайцев, три голубя, четыре куропатки, одна утка и один клюв, должно быть, кулика.

– Тогда вас можно поздравить с выигрышем, м-р Кватермэн, – сказал лорд Рэгнолл.

– Позвольте, – вмешался ван-Куп, – пари касалось только фазанов. Другая дичь не в счет!

– Вы говорили о птицах, – заметил я, – впрочем, если… – В этот момент все обернулись. Во двор, запыхавшись, вбежал Чарльз в сопровождении мужчины с собакой. В руках Чарльза был мертвый фазан без хвоста.

– Мы еле нашли его, ваша светлость, – начал Чарльз, тяжело дыша, – он упал в тину… Это тот, которого м-р Кватермэн убил последним. Мы с Томом вытащили его палкой.

– Тогда вопрос явно решен в пользу м-ра Кватермэна, – сказал лорд Рэгнолл. – Сэр Юниус, вам следует уплатить свой долг.

– Я протестую, – злобно воскликнул ван-Куп. – Дело идет о сумме, большей чем пять фунтов. Почем я знаю, что этот фазан убит м-ром Кватермэном?

– Мои люди подтверждают это, сэр Юниус. Впрочем, какой дробью вы пользовались сегодня?

– Номер четыре.

– М-р Кватермэн пользовался номером три. Кто еще, господа, употреблял сегодня такую дробь? – Все отрицательно покачали головами.

– Дженкинс, вскройте голову птице, – приказал лорд Рэгнолл.

Дженкинс ловко выковырял перочинным ножиком из головы фазана дробинку.

– Номер три, ваша светлость, – сказал он.

– Сэр Юниус, – твердо произнес лорд Рэгнолл, – вы должны уплатить свой долг.

– У меня нет с собой денег, – мрачно возразил ван-Куп.

– У нас с вами один и тот же банкир, – сказал лорд Рэгнолл, – и вы можете выписать чек на требуемую сумму из моей книжки. Но здесь холодно. Пойдемте, господа, в дом.

Мы направились в курительную комнату, куда лорд Рэгнолл принес чековую книжку я подал ее ван-Купу.

– Сколько же я вам должен с процентами? – спросил тот меня.

– Прошло двенадцать лет, – сказал я, – но мне не надо процентов. Я удовлетворюсь первоначальной суммой долга.

Ван-Куи выписал чек на двести пятьдесят фунтов и бросил его на стол передо мной. Я взял чек в руки… Вдруг у меня мелькнула мысль, что я не должен воспользоваться этими деньгами.

– Лорд Рэгнолл, – сказал я, – этот долг я давно считал потерянным и не хочу оставлять у себя эти деньги. Позвольте передать вам чек на дела благотворительности.

– Что вы скажете, сэр Юниус, об этой щедрости м-ра Кватермэна? – воскликнул лорд Рэгнолл, увидев, что чек был не на пять, а на двести пятьдесят фунтов.[2]

Ответа не последовало, так как ван-Куп поспешил уйти. С тех нор мы никогда более не встречались.

Примерно через год я получил извещение, что на мое

[2] Около двух с половиной тысяч рублей.

пожертвование в одном из соответствующих учреждений устроено место имени Аллана Кватермэна для больных детей.

Заметив исчезновение ван-Купа, лорд Рэгнолл ничего не сказал, но подошел ко мне и крепко пожал мою руку. С этого момента началась наша долголетняя дружба.

Мне остается добавить, что хотя я и получил много удовольствия от стрельбы, однако рад был, что в последующие дни охота не возобновлялась, так как нашел, что это развлечение было мне не по карману. Вот выписка из моей памятной книжки:

Патроны, включая отданные Чарльзу … 4 фун. – шил.

Разрешение на охоту … 3 фун. – шил.

«Красному жилету» «на водку» … 2 фун. – шил.

Чарльзу «на водку» … «10 фун. – шил.

Человеку, который помог найти Чарльзу последнего фазана … 5 фун. – шил.

Егерю, собиравшему дичь … 10 фун. – шил.

Итого … 10 фун. 5 шил.[3]

Да, охота на фазанов в Англии – развлечение, доступное только богатым!

[3] Около ста рублей.

III. Мисс Холмс

Следующие два с половиной часа я отдыхал, лежа в отведенной мне комнате, так как частая пальба и шум ветра вызвали у меня небольшую головную боль. Потом появился Скруп и предложил мне присоединиться к остальному обществу. Мы спустились вниз и вошли в роскошно обставленную гостиную, где собралось около тридцати человек – соседи лорда Рэгнолла, приглашенные к обеду.

Мисс Маннерс таинственно сообщила Скрупу, что «она» уже здесь.

В это время безукоризненный м-р Сэвэдж провозгласил, широко распахнув двери:

– Леди Лонгдэн, мисс Холмс!

Все обернулись к дверям, в которых показалась пожилая леди в сопровождении молодой девушки лет двадцати двух. Последняя была не очень высока ростом, весьма изящна и грациозна, как лань. Темно-каштановые волосы, тонкие черты лица, ярко-красные губы и большие темные глаза указывали скорее на испанское или итальянское, нежели на англосаксонское происхождение. Одета она была в светлое открытое платье и, кроме нитки жемчуга и красной камеи, на ней не было никаких других украшений. Мне бросилось в глаза странное белое пятно на ее груди в виде полумесяца. Но самое большое впечатление произвело на меня ее лицо. Выра-

жение его было мягко и приветливо, но чем больше вглядывался я в него, тем таинственнее мне оно казалось. По временам по нему пробегала какая-то загадочная тень. Что это было – я не понял.

Лорд Рэгнолл, казавшийся еще более красивым в вечернем фраке, поспешил навстречу своей невесте и ее матери. Мое внимание на некоторое время было отвлечено соседями, как вдруг я услышал рядом голос:

– Покажите мне его. Впрочем, я уже узнала его по вашему описанию.

– Да, вы правы, – ответил лорд Рэгнолл своей невесте (это была она), – я сейчас познакомлю вас. Однако скажите, кого вы хотите иметь в качестве кавалера за обедом? Я не могу, так как должен быть возле вашей матери. Возьмите д-ра Джеффриса.

– Нет, – ответила мисс Холмс, – я предпочитаю м-ра Кватермэна. Мне хочется услышать от него что-нибудь об Африке.

– Хорошо, – сказал лорд Рэгнолл, – он, пожалуй, интереснее всех остальных гостей, взятых вместе. Но почему, Люна, вы постоянно думаете и говорите об Африке? Можно подумать, что вы собираетесь там жить.

– Это может когда-нибудь случиться, – задумчиво сказала она, – кто знает, где он жил и где будет жить!

И снова что-то таинственное мелькнуло в ее лице.

Конца их разговора я не слышал. Сказать правду, я не хо-

тел сидеть рядом с мисс Холмс за обедом, так как не люблю быть на виду, поэтому я направился в противоположный конец гостиной. Но лорд Рэгнолл догнал меня и подвел к своей невесте.

– Позвольте вас познакомить с мисс Холмс, – сказал он, – она хочет быть вашей соседкой во время обеда. Ее очень интересует…

– Африка, – подсказал я.

– Мистер Кватермэн, о котором мне говорили как о величайшем охотнике Африки, – поправила меня мисс Холмс с очаровательной улыбкой.

Я поклонился, не зная, что сказать. Лорд Рэгнолл улыбнулся и удалился, оставив нас вдвоем. В это время лакей объявил, что обед подан. Мы направились в середине длинной процессии в роскошную столовую, еще сохранившую свой средневековый стиль.

М-р Сэвэдж проводил нас на наши места по левую руку от лорда Рэгнолла, сидевшего во главе длинного стола с леди Лонгдэн с правой стороны от себя. Старый священник д-р Джеффрис прочел короткую молитву, и обед начался.

– Я слышала, – обратилась ко мне мисс Холмс, – что вы сегодня победили сэра Юниуса Фортескью в стрельбе и пожертвовали кучу денег на благотворительность. Я не люблю пари и тех, кто их держит. Странно, что вы держали пари: вы совсем не похожи на таких людей. Но я не выношу сэра Юниуса, и в этом мы сходимся с вами.

– Я ничего не говорил о своей антипатии к сэру Юниусу, – возразил я.

– Да, но ваше лицо изменилось, когда упомянули его имя.

– Тогда мне придется сознаться, что вы правы. Но должен сказать, что я тоже не любитель пари.

Тут я рассказал всю историю с ван-Купом и его долгом.

– Я всегда считала его ужасным человеком, – заметила мисс Холмс, когда я закончил свой рассказ.

Потом наш разговор перешел на предстоящую свадьбу, и я не преминул выразить мисс Холмс свои наилучшие пожелания и уверенность, что ее счастье всегда будет так же безоблачно, как и сейчас.

– Благодарю вас, – сказала она, – но не кажется ли вам, что эта безоблачность – дурное предзнаменование. Ведь будущее так же скрыто от нас, как и мой портрет в рабочей комнате лорда Рэгнолла, в чем вы тоже видите дурное предзнаменование.

– Откуда вы это знаете? – спросил я, пораженный этим замечанием.

– Не знаю, м-р Кватермэн, но мне это известно. Ведь вы так думали, не правда ли?

– Если даже так, – сказал я, уклоняясь от прямого ответа, – то что из этого следует? Хотя портрет и скрыт от посторонних глаз, но всегда можно отдернуть занавеску…

– А вдруг однажды за этой занавеской окажется пустота?

Некоторое время мы молчали.

– Я не похожа на других… – снова начала мисс Холмс. – Что-то побуждает меня говорить с вами… Я никогда ни с кем не говорила так. Меня бы все равно не поняли. Моя мать, вероятно, нашла бы необходимым показать меня доктору. С самых ранних лет мне казалось, что я – какая-то тайна среди других тайн. С девяти лет это чувство приходило ко мне по ночам. У меня возникали какие-то видения, но они быстро изглаживались из памяти. Только две вещи я чувствую более или менее ясно. Одна – это какая-то странная, безотчетная тревога… Другая – то, что я, или часть меня имеет какое-то отношение к Африке, о которой я знаю только по книгам. Вот откуда у меня интерес к вам и Африке.

– Я думаю, что ваша матушка была бы права относительно доктора, – заметил я.

– Вы так говорите, но не верите в это, м-р Кватермэн.

Тогда я, чтобы придать другое направление этому, по меньшей мере, странному разговору, начал рассказывать об Африке и между прочим упомянул об одном легендарном племени арабов или полуарабов, якобы живущем в восточной части Центральной Африки и поклоняющемся вечно юному ребенку.

– Кстати, об арабах, – прервала меня мисс Холмс. – Я расскажу вам очень странную историю. Когда мне было 8 или 9 лет, я как-то играла в Кенсингтонском саду (мы тогда жили в Лондоне) под присмотром бонны. Она беседовала с каким-то молодым человеком, которого называла кузеном, а

я катала обруч по траве. И вдруг из-за дерева вышли двое одетых в белые одеяния мужчин с тюрбанами на голове. У старшего были блестящие черные глаза, крючковатый нос и длинная седая борода. Лицо младшего я помню плохо. Кожа у них была смуглая, но во всяком случае это были не негры. Вдруг мой обруч упал у ног старшего мужчины; я остановилась, не зная, что делать. Старик наклонился, поднял обруч, но не вернул его мне. Он что-то сказал другому, указывая на родинку в виде полумесяца на моей шее (из-за этой родинки отец назвал меня Люной). «Как твое имя, маленькая девочка?» – спросил старик на ломаном английском языке.

– Люна Холмс, – ответила я.

Тогда он достал из кармана ящичек и дал мне из него нечто вроде конфеты. Я очень любила сладости и положила это в рот. Потом старик покатил обруч и сказал мне: «Лови его». Я побежала за обручем, но вдруг все исчезло у меня из глаз, точно скрывшись в тумане. Я очнулась на руках бонны. Люди в белых одеяниях исчезли. Всю дорогу домой бонна бранила меня за то, что я взяла лакомство от незнакомых людей и грозила пожаловаться родителям. Я еле упросила ее молчать о случившемся. Вскоре она покинула нас и вышла замуж, по всей вероятности, за «кузена». Но после этого приключения я начала думать об Африке.

– Вы больше никогда не встречали этих людей?

– Никогда.

В это время я услышал сердитый голос леди Лонгдэн.

– Мне очень жаль, Люна, прерывать ваш интересный разговор, но мы все ожидаем тебя.

К своему великому ужасу я увидел, что все, кроме нас, уже встали из-за стола.

Я был очень смущен. Вспомнив, что ничего не ел, я потихоньку сел поближе к портвейну и, подкрепившись финиками, прошел за другими в гостиную, где уселся как можно дальше от мисс Холмс и занялся рассматриванием альбома с видами Иерусалима.

Вскоре ко мне подсел лорд Рэгнолл, который завел разговор об охоте на крупного зверя и между прочим спросил мой постоянный адрес в Африке. Я указал Дюрбан и в свою очередь поинтересовался, зачем ему мой адрес.

– Потому что мисс Холмс постоянно бредит Африкой, и я жду, что мне в один прекрасный день придется попасть туда, – печально ответил лорд Рэгнолл.

Это были пророческие слова. Наш разговор был прерван леди Лонгдэн, подошедшей пожелать аюкойной ночи своему будущему зятю, так как она чувствовала себя не совсем здоровой. Большинство гостей, несмотря на то, что было всего десять часов, собрались ехать домой.

IV. Харут и Марут

Проводив гостей, лорд Рэгнолл вернулся ко мне и спросил, что я предпочитаю: играть в карты или слушать музыку. Едва я ответил, что не выношу даже вида карт, как к нам подошел м-р Сэвэдж и почтительно осведомился у его светлости, кто из гостей носит имя «Хикомазани».

Лорд Рэгнолл удивленно посмотрел на него и спросил, не пьян ли он.

– Два каких-то иностранца в белых одеждах, – сказал обиженным тоном Сэвэдж, – стоят у замка и желают говорить с м-ром Хикомазани. Я им сказал, чтобы они уходили прочь, но они уселись на снег и объявили, что будут ждать Хикомазани.

– Позвольте, – вмешался я, – мое африканское прозвище «Макумацан». Быть может, м-р Сэвэдж неправильно произнес это имя. Могу ли я взглянуть на этих людей?

– На дворе очень холодно, м-р Кватермэн, – ответил лорд Рэгнолл, – но подождите. Сэвэдж, эти люди сказали вам, кто они такие?

– Должно быть, колдуны, ваша светлость. Когда я сказал, чтобы они уходили, я услышал в своем кармане шипение и, сунув туда руку, нашел там большую змею, которая исчезла, когда я бросил ее на землю. Потом у кухонной девушки из волос выскочила живая мышь. Девушка перед этим смеялась

над их платьем, а теперь она в истерике.

В это время к нам подошла мисс Холмс и спросила, о чем мы так оживленно говорим. Узнав, в чем дело, она стала просить лорда Рэгнолла позвать этих людей в гостиную.

– Хорошо, – согласился лорд Рэгнолл, – позовите сюда ваших колдунов, Сэвэдж. Скажите им, что Макумацан ждет их и что все общество желает посмотреть их фокусы.

Сэвэдж вышел, точно осужденный на тяжкое наказание. По его бледности можно было заключить, что бедняга сильно перепуган.

Мы освободили место посреди комнаты и поставили вокруг кресла для зрителей.

– Без сомнения, это индийские фокусники, – заметил лорд Рэгнолл, – они вырастят манговое дерево на наших глазах. Я, помню, видел это в Кашмире.

В это время дверь широко распахнулась, и через нее поспешно прошел Сэвэдж, боязливо держать за свои карманы.

– М-р Хирут, м-р Мирут, – объявил он.

– Вероятно, Харут и Марут[4], – заметил я, – я где-то читал, что это были величайшие маги. Очевидно, эти фокусники присвоили себе их имена.

Вслед за Сэвэджем в гостиную вошли два человека. Первый был высокого роста с важным лицом восточного тина, длинной белой бородой, крючковатым носом и блестящими ястребиными глазами. Второй – ростом пониже и значи-

[4] Имена учителей чернокнижия, упоминаемых в Коране.

тельно моложе первого. Он обладал веселым живым лицом, маленькими черными глазами. Кожа у обоих была не очень темна; мне приходилось встречать более смуглых итальянцев.

Во всем их облике чувствовалась какая-то особенная сила.

Я вспомнил историю, рассказанную мне мисс Холмс и украдкой взглянул на нее. Она была необыкновенно бледна и немного дрожала. Но никто не замечал этого: внимание всех было поглощено пришельцами. Через некоторое время мисс Холмс овладела собой и, встретившись со мной взглядом, приложила палец к губам в знак молчания.

Незнакомцы сняли свои меховые плащи, положили их на пол и остались в ослепительно белых одеяниях и с белыми тюрбанами на головах.

– Сомалийские арабы высшего класса, – подумал я.

Один из них запер двери. После этого, к величайшему моему изумлению, оба направились прямо ко мне, поставили свои корзины на пол и, подняв руки кверху, низко поклонились. Потом заговорили не по-арабски, как я ожидал, а на диалекте банту[5], которым я владел в совершенстве.

– Я, Харут, первый жрец и учитель белых людей кенда, приветствую тебя, о Макумацан! – сказал старший.

– Я, Марут, жрец и учитель белых кенда, приветствую тебя, о Бодрствующий в ночи! – сказал младший.

---

[5] Негритянское племя.

– Мы оба приветствуем тебя, который кажется малым, то велик, о господин с великим будущим! – вместе сказали они.

– О, убивающий злых людей и зверей! – монотонно продолжали они. – Ты, кому назначено судьбой освободить нашу землю от страшного бича, мы кланяемся тебе и обещаем безопасность среди нас и в пустыне. Мы обещаем тебе великую награду.

Они снова трижды поклонились мне и стали, скрестив руки.

Я спросил их на банту, чего им, собственно, нужно.

– О, Макумацан! – ответил старший. – Я пришел просить тебя оказать услугу нашему народу, – услугу, за которую ты получишь великую награду. Мы, белые кенда, народ Дитяти, воюем с черными кенда, нашими рабами, которые превосходят нас числом. Черные кенда чтут бога зла, дух которого живет в самом большом слоне в мире. Никто не может убить его, а он убивает многих и околдовывает еще больших. Пока жив этот слон, – имя его Джана, – ужас царит среди нас, народа Дитяти, ибо день за днем Джана истребляет нас. Если ты убьешь его, мы покажем тебе место, куда слоны уходят умирать; ты возьмешь себе сколько хочешь слоновой кости и будешь богат. Когда тебе будет нужно золото или слоновая кость, – которая то же, что и золото, – иди на север того озера, где живут понго, остановись у начала пустыни и назови имена Харута и Марута.

– И назови имена Харута и Марута, – эхом повторил млад-

ший.

Прежде чем я успел собраться с мыслями, чтобы ответить что-нибудь, загадочный Харут заговорил на ломаном английском языке как заурядный фокусник.

– Богатые леди и джентльмены ждут представления от бедного фокусника из Центральной Африки. Хорошо, я покажу им, что умею. Вы хотите, чтобы выросло дерево? Можно. Только помните, что здесь нет никакой магии; это простые фокусы. Дайте мне блюдо.

Представление началось. На покрытом покрывалом блюде чудесным образом выросло дерево, палки плясали сами собой, Марут свистнул, и из кармана Сэвэджа, стоявшего на значительном расстоянии от фокусников, снова выползла змея, которая потом обратилась в огонь. Зрелище было интересное, но, сказать правду, оно мало занимало меня – я видел много подобных фокусов. Я думал о словах Харута…

Наконец фокусники окончили представление и под аплодисменты присутствующих стали собирать свои пожитки.

– Наш господин Макумацан прав, считая все это пустяками, – заметил Харут, – простые фокусы, и только. Но что с этим джентльменом? – прибавил он, указывая на корчившегося в стороне Сэвэджа. – Брат Марут, посмотри, в чем дело.

Марут подошел к Сэвэджу и освободил его от двух змей. Затем среди всеобщего хохота вытащил из его напомаженных волос большую дохлую крысу.

– А! – воскликнул Харут, – змеи любят этого джентльме-

на. Но все это пустяки. Быть может, Макумацан желает посмотреть что-нибудь поинтереснее? Слона Джану, которого он убьет?

– Охотно, – ответил я, – но как ты мне покажешь его?

– Это очень легко, Макумацан. Надо вдохнуть немного курения кенда, и ты увидишь многое, если у тебя есть дар. Я уверен, что ты его имеешь, как и эта леди, – прибавил он, указывая на мисс Холмс.

– Дакка, – презрительно сказал я, вспомнив об одном сорте индийской конопли, которой одурманивают себя туземцы во многих частях Африки.

– О нет, это не дакка. Это табак, растущий только на земле кенда. Ты думаешь, это вздор. Погоди, ты увидишь, что это не так. Дайте мне спичку.

Он взял щепотку табаку, положил его в небольшой деревянный кубок, который вместе с табаком достал из корзины, и сказал что-то своему товарищу Маруту. Тот вынул тростниковую флейту и заиграл на ней какую-то заунывную мелодию. Харут в свою очередь запел тихим голосом песню, из которой я не понял ни слова, и зажег табак. Бледно-синеватый дымок поднялся из кубка, распространяя довольно приятный запах.

– Вдохни и расскажи нам, что увидишь, – сказал Харут. – Не бойся, это не опасно. Смотри!

Он сильно вдохнул в себя дым, после чего на его лице появилось особенное выражение.

Я стоял в нерешительности. Наконец любопытство и страх быть осмеянным за трусость одержали верх. Я взял кубок и поднес его к носу, в то время как Харут накинул мне на голову покрывало, из которого он обычно выращивал дерево манго.

Внезапно передо мной возникла пелена тумана. Потом туман рассеялся, и перед моими глазами открылся африканский пейзаж: озеро, окруженное густым лесом. По небу, еще красному от солнечного заката, плыла полная луна. На восточном берегу озера было открытое, лишенное всякой растительности пространство, сплошь покрытое скелетами слонов. Кругом торчали желтые клыки, многие покрылись уже мхом, пролежав здесь, вероятно, целые столетия.

Это было кладбище слонов, о существовании которого я слышал не раз – место, куда слоны приходят умирать, как это делала уже вымершая птица моа в Новой Зеландии. Вот появляется умирающий слон. Он останавливается, размахивая хоботом во все стороны. Потом медленно опускается на колени и замирает без движения. Вдруг на отдаленной скале появляются очертания огромного слона. В жизни я не видел такого гиганта. Он держит хоботом безжизненное тело женщины, волосы которой развеваются по ветру. В ее руках – ребенок, еще живой. Чудовище бросает тело на землю, хватает хоботом ребенка и, раскачав в воздухе, швыряет вверх. Покончив с ребенком, он направляется к умирающему слону и топчет его ногами. Затем подымает свой хобот, словно

торжествующе трубя, и исчезает в лесу.

Снова пелена тумана скрыла все перед моими глазами, и я очнулся.

– Что вы видели? – спросил меня целый хор голосов.

Я рассказал обо всем, умолчав о последней части. Оказалось, что все мое видение длилось не более десяти секунд.

– Видел Джану? – спросил Харут. – Он убил женщину и ребенка, да? Это он делает каждую ночь. Вот почему белый народ кенда хочет убить его. Так Джана жив! Это нам и надо было узнать. Благодарю тебя, Макумацан! Теперь, быть может, прекрасная леди тоже желает посмотреть… – обратился он к мисс Холмс.

– Да, – ответила она.

– Я предпочел бы, Люна, чтобы вы не делали этого, – с беспокойством сказал лорд Рэгнолл.

– Вот спички, – сказала мисс Холмс Харуту, который взял их с поклоном. Затем, положив в кубок табаку, Харут зажег его, осторожно покрыл голову мисс Холмс покрывалом и вручил ей дымящийся кубок. Через несколько секунд кубок и покрывало упали на пол, и мисс Холмс, широко раскрыв глаза, заговорила тихим голосом:

– Я прошла долгий путь и нахожусь в другом мире. Кругом темно. Мне светит огонь кубка. Здесь нет ничего, кроме статуи нагого ребенка, вырезанной из желтой слоновой кости, и кресла из черного дерева. Я стою перед ребенком из слоновой кости. Он оживает и улыбается мне. На его шее

ожерелье из красных камней. Дитя снимает ожерелье и надевает мне на шею. Потом указывает на кресло. Я сажусь. Все исчезло.

Я слышал, как Харут, напряженно слушавший эти слова, тихо прошептал Маруту:

– Священное Дитя получает Хранителя. Дух белых кенда снова нашел голос.

Затем оба благоговейно склонились перед мисс Холмс.

– Что за странное видение, – сказал лорд Рэгнолл, – дитя из слоновой кости… ожерелье… Что за вздор! Но теперь, я полагаю, представление окончено. Сколько я вам должен за него?

– Ничего, о великий лорд, ничего. Это мы вам многим обязаны. Здесь мы узнали то, что хотели знать уже давно, ибо табак кенда говорит только новому духу. Прощай, великий лорд! Прощай, прекрасная леди! Прощай, Макумацан, до новой встречи, когда ты придешь убить Джану. Благословение Небесного Дитяти, посылающего дождь, защищающего от опасности, дающего здоровье и пищу! Благословение его на вас всех!

С этими словами Харут и Марут надели плащи и направились к двери. Я проводил их, так как Сэвэдж был сильно напуган змеями.

– Скажите, о люди из Африки, что все это значит? – спросил я, когда мы очутились во дворе.

– Ты сам себе ответишь на этот вопрос, когда будешь сто-

ять перед Джаной, – сказал Харут. – А теперь не пытайся узнать больше. Ты, который в свой час узнаешь все.

– Не пытайся узнать больше, чтобы не было несчастья, – эхом повторил Марут, – ты, о Макумацан, который знает уже слишком много.

– Теперь вернись в дом, – продолжал Харут, – здесь страшный холод. Передай прекрасной леди этот свадебный дар Дитяти.

С этими словами он вручил мне сверток и исчез в темноте вместе со своим товарищем.

Я вернулся в гостиную.

– Они ушли, – сказал я лорду Рэгноллу, – и, уходя, передали свадебный подарок для мисс Холмс.

Кто-то подал ножницы, сверток был вскрыт, и в нем оказалось ожерелье из красных камней. Это было рубиновое ожерелье и, судя по работе, очень старинное. Быть может, оно украшало шею какой-нибудь знатной египтянки или статую дитяти Горуса, сына Изиды.

– Это то самое ожерелье, которое дитя из слоновой кости дало мне в видении, – спокойно сказала мисс Холмс, надевая подарок на шею.

V. Неудавшееся похищение

В эту ночь я не мог сомкнуть глаз. Может быть, от переутомления на охоте, или странных чувств, вызванных выступлением Харута и Марута.

Время шло; я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к бою башенных часов Рэгнолла (я ночевал в замке). Разные мысли приходили мне в голову.

То мне казалось, что Харут и Марут просто пара заурядных плутов-арабов, каких я много повидал в африканских портах. То я думал о кладбище слонов и об огромной стоимости слоновой кости.

Потом я подумал о древних египтянах (меня всегда интересовала их история), поклонявшихся дитяти Горуса, мать которого, Изида, «владычица тайн», символизировалась луной на ущербе. И по странному совпадению у мисс Холмс на груди был знак, похожий на такую луну.

Вдруг меня охватил какой-то безотчетный страх – предчувствие, что с мисс Холмс непременно должно что-то случиться. Это чувство так овладело мной, что я встал, зажег свечу и поспешно оделся. У меня был всегда при себе заряженный двуствольный пистолет. Я осмотрел это оружие, вышел в коридор и встал за большими часами, глядя на освещенную луной дверь комнаты мисс Холмс. Прошло некоторое время. Я уже начал думать, в каком глупом положении

рискую очутиться, если кто-нибудь случайно увидит меня. Вдруг дверь комнаты открылась, и на пороге показалась мисс Холмс, закутанная в пеньюар. Свет луны падал на ее лицо, и я понял, что она идет во сне.

На шее у нее было рубиновое ожерелье – подарок таинственной пары. Мисс Холмс как тень пересекла коридор и скрылась из виду. Я последовал за ней, стараясь как можно меньше шуметь. Мы спустились по витой лестнице и вышли в сад, где мисс Холмс, словно влекомая вперед какой-то таинственной силой, ускорила шаги и направилась к рощице, в которой я за день до этого стрелял голубей. Я следовал за ней под прикрытием кустарников. На миг я потерял ее из виду. Потом снова увидел уже под дубом: она стояла, протянув руки к медленно приближавшимся двум фигурам, закутанным в плащи. В этих фигурах легко можно было узнать Харута и Марута. В стороне виднелись очертания кареты, слышался нетерпеливый стук лошадиных копыт о мерзлую землю.

Я бросился вперед и встал между мисс Холмс и Харутом с Марутом.

Мы не обменялись ни словом, так как все трое боялись разбудить спящую девушку, зная, что ее пробуждение могло повлечь опасные последствия.

В руках моих противников блестели кривые ножи.

Я направил пистолет в сердце Харута. Перевес был на моей стороне: я мог застрелить обоих прежде, чем их ножи достанут меня.

– Ты победил на этот раз, о Бодрствующий в ночи! – тихо сказал Харут. – В следующий раз ты проиграешь. Эта прекрасная леди принадлежит нам, белому народу кенда, ибо она отмечена знаком молодой луны. Ее сердце услышало призыв Небесного Дитяти. Она вернется к нему. Теперь, пока она спит, уведи ее отсюда, о храбрый и разумный, так точно прозванный Бодрствующим в ночи!

Они ушли. Вскоре послышался стук колес удалявшейся кареты.

В первый момент у меня появилась мысль бежать за ними и подстрелить одну из их лошадей. Но тогда оставался только один заряд против двоих людей и, убив одного из них, я был бы безоружным перед другим. Кроме того, выстрелы могли разбудить мисс Холмс. Пришлось отказаться от преследования.

Я подошел к спящей, осторожно взял ее за руку и повел обратно в замок. Проводив ее до комнаты, я запер за ней дверь и, прислушавшись, убедился, что она улеглась в постель.

Теперь, уверенный, что мисс Холмс в безопасности, я сел за стол, стоявший в коридоре, и стал обдумывать, что делать дальше. Мой долг был немедленно уведомить о случившемся лорда Рэгнолла.

Но как это сделать, не всполошив весь дом и не вызвав лишних разговоров? Сначала надо разбудить м-ра Сэвэджа, – подумал я. Я не знал, где его комната, но вспомнил,

что, проводив меня спать и поговорив со мной о змеях, он на всякий случай указал звонок, проведенный к нему.

Следуя вдоль провода и пройдя целый ряд лестниц и различных переходов, я наконец добрался до двери его комнаты и постучал в нее.

– Кто там? – спросил м-р Сэвэдж с дрожью в голосе.

– Я.

– Кто это «я»? «Я» может быть Харум и Скарум, или того хуже!

– Я, Аллан Кватермэн, идиот вы этакий, – прошептал я в замочную скважину.

– Анна? Что за Анна? Уходите! Поговорим завтра.

Я постучал в дверь энергичнее. Наконец Сэвэдж осторожно приоткрыл ее.

– Господи! – воскликнул он. – Что вы делаете здесь, сэр, в такое время с пистолетом в руках? Или, может быть, это голова змеи? – вскричал он, испуганно отпрянув назад.

– У меня важное и неотложное дело к его светлости, – нетерпеливо сказал я, – поскорее проводите меня к нему.

Мы направились в спальню лорда Рэгнолла.

– В чем дело, м-р Кватермэн? – спросил тот, зевая и приподнимаясь в постели. – Вам приснился кошмар?

– Да, – ответил я, и когда Сэвэдж вышел, рассказал лорду Рэгноллу обо всем.

– Господи! – воскликнул он, когда я окончил рассказ. – Если бы не ваше предчувствие и не ваша храбрость…

– Дело не в этом, – прервал я его, – вопрос в том, что нам делать теперь. Попытаться задержать этих людей, или станем молчать обо всем и будем настороже?

– Не знаю, что и сказать, – ответил лорд Рэгнолл, – если мы их поймаем, вся эта история будет как-то странно звучать на суде.

– Конечно, – согласился я, – но, по-моему, следует сейчас же осмотреть место происшествия, пока дождь или снег не уничтожил следы.

– Хорошо, – сказал лорд Рэгнолл, – мы возьмем с собой Сэвэджа. Это верный человек; он умеет молчать.

Пока лорд Рэгнолл поспешно одевался, я рассказал Сэвэджу о случившемся. Он слушал меня, затаив дыхание.

Убедившись, что мисс Холмс в своей комнате, мы спустились по витой лестнице и вышли в сад, тщательно запирая за собой все двери.

Уже рассветало. Мы без труда рассмотрели следы туфель мисс Холмс, моих ног, лошадиных копыт и колес кареты. Кроме того, мы нашли полотняный мешок, в котором оказалось арабское женское платье, предназначавшееся, очевидно, для мисс Холмс.

Когда Сэвэдж открывал мешок, к его великому ужасу оттуда выползла змея, вероятно, участница вчерашнего представления.

Описание всего этого, занесенное со всеми подробностями в памятную книгу лорда Рэгнолла, было подписано все-

ми нами.

В дальнейшем это дело было поручено опытным сыщикам, которым только удалось установить, что Харут и Марут с двумя женщинами своего племени, вероятно, взятыми для надзора за мисс Холмс, отплыли на пароходе «Антилопа» в Египет.

Но вернемся к мисс Холмс.

На следующее утро она вышла к завтраку как ни в чем не бывало, но была несколько бледнее обыкновенного.

За столом я сидел недалеко от нее и в удобную минуту осведомился, как она провела прошлую ночь. Она ответила, что спала как никогда крепко и что у нее были какие-то странные сновидения.

– Удивительно то, – прибавила она, – что утром мои туфли оказались в грязи, как будто я выходила из дому во сне, чего со мной никогда не бывало раньше.

С помощью лорда Рэгнолла я поспешно сменил тему разговора.

Вскоре после завтрака мне передали, что коляска мисс Маннерс ждет меня, и я собрался уезжать.

При прощании лорд Рэгнолл записал мой английский и африканский адреса в свою записную книжку.

– Несмотря на три дня нашего знакомства, м-р Кватермэн, – сказал он, – мне кажется, что я вас знаю уже много-много лет. Когда вы в следующий раз приедете в Англию, я на-

деюсь, что вы остановитесь у меня.

– А если вам случится быть в Южной Африке, – сказал я, – прошу вас располагать моим скромным домом в Дюрбане как своим.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответил лорд. – Но, признаться, мне надоели путешествия. Кроме того, обстоятельства заставили меня по-особому относиться к Африке. Скажите, что вы думаете обо всем случившемся вчера?

– Право, не знаю, что вам ответить, – сказал я, – могу посоветовать одно: берегите вашу будущую жену. По всей вероятности, эти люди снова сделают попытку похитить ее. Это терпеливые, решительные люди.

– Вы меня немного пугаете, – сказал лорд Рэгнолл, – конечно, я приму к сведению ваш совет.

После этого мы расстались.

– Прощайте, м-р Кватермэн, – говорил Сэвэдж, подавая мне пальто, – я никогда не забуду вас. Но не забуду и этих бездельников Харума и Скарума с их проклятыми змеями!

VI. Золотопромышленная компания «Доброго доверия»

Прошло целых два года с тех пор, как я расстался с лордом Рэгноллом и мисс Холмс. За это время я дважды получал от них известия. Один раз пришло письмо от Скрупа, в котором тот сообщал мне об их бракосочетании. Это была самая заметная свадьба лондонского сезона. К письму была приложена вырезка из газеты с описанием всех подробностей, до платья невесты включительно.

Все это было чуждо мне, однако одно замечание вызвало у меня сильный интерес. Привожу его целиком:

«…Большие толки вызвало то обстоятельство, что на невесте не было никаких драгоценностей, кроме рубинового ожерелья с маленьким, тоже рубиновым, изображением египетского бога, хотя фамильные бриллианты Рэгноллов, уже давно не видевшие света, известны как одни из самых изящных и ценных в стране. Следует заметить, что это украшение было удивительно к лицу невесте. На вопрос одного из друзей о причине такого выбора, леди Рэгнолл ответила, что это ожерелье должно принести ей счастье…»

Второе известие я узнал год спустя из старого номера газеты «Таймс», где была заметка о рождении у лорда и леди Рэгнолл сына и наследника.

Что касается меня, то я много всего пережил за эти два года. Участвуя в экспедиции в Понголэнд, я не раз испытывал искушение отправиться на север этой области к Харуту и Маруту, обещавшим проводить меня туда, где живет гигантский слон, которого, по их словам, мне суждено было убить.

Однако я удержался и, вернувшись в Дюрбан, пришел к решению больше никогда не участвовать в рискованных экспедициях. Благодаря удачно сложившимся обстоятельствам, я сделался обладателем небольшого капитала, который дал мне возможность бросить охотничьи скитания в диких областях Африки. Вскоре мне представился случай поместить свой капитал в торговое предприятие.

Один еврей по имени Джэкоб предложил мне половину прав на владение золотой копью, открытой им на границе Земли зулусов, с условием, что я внесу капитал, необходимый для ее разработки. Вместе с Джэкобом и его приятелями я отправился осмотреть это место.

Взятый для испытания кварц показал богатое содержание золота и, в конце концов, образовалась акционерная компания для разработки золотого рудника «Доброго доверия» с Алланом Кватермэном, эсквайром, во главе.

Ох уж эта компания!

До сих пор я помню о ней. Наш основной капитал был невелик – 10.000 фунтов, из которых Джэкоб и его приятели взяли себе половину как покупную стоимость их прав. Впоследствии выяснилось, что эти права были приобретены все-

го за три дюжины бутылок джина, сломанную повозку, четыре старых коровы и пять фунтов деньгами.

Лично я, прежде чем стал председателем в правлении с жалованием сто фунтов в год (которого я никогда не получал), купил на тысячу фунтов Шер[6] за наличные деньги.

Был установлен баланс в 4000 фунтов, и работа началась. Мы начали промывать один песчаный участок, и сразу это дало такой блестящий результат, что наши шеры поднялись на целых десять шиллингов. Причем Джэкоб и его приятели воспользовались случаем продать половину своих, уверив меня, что необходимо расширить дело. Через некоторое время песчаный участок оказался никуда негодным; было решено приобрести машину для дробления кварца, в котором предполагалось богатое содержание золота. Мы сторговались с одной машиностроительной фирмой.

Тем временем наши шеры упали сперва до своей номинальной стоимости, потом до пятнадцати шиллингов, потом до десяти.

Джэкоб, один из директоров правления, сказал, что на мне, как на председателе, лежит ответственность за престиж нашей компании. Я снова накупил шер на свои последние пятьсот фунтов.

Но как была подорвана моя вера в людей, когда я узнал, что тысяча шер, купленных мною на последние пятьсот фунтов, были собственностью Джэкоба, продавшего их мне при

[6] Английские акции, номинальная стоимость которых – один фунт.

посредничестве подставных лиц. Наконец наступил кризис. Прежде чем дробильную машину нам доставили, все наши фонды были исчерпаны, и встал вопрос о ликвидации компании. Созвали общее собрание акционеров, и после нескольких бессонных ночей я занял на нем свое председательское место.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что из пяти директоров, кроме меня, явился только один честный старик, отставной морской капитан, купивший триста шер.

Джэкоб и его два приятеля рано утром уплыли на пароходе в Капштадт.

Собрание вначале было довольно бурным.

Я как мог обрисовал положение дел и, когда закончил, со всех сторон посыпались вопросы, на которые ни я, ни кто-либо другой не мог дать удовлетворительного ответа.

Тогда один явно нетрезвый джентльмен, владелец десяти шер, напрямик объявил, что я обманул акционеров.

Я в ярости вскочил и, хотя он был вдвое выше меня, предложил ему поговорить со мной об этом наедине.

Он поспешно удалился.

После инцидента, закончившегося общим смехом, вся правда выплыла наружу.

Один «цветной» человек рассказал, что Джэкоб нанял его «посолить» почву – подсыпать золота в песок, который мы промывали вначале.

Все стало ясно.

Я без сил опустился в свое кресло.

Тогда один добросердечный человек, сам потерявший деньги в этом деле, поднялся и произнес короткую речь, которой было достаточно, чтобы восстановить утерянную мной веру в людей. Он говорил, что Аллан Кватермэн, работавший как лошадь для пользы акционеров, сам наравне с другими разорен этим вором Джэкобом, и в заключение предложил прокричать трижды «ура» в честь нашего честного друга и товарища по несчастью, Аллана Кватермэна. К моему удивлению все собрание исполнило это весьма охотно.

Я поднялся и со слезами на глазах поблагодарил всех, говоря, что рад оставить эту комнату таким же бедным, каким был всегда, но с незапятнанной репутацией честного человека. Пожав руку джентльмену, выручившему меня из неприятного положения, я с легким сердцем отправился домой. Правда, я потерял все свои деньги, но честь моя была спасена, а что такое деньги в сравнении с честью!

Я перебрался на другую сторону грязной улицы и пошел вдоль нее.

Улица была почти пуста.

Единственная пара привлекла мое внимание. В одном из них я узнал полупьяного субъекта, обвинявшего меня в обмане; в другом – морщинистом готтентоте, некоего Ханса.

Этот Ханс, должен сказать, был сначала слугой моего отца, миссионера в Капской колонии, а потом моим компаньоном во многих приключениях. Это был храбрый, испытан-

ный человек, единственной слабостью которого оказалось пристрастие к алкоголю. Он питал ко мне самую горячую привязанность.

Сколотив немного денег, он приобрел небольшую ферму недалеко от Дюрбана, где и жил, пользуясь большим уважением за свои былые подвиги.

Белый и готтентот переругивались между собой по-голландски.

– Грязный готтентот, – кричал белый, – что ты пристал ко мне, как шакал?

– Сын белой жирной свиньи, – отвечал Ханс, – ты осмелился назвать бааса вором? Ты, не стоящий ногтя бааса, чья честь светлее солнца, чье сердце чище белого песка в море!

– Он присвоил себе мои деньги.

– А зачем, свинья, ты убежал от него, когда он хотел говорить с тобой?

– Я тебе покажу «убежал», желтая собака! – закричал белый, замахиваясь палкой.

– Ты хочешь драться? – спросил Ханс, с необыкновенным проворством отступив назад. – Так получай! – он низко наклонил голову и, как буйвол, бросившись вперед, ударил белого головой в живот так, что тот опрокинулся назад и полетел в канаву, полную грязной воды. После этого Ханс спокойно повернулся и исчез за углом.

К моему облегчению, через минуту белый вылез из канавы весь покрытый грязью и, держась за место, называемое

на медицинском языке диафрагмой, медленно пошел вдоль улицы. «Какими преданными могут быть готтентоты, которых считают низшими существами человеческого рода», – подумал я.

Придя домой, я уселся в расшатанное тростниковое кресло на веранде, закурил трубку и задумался, что мне предпринять, имея всего на триста фунтов имущества и хороший запас оружия.

С коммерцией во всех ее видах я раз и навсегда покончил.

Оставалась только моя старая профессия охотника.

Слоны – вот единственно выгодная в смысле заработка дичь.

Но ближайшие места охоты уже давно опустошены. Кроме того, пришлось бы соперничать с молодыми профессионалами из буров.

Если уж решать заняться охотой на слонов, придется отправляться в отдаленные места. Размышляя о преимуществах и недостатках различных мест охоты, я услышал из-за большого куста гардении что-то вроде козлиного покашливания. Однако я знал, что эти звуки производит человек, так как не раз они служили мне сигналом в опасную минуту.

– Ханс, иди сюда, – позвал я, и вслед за этим из кустов алоэ показалась фигура старого готтентота. Я не понял, почему он выбрал такой способ визита, но это было вполне в духе его скрытности, унаследованной от предков. Он уселся на корточки передо мной, как коршун, поглядывая на спус-

кавшееся к западу солнце.

– Ты так выглядишь, Ханс, – сказал я, – будто только что дрался. Шляпа у тебя измята, весь ты обрызган грязью.

– Баас прав, как всегда. Я поссорился с одним человеком из-за шести пенсов, которые он мне должен, и ударил его головой, позабыв снять сперва шляпу. Мне жаль, это хорошая шляпа. Она почти новая. Два года назад баас подарил мне ее, когда мы вернулись из Понголэнда.

– Зачем ты лжешь? – сказал я. – Ты дрался с белым человеком вовсе не из-за шести шиллингов. Ты столкнул его в канаву и забрызгался грязью.

– Это так. Я дрался с белым не из-за шести шиллингов. Я дрался с ним за преданность, которая стоит меньше, или ничего не стоит. Я пришел к баасу одолжить фунт. Белый человек пожалуется в суд. Меня заставят заплатить фунт или сидеть в сундуке 14 дней. Белый ударил меня первый, но судья не поверит бедному готтентоту, а у меня нет свидетелей. Скажут: Ханс был пьян, Ханс лжет. Плати, Ханс, плати фунт и десять шиллингов, или иди в сундук на 14 дней плести корзины для великой королевы. Баас! У меня есть деньги заплатить за правосудие, которое стоит десять шиллингов, а мне нужен еще фунт.

– Я думаю, Ханс, что скорее ты мне мог бы одолжить фунт, чем я тебе. Мой кошелек пуст.

– Это ничего, баас. Если необходимо, я могу 14 дней делать корзины и циновки для великой белой королевы. Пусть

она вытирает о мои циновки ноги. Сундук вовсе неплохое место, баас.

– Зачем же тебе идти в тюрьму, когда ты богат и можешь заплатить штраф хоть в сотню фунтов?

– Месяц или два назад я был богат, баас, а теперь я беден. У меня ничего нет, кроме десяти шиллингов.

– Ханс, – строго сказал я, – ты опять пьянствовал и играл на деньги. Ты продал ферму и скот, чтобы заплатить проигрыш и купить джин?

– Да, баас. Только я не пил и не играл. Я продал землю и скот за шестьсот пятьдесят фунтов и купил другое.

– Что же ты купил? – поинтересовался я.

Ханс полез сначала в один карман, потом в другой и наконец извлек оттуда грязный измятый листок бумаги, похожий на банковский билет.

Я взял его в руки, взглянул и едва не лишился чувства. Этот листок удостоверял, что Ханс является владельцем шер компании «Доброго доверия» на сумму шестьсот пятьдесят фунтов, той самой компании, в которой я был злополучным председателем!

– Ханс, – слабым голосом сказал я, – у кого ты купил это?

– У бааса, у которого нос крючком. Его зовут Джэкоб[7]. Так же, как и того великого человека из Библии, который дал своему брату похлебку, когда тот вернулся с охоты и получил за это ферму и скот, а потом пошел на небо по лестнице. Так

[7] Иаков.

рассказывал нам ваш отец, баас.

– А кто тебе сказал купить их, Ханс?

– Самми, баас, тот Самми, который был вашим поваром, когда мы ходили в Понголэнд. Джэкоб жил в отеле Самми и сказал ему, что если он не купит этих бумаг, бааса посадят в сундук. Самми купил их несколько, но у него было мало денег. Джэкоб платил Самми мало денег. Джэкоб платил Самми за все, что ел и пил, этими бумагами. Самми пришел ко мне и напомнил, что покойный отец бааса оставил его на наше попечение. Я продал ферму и скот другу Джэкоба, очень дешево продал. Вот и вся история, баас.

Я слушал это, и, сказать правду, почти плакал, думая, какую жертву принес для меня этот старый готтентот по наущению мошенника.

– Ханс! – сказал я. – Когда ты поймал работорговцев в ими же расставленные ловушки, умирающий вождь зулусов назвал тебя Светом во мраке. Он верно назвал тебя, ибо ты, как свет, засиял в темноте моего сердца. Я считал себя мудрым, но оказался глупцом, и был, как ты и Самми, обманут обыкновенным мошенником. Но этот мошенник, показав, насколько низким может быть человек, заставил тебя показать, насколько может быть человек благородным. Свет во мраке! Ты дал мне больше, чем все золото в мире. Я постараюсь заплатить тебе за это своей вечной любовью!

Ханс взял мою протянутую руку и приложил ее к своему лбу.

– Не надо говорить так, баас. Это делает меня печальным, когда я так счастлив. Сколько раз баас не наказывал меня, когда я поступал нехорошо, когда я пил, и за другое? Баас не наказал меня даже тогда, когда я украл порох, чтобы продать его и купить себе джину. Правда, порох никуда не годился.

– Но почему ты теперь счастлив? – спросил я.

– О, баас! – ответил Ханс, и глаза его заблестели. – Разве баас не догадывается – почему? Теперь у бааса нет денег, и у меня нет. Ясно, что мы пойдем искать заработка. Я так рад, баас. Мне надоело сидеть на ферме и доить коров. Великий Небесный Отец знал, что делал, послав Джэкоба на наш путь!

– Ты прав, Ханс, – сказал я, – но куда мы пойдем? Нам нужны слоны.

Ханс назвал целый ряд различных мест и, окончив их перечень, сел на корточки передо мной и, пожевывая табак, вопросительно поглядывал на меня, склонив голову набок, как старая пытливая птица.

– Ханс, – спросил я, – ты помнишь историю, которую я рассказывал тебе год или более тому назад? Историю о народе кенда; в стране их, говорят, находится кладбище слонов, которые приходят туда умирать. Эта страна лежит где-то на северо-востоке от того озера, где живут понго. Ты говорил, что ничего не слышал о народе кенда?

– Нет, баас, я много слышал о них.

– Почему же ты раньше ничего не говорил мне?

– Зачем было говорить? Баас тогда искал золото, а не слоновую кость. Когда мы были в городе Беза, я разговаривал со всеми, с кем стоило поговорить. Там жила одна старая женщина. Муж и дети у нее умерли, и она была всегда одна; все боялись ее, потому что она была мудрая, умела гадать и знала лечебные травы. Я рассказывал ей о понго и об их боге-горилле. Она говорила, что это ничто по сравнению с другим богом, которого она видела, когда была очень молодой. Она говорила так: далеко на северо-востоке живет народ кенда, которым правит султан. Это великий народ, заселяющий плодородную землю. Вокруг их страны лежит пустыни, где никто не может жить. Никто ничего не знает о кенда. Кто перейдет через пустыню в их землю, тот никогда не возвратится, потому что его убьют. Она говорила мне, что происходит из этого народа, но убежала от них, когда султан хотел взять ее в свой гарем. Она счастливо перешла через пустыню и попала к мазиту, искавшим страусовых перьев. Она ничего не говорила им о своей земле, потому что боялась наказаний своего бога.

– А что она тебе говорила о народе кенда и их боге?

– Она говорила, что у кенда не один бог, а да, не один правитель, а два. Они имеют доброго бога-дитя, которое говорит устами женщины-оракула. Если женщина умирает, бог не говорит до тех пор, пока не найдет другую женщину, отмеченную знаком бога. Перед смертью женщина-оракул говорит, в какой стране живет та, которая заменит ее. Священ-

ники отправляются в ту страну на поиски. Иногда они долго не могут найти новую женщину; тогда дитя теряет язык и народ становится добычей другого бога, который никогда не умирает. Тот бог – большой злой слон, которому приносят в жертву людей. Султан и большая часть народа, все черные поклоняются тому слону. Имя его Джана. Много лет назад, когда мир был еще молодым, с севера туда пришел другой светлый народ, поклонявшийся дитяти, которого принес с собой. Этот народ поселился рядом с черным народом. Дитя – добрый бог, слон – злой. Дитя посылает дождь и хорошую погоду и исцеляет болезни. Джана посылает злые дары: войну и жестокость. Вот что рассказала мне старуха, баас.

– Почему же ты тогда ничего не сказал мне об этом?

– Потому что я боялся, что баас пойдет искать этот народ, а мне тогда надоело путешествовать и хотелось вернуться в Наталь на отдых. Кроме того, все мазиту говорили, что эта женщина большая лгунья.

– Она не лгала, – и я рассказал Хансу о Харуте и Маруте и их просьбе, о виденном мною кладбище слонов и Джане.

Ханс невозмутимо выслушал это: его трудно было чем-нибудь удивить.

– Да, баас. Старуха не была лгуньей. Когда же мы отправимся забрать эту слоновую кость и каким путем пойдем? Через Кильву или через Землю зулусов? Надо торопиться, пока не пошли дожди.

После этого мы долго беседовали. Карманы наши были

пусты, и решить задачу, как пуститься в путешествие, было весьма трудно, если не вовсе невозможно.

VII. Рассказ лорда Рэгнолла

Эту ночь Ханс провел у меня, вернее, в моем саду, не решаясь идти в город. Он опасался ареста за драку с белым человеком. Однако тот не возбудил дела – был, по всей вероятности, накануне слишком пьян, чтобы вспомнить, кто его столкнул в канаву.

На следующее утро мы вновь принялись обсуждать все возможные способы, как при помощи имевшихся в нашем распоряжении средств добраться до страны, где живет народ кенда. Такая долгая и полная непредвиденных случайностей экспедиция требовала больших затрат. Но где взять денег?

Наконец я пришел к решению ехать вдвоем с Хансом в сопровождении только двух зулусских охотников, взяв с собой одну запряженную быками телегу для необходимых вещей и припасов.

С таким легким снаряжением мы рассчитывали пробраться через Землю зулусов в город Беза, столицу мазиту, где, как мы были уверены, нас ждет самый радушный прием.

После этого нам представится возможность убить некоторое количество слонов в диких местах, лежащих за Землей зулусов. Во время нашего разговора я услышал пушечный выстрел, возвещавший о прибытии в гавань английского почтового парохода.

Я сел написать несколько деловых писем, касавшихся зло-

счастной компании «Доброго доверия». Через некоторое время в окне появилась физиономия Ханса, который объявил, что на дороге стоят два «очень красивых» незнакомых бааса, которые ищут меня.

– Акционеры нашей компании, – подумал я, приготовившись уйти через заднюю дверь.

– Если они придут сюда, скажи им, Ханс, что меня нет дома. Скажи, что я уехал сегодня утром.

Я вышел из дома черным ходом. Мне было грустно, что я, Аллан Кватермэн, дошел до того, что вынужден прятаться от людей.

Вдруг во мне заговорила гордость. Чего мне стыдиться? Я имею полное право смотреть всем прямо в глаза. Я решил вернуться и, обойдя кругом свой маленький домик, остановился у живой изгороди из гранатовых деревьев, отделявшей мои владения от дороги.

– Икона[8], – услышал я протяжный голос кафра.

– Нам нужно знать, где живет великий белый охотник, – говорил голос, показавшийся мне знакомым.

– Икона, – повторял кафр.

– Не вспомните ли вы, как его здесь зовут? – спросил другой, тоже знакомый мне голос.

– Великий охотник Хикомазани, – с гордостью сказал первый голос и мгновенно в моей памяти возник великолепный Рэгнолл-Кэстл и его обитатели.

---

[8] Не знаю.

– М-р Сэвэдж! – прошептал я. – Как он попал сюда?

– Ну вот, – сказал второй голос, – ваш черный приятель теперь окончательно сбит с толку. Я говорил вам нанять белого проводника. Это избавило бы нас от массы затруднений.

– Я считал это излишним, ваша светлость, раз мы путешествуем инкогнито.

– Нам недолго удастся сохранить инкогнито, если вы будете постоянно называть меня вашей светлостью. Тут, за этими деревьями, есть дом; подите и спросите, где…

– Здравствуйте, лорд Рэгнолл! Как поживаете, м-р Сэвэдж? Вы ищете меня? Я очень рад вас видеть, – сказал я, выходя из-за деревьев.

– Да, Кватермэн, – радостно ответил лорд Рэгнолл, – чтобы посетить вас, я проехал семь тысяч верст и, благодарение Богу, мне посчастливилось найти вас. Я боялся, что вы где-нибудь в центре Африки, где нам трудно было бы отыскать вас.

Пока он говорил, я оглядел их обоих. Со времени последней нашей встречи Сэвэдж почти совсем не изменился, но с лордом Рэгноллом произошла большая перемена. В его глазах появилась какая-то тень. У рта образовалась глубокая складка. На всем его красивом лице лежала печать страдания.

– Через неделю вы уже не застали бы меня, – заметил я, пожимая им руки.

Мы вошли в дом.

– Как раз время завтракать, – продолжал я, – и, к счастью, у меня есть хорошая треска и нога дикой козы. Еще два прибора, бой![9]

– Пожалуйста, один, сэр. Я позавтракаю потом, – смущенно сказал Сэвэдж.

– Ну, эти церемонии в Африке придется оставить, – пробормотал я, однако больше не настаивал. Для Ханса и нескольких других туземцев, глядевших на нас в открытое окно, вид важного мажордома, почтительно стоявшего за нашими креслами и разливавшего простой джин с таким видом, будто это было тонкое дорогое вино, было интересным зрелищем.

Покончив с завтраком, мы вышли на веранду покурить, оставив Сэвэджа завтракать в одиночестве.

После завтрака Сэвэдж был послан на таможню за вещами, и мы с лордом Рэгноллом остались вдвоем.

– Скажите, что привело вас в Африку? – спросил я.

– Несчастье, – ответил лорд Рэгнолл.

– Неужели ваша жена умерла?

– Не знаю. Во всяком случае, она потеряна для меня.

– Один раз это чуть не произошло.

– Да, когда вы спасли ее. О, если бы вы были с нами, Квартермэн! Тогда, быть может, ничего не случилось бы. Восем-

---

[9] Так называют туземную мужскую прислугу во всех восточных странах (англ. – мальчик).

надцать месяцев мы жили счастливо. У нас был прелестный ребенок. Часто жена говорила, что наше большое счастье даже пугает ее. Однажды, когда я охотился, она собралась навестить недавно обвенчавшихся Скрупов. Отправилась она без кучера в маленькой коляске, запряженной пони, взяв с собой кормилицу с ребенком. Лошадь была смирная, как овца. Проезжая местечко, лежавшее вблизи Рэгнолл-Кэстла, они встретили бродячий зверинец, переезжавший на новое место. Впереди зверинца шел огромный слон, который, как я узнал впоследствии, был дурного нрава и не терпел, когда ему ехали навстречу. Вид коляски или, быть может, красной мантии моей жены, привел животное в ярость; оно подняло хобот и громко затрубило. Испуганная лошадь шарахнулась в сторону, но коляску не опрокинуло и не причинило никому вреда. Тогда, – тут лорд Рэгнолл сделал паузу, – дьявол в образе этого слона протянул свой хобот, выхватил ребенка из рук кормилицы и бросил его высоко в воздух. Потом торжествующе затрубил и продолжил свой путь, не причинив ни моей жене, ни кормилице никакого вреда. За городом он взбесился и был застрелен.

– Какой ужас, – прошептал я.

– Дальше последовало еще худшее. Утрата ребенка так потрясла мою жену, что она потеряла рассудок. Целыми часами она сидела, улыбаясь и перебирая красные камни, подаренные ей Харутом и Марутом. По временам она обращалась к ребенку, словно он находился возле нее. Ах, Кватермэн! Как

тяжело было на нее смотреть! Я делал все, что мог. Ее лечили лучшие врачи Англии, но бесполезно. Оставалась только надежда на то, что болезнь пройдет так же внезапно, как и появилась. Врачи говорили, что перемена места может оказать на нее хорошее влияние и, в частности, указывали на Египет.

Однажды утром жена спросила меня:

– Джордж! Когда же мы поедем в Египет? Едем поскорее!

Эти слова внушили надежду врачам, и они убедили меня не перечить ей. Мы отправились в Египет в сопровождении леди Лонгдэн. В Каире я нанял большой пароход с отборным экипажем и под охраной четырех солдат мы отправились вверх по Нилу. В течение месяца к своей великой радости я заметил, что у жены постепенно стали появляться признаки прояснения рассудка. Она проявляла большой интерес к древней скульптуре и храмам, о которых много читала, когда была здоровой. Однажды, за несколько дней до катастрофы, она указала мне на изображение Изиды и Гору-са и сказала:

– Посмотри, Джордж, вот святая мать и святое дитя, – и поклонилась ему.

За день до катастрофы моя жена была странно спокойна. Она все время сидела на палубе, любуясь стоявшим на берегу храмом, высеченным в скале, со статуями, словно охранявшими его. Потом она долго смотрела на расстилавшуюся перед ее глазами пустыню, по которой на верблюдах двига-

лись арабы.

Послушав пение суданских певцов, мы отправились спать раньше обыкновенного, так как в этот вечер не было луны. Жена жила со своей матерью в большой каюте на корме. Моя каюта была рядом с ними по одну сторону, а по другую находилась каюта сиделки. Экипаж и стража помещались на носу. С парохода на берег была перекинута сходня, на которой стоял часовой. Ночью задул шамсин[10], но я не слышал его, заснув весьма крепко, как и все остальные, включая, вероятно, и часового. На рассвете меня разбудил испуганный голос леди Лонгдэн, стоявшей у дверей моей каюты и спрашивавшей, не знаю ли я, где Люна. Оказалось, что моя жена уже давно ушла из каюты. Мы обыскали весь пароход, но она исчезла бесследно. Я передал дело в руки египетской полиции, начались энергичные поиски, но и они не дали никаких результатов. Тогда возникло предположение, что жена упала в воду и утонула, а тело ее унесло быстрое течение Нила. В этом была убеждена и египетская полиция, которая, несмотря на обещанную мной награду в тысячу фунтов за обнаружение хотя бы тела моей жены, отказалась от дальнейших поисков.

– Вы говорите, что в эту ночь дул ветер? Я полагаю, что он легко мог уничтожить все следы на песчаном берегу, – заметил я.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил лорд Рэгнолл.

---

[10] Ветер; то же, что и самум в Сахаре.

– У меня нет оснований утверждать что-либо, но мне кажется, что ваша жена не утонула и жива сейчас.

– Но где она?

– Об этом надо спросить наших старых знакомых, Харута и Марута, – ответил я.

– Вы думаете, что она похищена этими негодяями?

– Мне кажется, что это так, хотя «негодяи» – слишком сильное выражение. Наверное, они честные люди. Не забывайте, что они служат своему богу, да еще такому, которому угрожает другой бог.

Тут я рассказал лорду Рэгноллу обо всем, что слышал Ханс от старой женщины в Беза, столице мазиту. Он слушал меня с глубочайшим интересом.

– Это удивительная история, – заметил он, когда я окончил свой рассказ. – Но не обратили ли вы внимание на то, что наш ребенок погиб из-за слона?

– Да, это странное совпадение сильно поразило меня, – ответил я, но не желая больше говорить об этом ужасном случае, я попросил лорда Рэгнолла продолжить свой рассказ.

– Рассказ мой близится к концу, – сказал лорд Рэгнолл. – Утрата сначала ребенка, потом жены, которая была для меня всем, сильно потрясла меня. Жизнь потеряла всякий смысл. Вскоре по возвращении в Англию я решил покончить с собой. Я уже написал необходимые письма и приготовил пистолет, как вдруг блеснула искра надежды… Я позвал Сэвэджа и приказал ему взять места на нервом почтовом паро-

ходе, отходящем в Африку, затем приобрел у оружейников большой запас различного оружия – и вот мы здесь.

– Да, – задумчиво повторил я, – вы здесь. И с вами запас снаряжения, которого, пожалуй, хватит на целый полк, – прибавил я, указывая на огромную телегу, доверху наполненную багажом, и целую толпу носильщиков-кафров с отдельными тюками, которые под предводительством Сэвэджа остановились у ворот моего дома.

VIII. Отъезд

Вечером, когда багаж был разобран и заперт в небольшом сарае, мы с лордом Рэгноллом продолжили наш разговор. Перед этим мы распаковали часть оружия – превосходный набор дорогих охотничьих ружей всех видов, годных для охоты на слонов включительно. Вид их, расставленных вдоль стен моей гостиной, привел старого Ханса в большой восторг. Он долго рассматривал их, поглаживая рукой и давая каждому из них особое название, как будто это были живые существа.

– С таким оружием, – говорил он, – баас может убить самого дьявола. Пусть баас поставит к ним Интомби, – прибавил он.

«Интомби» было мое старое любимое ружье, почти игрушечное по размерам, однако не раз в прошлом хорошо мне послужившее. Я перевел эти слова лорду Рэгноллу. Он расхохотался, чему я был весьма рад, так как давно не видел его даже улыбающимся.

Также в дополнение к охотничьему оружию в багаже было не менее пятидесяти военных крупнокалиберных винтовок системы Снайдерса с большим запасом патронов.

Лорду Рэгноллу едва удалось добиться их провоза через таможню.

В этот вечер я перед сном рассказал лорду Рэгноллу о

своем злосчастном председательстве в золотопромышленной компании «Доброго доверия» и ее печальном конце.

– Вы – величайший в мире стрелок, охотник и исследователь, – заметил лорд, – но что касается таких дел, как коммерция… Однако я до известной степени благодарен этому мошеннику Джэкобу.

Затем он задал мне ряд вопросов, касавшихся этого дела, и сделал несколько заметок в своей записной книжке. Последнее мне показалось несколько странным, но я ничего не сказал.

Спустя несколько дней мне стала ясна причина этих вопросов и заметок.

Однажды утром я нашел на своем столе целый ворох писем, вид которых привел меня в ужас, напомнив о проклятой компании. Однако делать было нечего, я взял одно из них и распечатал.

Оно было от того самого акционера, который на общем собрании предложил всем выразить мне доверие. Читая его, я чуть не упал в обморок. Вот его содержание:

«Милостивый Господин!

Когда я помешал свои деньги в золотопромышленную компанию «Доброго доверия», я знал, что кладу их в надежное место. Теперь, получив от вашего поверенного чек, по которому мне до копейки уплачивается все, что я вложил в дело, я могу сказать одно: да благословит вас Бог, м-р Квартермэн!»

Я вскрыл другое письмо, третье, четвертое… Везде содержание было примерно одно и то же.

Ничего не понимая, я вышел на крыльцо, где навстречу мне попался Ханс, державший в руках письмо, которое он попросил меня прочесть.

Письмо было от известного местного нотариуса.

«Посылая вам, – писал он, – от имени Аллана Кватермэна, эсквайра, чек на шестьсот пятьдесят фунтов, каковая сумма стоит на вашем счету в книгах компании «Доброго доверия», мы имеем честь просить вас подписать и переслать нам обратно прилагаемую расписку».

И к письму был приложен чек на шестьсот пятьдесят фунтов!

Я объяснил Хансу, в чем дело, и прибавил:

– Ты получил свои деньги обратно, но я не посылал их и не знаю, откуда они.

– Это деньги, баас? – спросил Ханс, с подозрением разглядывая чек. – Это очень похоже на ту бумагу, за которую я заплатил деньги.

Я снова объяснил Хансу значение чека.

– Хорошо, – сказал он, – пусть баас спрячет эту бумагу у себя, иначе мне захочется купить джину.

– Нет, – возразил я, – ты должен выкупить свою ферму и купить себе новую. Теперь тебе незачем идти со мной в страну кенда.

Ханс на минуту задумался, потом решительно взял чек и

хотел разорвать. Я едва успел удержать его.

– Если баас хочет прогнать меня из-за этой бумаги, я сделаю ее малой и проглочу.

– Ты старый глупец, – сказал я, отбирая у него чек.

Наш разговор был прерван появлением Самми, моего бывшего повара, торжественно начавшего благодарственную речь. Я обратился в поспешное бегство, но у ворот столкнулся с новым акционером, за которым шло еще двое. Я спасся от них в своей комнате, где среди кучи полученных писем увидел еще одно, не вскрытое. Машинально я распечатал его и пробежал глазами. Оно слово в слово повторяло письмо, полученное Хансом, только вместо «м-р Ханс Готтентот» стояло мое имя, и приложенный к нему чек был на тысячу пятьсот фунтов, – сумму, которую я вложил в дело.

Мне стало все ясно.

Очевидно, феей, обратившей наши ничего не стоящие шеры в банковые билеты, был не кто иной, как лорд Рэгнолл.

Тогда я поспешно разыскал его и торжественно объявил, что мне очень нужно с ним поговорить.

– Мой друг, если вы позволите мне называть вас так, – весело ответил лорд Рэгнолл, – мне было нетрудно сделать это, так как вся затраченная сумма меньше моего ежемесячного дохода. Мне очень хотелось, чтобы вы, отправляясь в наше опасное путешествие, были свободны от всяких денежных забот. Я прошу вас больше не вспоминать о таких пустяках. Смотрите на это, как на прихоть богатого человека.

– Мне трудно согласиться с вами, лорд Рэгнолл, – сказал я.

– А вспомните, Кватермэн, как вы поступили с выигранными на пари двустами пятидесятью фунтами, которые имели для вас в сто раз большее значение. Но чтобы не поднимать больше этого вопроса, я прошу вас считать эти деньги жалованьем, уплаченным вам вперед за участие в рискованной экспедиции.

Потом мы приступили к обсуждению деталей нашего путешествия. Деньги теперь не имели значения, и нам можно было выбирать любой путь.

Не остановившись ни на одном, я открыл окно и свистнул. Через минуту в комнату вошел Ханс. Он уселся на корточках на полу в стороне от нас. Я предложил ему табаку, он набил свою трубку и закурил. Затем я рассказал Хансу о нашем споре в выборе пути в землю кенда.

Он выслушал меня внимательно, потом попросил маленький стаканчик джину и, опорожнив его одним глотком, сказал:

– Я думаю, баас, что не стоит идти через Кильву, где нам могут встретиться работорговцы, которые захотят отомстить за урок, полученный ими в последний раз. Путь через страну зулусов долог, но легче, ибо имя Макумацана хорошо известно там. Не надо брать с собой много людей; нужно взять только две повозки и несколько погонщиков, которых можно всегда отправить назад, когда они станут не нужны. Из Земли зулусов можно послать послов к мазиту, которые лю-

бят бааса. Их король вышлет нам навстречу носильщиков. Со многими людьми путь будет труднее, чем с немногими. Кроме того, если с нами будет много вооруженных людей, народ кенда подумает, что мы хотим воевать с ним. Если нас будет мало, они скорее позволят нам уйти с миром. Пусть баас и лорд Игеза простят меня, если мои слова глупы.

Тут я должен заметить, что туземцы дали лорду Рэгноллу прозвище «Игеза», что по-зулусски означает «красивый». Сэвэджа они почему-то окрестили «Бена», что значит «выпяченная грудь». По всей вероятности, это прозвище было дано ему за горделивую осанку. Обсудив план, предложенный Хансом, мы нашли, что он самый лучший, и приняли его.

Спустя две недели, закончив необходимые приготовления, мы покинули Дюрбан и направились по песчаной дороге в Землю зулусов.

Наш багаж и припасы были уложены на двух прочных полукрытых повозках, которые по ночам служили нам великолепными спальнями. Ханс поместился на месте кучера одной из этих повозок. Лорд Рэгнолл, Сэвэдж и я ехали верхом на выносливых лошадках, привычных к стрельбе.

Перед отъездом у нас произошло маленькое приключение.

Сэвэдж, который не захотел сменить свой черный сюртук на более удобное платье, попытался сесть на лошадь не с той стороны, с какой следовало. Лошадь, удивленная таким об-

ращением, шарахнулась в сторону, и бедный Сэвэдж кувырком полетел на землю. Мы уже думали, что этим и закончится его путешествие, как вдруг он вскочил на ноги с необыкновенным проворством и начал прыгать и кричать:

– Снимите ее! Убейте ее!

Скоро выяснилось, в чем было дело.

Лошадь испугалась спящей ехидны, которая, свернувшись, лежала на песке, а Сэвэдж упал на последнюю и раздавил ее.

– Я ненавижу змей! – восклицал он, убедившись, что ехидна мертва, – а они постоянно попадаются мне. Это дурная примета, – печально прибавил он.

– Напротив, хорошая, – возразил я, – так как вы раздавили змею, а не она ужалила вас.

После этого кафры дали Сэвэджу новое очень длинное имя, которое означало: Тот-который-садится-на-змей-и-делает-их-плоскими».

Мы снова сели на лошадей.

Я обернулся и бросил последний взгляд на свой домик, где у ворот стоял мой старый садовник Джэк, который, хныкая, прощался со мной. Я помахал ему на прощание рукой и присоединился к лорду Рэгноллу, ожидавшему меня.

– Я боюсь, – сказал он, – что вам очень грустно покидать свой дом и идти навстречу неведомым опасностям.

– Не более грустно, чем бывало прежде, – ответил я, – так как опасности – мой насущный хлеб. Но ведь и вас ожидают

те же опасности.

– Для меня, Кватермэн, это часть надежды. Поэтому я теперь гораздо счастливее, чем был в последнее время. И все благодаря вам, – прибавил он, протягивая мне руку, которую я крепко пожал.

IX. Встреча в пустыне

Я не стану долго останавливаться на подробностях нашего путешествия в Землю кенда, по крайней мере, первой части его. Правда, на этом пути у нас было несколько охотничьих и других интересных приключений, но мне предстоит рассказать много еще более интересного. Скажу только, что несмотря на внутренние междоусобицы зулусов, мы пересекли их страну без особых затруднений. Здесь мое имя пользовалось большим уважением, и все партии объединились, чтобы помочь нам.

Отсюда я отправил посланцев к королю мазиту сообщить, что его собираются посетить старые друзья «Макумацан» и «Свет-во-мраке».

Зная, что, дойдя до реки Лубы, мы не сможем переправить через нее наши повозки, я просил короля мазиту выслать нам навстречу к условленному месту сотню носильщиков с соответствующей охраной.

Посланные взялись исполнить это поручение за плату по пяти штук мелкого скота каждому. В случае, если они погибнут в пути, плата должна была быть передана их семьям.

Этот скот мы оставили на попечении у одного вождя, приходившегося им родственником.

Случилось так, что двое из посланных погибли в пути. Один из них из-за болезни, полученной при переходе через

болото, другой от зубов голодного льва.

Однако третьему удалось преодолеть трудный путь и исполнить наше поручение.

Чтобы дать отдых измученным быкам, мы сделали остановку на две недели в северной части Земли зулусов. Потом снова двинулись вперед, идя путем, знакомым мне и Хансу.

С нами было несколько зулусов-носильщиков. Кормить их было довольно трудно, так как большая часть нашего скота пала от укусов мухи це-це, и нам пришлось бросить одну из повозок.

Наконец мы достигли берега реки Лубы и разбили лагерь у трех высоких скал, где нас должны были найти мазиту.

Из-за дождей река сильно разлилась, и переправа через нее оказалась невозможной.

Прошло четыре дня.

Каждое утро я влезал на самую высокую скалу и разглядывал в бинокль обширное пространство, поросшее кустарником, в надежде увидеть приближающихся к нам мазиту.

Во нигде не было видно ни души, и на четвертый вечер, заметив убыль воды в реке, мы пришли к решению переправиться на следующее утро на противоположный берег. Последнюю повозку было решено отправить с носильщиками обратно в Наталь.

Но тут возникло новое затруднение. Никакие обещания награды не могли заставить зулусов омочить ноги в воде реки Луба, которую они объявили «тагати» (заколдованной)

для народа их крови.

Я указал им, что трое посланных к мазиту перешли уже через эту реку. Носильщики возразили мне, что то были полукровные зулусы, и, хроме того, они наверное погибли. Как я уже упоминал, двое из троих посланных погибли, конечно, случайно, а не из-за магических свойств реки Лубы. Однако эта гибель, вероятно, сильно укрепила наших носильщиков в их убеждении. Так сохраняются суеверия в Африке. Сами мы были не в состоянии переправить наш багаж, и я очень обрадовался, когда на пятую ночь в повозку, где спали мы с лордом Рэгноллом, явился Ханс и сообщил, что он слышал голоса людей на отдаленной стороне реки. Как он мог что-либо услышать сквозь рев бегущей воды, я так и не понял.

На рассвете мы взобрались на скалу, и когда туман рассеялся, я увидел на другой стороне реки около сотни человек, в которых по одеянию и копьям узнал мазиту.

Увидев меня, они издали веселый крик и бросились в воду, держась друг за дружку, чтобы не дать быстрому течению унести себя. Глупые зулусы схватились за копья и выстроились на берегу. Мне едва удалось отогнать их на приличное расстояние.

– Жаль, – угрюмо сказал их предводитель, – пройти такой путь и не сразиться с этими собаками мазиту.

Когда мазиту подошли ближе, я к своему удовольствию увидел во главе их своего старого друга Бабембу, одноглазого вождя, с которым Ханс и я пережили в прошлом множе-

ство разнообразных приключений. Выйдя на берег, Бабемба радостно приветствовал меня.

– О, Макумацан, – говорил он, – мало у меня было надежды снова увидеть твое лицо. Тысяча приветов тебе и «Свету-во-мраке»!

Я представил Бабембе лорда Рэгнолла и Сэвэджа именами «Игеза» и «Бена».

Он некоторое время внимательно рассматривал их.

– Это, – сказал он, указывая на лорда Рэгнолла, – великий господин. А этот, – прибавил он, указывая на Сэвэджа, который был одет лучше нас всех, – петух в перьях орла.

Ханс украдкой засмеялся на последнее замечание, но я счел лучше не переводить его Сэвэджу.

За завтраком, приготовленным «Петухом в перьях орла», который был, между прочим, превосходным поваром, я узнал все новости. Бауси, король Мазиту, умер, и ему наследовал один из его сыновей, которого я знал, тоже носивший имя Бауси. Город Беза был восстановлен после пожара и сильно укреплен. Работорговцы больше не появлялись. Между прочим, я узнал о гибели двоих наших посланных.

Третий вернулся вместе с Бабембой.

После завтрака я отправил обратно зулусов, дав каждому по подарку и поручив им отвезти в Наталь нашу повозку. Они пропели прощальную песню и удалились, бросая на мазиту свирепые взгляды. Я рад был, что эта встреча обошлась без кровопролития.

Потом мы стали наводить переправу. Дело было быстро налажено, так как мазиту работали как друзья, а не как наемники.

Переправившись через Лубу, мы двинулись в дальнейший путь и приблизительно через месяц достигли города Беза, где нас ждал торжественный прием.

Бауси II во главе большой процессии вышел нам навстречу к южным воротам города, памятным мне по одной битве.

Вечер мы провели в большом доме для гостей, где король, молодой человек с симпатичным лицом, и старый Бамбемба устроили «индаба» – пиршество в честь нас. Король осведомился, как долго мы намерены пробыть в Безе, и выразил надежду, что наше посещение продлится подольше. Я ответил, что мы скоро двинемся дальше в путь на север в Страну кенда и просил его дать нам носильщиков до крайних границ его владений.

При упоминании имени кенда он удивленно посмотрел на меня, а Бабемба воскликнул:

– О, Макумацан! Разве безумие охватило тебя? Поистине ты стал безумным!

– Ты то же самое говорил, Бабемба, когда мы через озеро ездили в город Рика; однако мы счастливо вернулись оттуда, – сказал я.

– Верно, Макумацан, но разве можно сравнивать народ кенда с понго, которые перед ними маленькая звезда перед

лицом солнца?

– Что ты знаешь о них? – спросил я, рассказав ему, что слышал от Ханса и Харута с Марутом, опустив, однако, все касающееся леди Рэгнолл.

– Это все правда, – сказал Бабемба, когда я окончил свой рассказ, – кенда – сильный, многочисленный и жестокий народ. Их король носит имя «Симба», что значит «лев». У них все короли носили это имя. Симба правит черными кенда, у которых бог Джана. Белыми кенда, которые похожи на арабов, правят жрецы. Всякого, кто попадет в их страну, они убивают с мучениями или, ослепив, пускают в пустыню, которая окружает их страну, где он и погибает. Я слышал, что белые кенда разводят животных, называемых верблюдами, и продают их арабам, живущим на север от их страны. Не ходи к ним, Макумацан. Если тебе удастся пройти через пустыню, – черные кенда убьют тебя. Если ты спасешься от них, – тебя убьет Симба. Минуешь Симбу, – убьет Джана, а если не Джана, – убьют жрецы белых кенда своим колдовством.

– А все-таки надо попытаться, – ответил я на это.

– Спросите у него, есть ли там змеи? – сказал Сэвэдж.

– Да, Бена! Да, петух в перьях орла! – ответил Бабемба. – Я слышал, что у белых кенда есть храм, который охраняет такая змея, какой нет нигде во всем мире.

– Тогда, – заметил Сэвэдж, – этот храм не принадлежит к числу тех, где я буду молиться.

Увы! Он даже не подозревал, что его ожидало в будущем.

Потом мы подняли вопрос о носильщиках. После некоторого колебания Бауси II, только из большого расположения к нам, согласился дать нам своих людей, взяв с нас торжественное обещание отпустить их, дойдя до пустыни, «чтобы они избегли нашей участи».

Через четыре дня мы тронулись в путь в сопровождении ста двадцати носильщиков под предводительством самого Бабембы, который заявил, что хочет последним видеть нас живыми на этом свете.

Накануне выступления Ханс оставил на попечение Бабембы свое завещание, «как делают белые люди», касавшееся шестиста пятидесяти фунтов, оставленных на хранение в дюрбанском банке.

За час до того, как мы оставили город Беза, я услышал плач и стенание, доносившееся с городской площади. Выйдя узнать в чем дело, я встретил около сотни женщин, осыпанных золой, которые приветствовали меня заунывным пением. За ними стояло почти все остальное население города.

Ханс объяснил мне, что они поют песню смерти, чтобы предупредить небо о нашем скором прибытии туда.

Признаться, все это довольно скверно действовало мне на нервы.

Итак, мы снова двинулись в путь, и месяц спустя уже проходили мимо большого озера, где находился остров (если то был остров) понго.

Потом шли все на север путем, известным Бабембе, потом

малонаселенной страной, обитатели которой не знали земледелия даже в самой первобытной его форме.

Пройдя еще миль сто, мы встречали только кочевников, – низкорослых бушменов, живущих исключительно охотой и пользующихся отравленными стрелами.

Один раз они напали на нас и убили двух мазиту своими стрелами, против яда которых нет никаких средств. При этом Сэвэдж проявил удивительную храбрость. Он выскочил из-за прикрытия и, дав промах из обоих стволов на расстоянии пяти ярдов по бушмену, схватил его и притащил к нам. Пленник оказался чем-то вроде вождя.

Ханс, знавший немного язык бушменов, сказал ему, что если нас не перестанут тревожить, мы повесим его. Бушмен что-то закричал своим товарищам, после чего нас оставили в покое.

Пройдя Землю бушменов, мы дали свободу нашему пленнику.

Постепенно местность становилась все более и более бесплодной, лишенной всяких признаков жизни, и, наконец, мы дошли до настоящей пустыни.

Недалеко от края этой необъятной пустыни находился оазис с источником воды.

Дальше идти было невозможно, так как мазиту наотрез отказались сопровождать нас в пустыне. Не зная, что делать, мы расположились лагерем в оазисе и стали ждать.

Окрестные места оказались просто раем для охотников.

Они изобиловали крупной и мелкой дичью, днем пасущейся у богатой сочной травой окраины пустыни, а по вечерам приходившей к источнику на водопой. В числе других животных попадались слоны в таком большом количестве, что я надеялся, – в случае, если невозможно будет продолжать наше путешествие, добыть здесь много слоновой кости.

Слоны совершенно не боялись людей и подпускали нас к себе на очень близкое расстояние. Я убил нескольких, чтобы отослать их клыки в подарок королю мазиту. Даже Сэвэдж застрелил одного слона (прицелившись в другого) на расстоянии пяти шагов.

Так прошло четырнадцать дней. Нам надоело наше неопределенное положение, да и мазиту, питаясь исключительно мясом, соскучились по растительной пище.

Мы устроили совещание.

Старый Бабемба заявил, что не может дольше удерживать своих людей, настаивающих на возвращении домой, и спросил нас, зачем мы сидим здесь «как камни».

Я ответил, что мы ожидаем проводников, обещанных нам знакомыми кенда.

На это Бабемба возразил, что кенда, насколько ему известно, живут за сотни миль отсюда и что они никак не могут знать о нашем пребывании здесь при отсутствии сообщения через пустыню. Я попросил лорда Рэгнолла высказать свое мнение и объяснить, что идти одним через пустыню – значит идти на верную смерть, а обратный путь немыслим без

помощи мазиту.

Лорд Рэгнолл пришел в сильное волнение и, отозвав меня в сторону, заявил, что, желая по известным мне причинам попасть в Страну кенда, он, несмотря ни на что, останется здесь.

– Это означает, что мы все останемся здесь, – сказал я. – Сэвэдж и я не покинем вас, Ханс не покинет меня, хотя и считает нас безумными.

– Я останусь один… – начал было лорд Рэгнолл, но я так посмотрел на него, что он не закончил фразы. Наконец мы пришли к такому соглашению:

Бабемба, поговорив со своими людьми, согласился подождать еще три дня. Если за это время ничего не случится, мы уйдем назад миль на пятьдесят, остановимся в местах, изобилующих слонами и, добыв сколько можем унести слоновой кости, вернемся в Землю мазиту.

Три дня прошли.

Я уже был уверен, что избежал нелепого и опасного приключения, между тем как лорд Рэгнолл с каждым часом становился все мрачнее.

Третий день был посвящен завязыванию тюков, так как на рассвете следующего дня мы, согласно условию, должны были двинуться в обратный путь.

Однако судьба решила иначе.

Часа в два ночи меня разбудил Ханс, спавший за моей хижиной.

– Пусть баас откроет глаза и поглядит, – говорил он испуганным голосом, – там снаружи два призрака ожидают бааса.

Я поднялся и осторожно выглянул из шалаша. В пяти шагах от него при свете луны я увидел две фигуры в белых одеяниях, неподвижно сидевшие на земле.

Страх охватил меня.

Я уже приготовил пистолет, который лежал под ковром, служившим мне подушкой, как вдруг услышал знакомый спокойный голос:

– Разве это твой обычай, Макумацан, о Бодрствующий-в-ночи, встречать гостей пулями?

– Да, Харут, – ответил я, – если гости украдкой приходят среди ночи. Но вы наконец здесь. Скажите мне, почему вы так долго заставили нас ждать?

– О, Макумацан, – смущенно ответил Харут, – прими наши смиренные оправдания. Когда мы узнали о твоем приходе в город Беза, мы сразу двинулись в путь. Но мы смертные, Макумацан, и разные препятствия мешали нам. Зная, что у вас много клади, мы должны были собрать много верблюдов. Потом нужно было послать вперед вырыть колодцы в пустыне вдоль нашей дороги. Вот причина промедления. Но мы пришли как раз вовремя, ибо через несколько часов вы были бы уже на пути домой.

– Это верно, – сказал я, – но войдите в шалаш, здесь очень холодно.

Они вошли и, не будучи магометанами, не отказались от

предложенного джина.

– За ваше здоровье, Харут и Марут, – сказал я, отпив немного из стакана и отдав остальное Хансу, который в один прием проглотил жгучую жидкость.

– За твое здоровье, Макумацан! – ответили гости и, опорожнив свои стаканы, поставили их перед собой с таким благоговением, будто это были священные сосуды.

– Теперь, – сказал я, – будем говорить. Как вам удалось уехать из Англии после попытки похитить леди, которой вы подарили ожерелье? Куда вы увезли ее после похищения на Ниле? Во имя вашего священного Дитяти, шайтана или египетского Сета, отвечайте мне, иначе вам пришел конец, – прибавил я, хватая пистолет.

– Извини нас, Макумацан, – с улыбкой сказал Харут, – но если ты так поступишь с нами, тебе самому придется ответить на много вопросов, на которые трудно найти ответ. Мы уехали из Англии на пароходе и после долгого путешествия вернулись в свою страну. Твой намек на похищение на Ниле непонятен нам. Мы никогда не собирались похищать ту леди, которой подарили ожерелье. Мы только хотели задать ей несколько вопросов, ибо она обладает даром ясновидения. Но появился ты и прервал нас. Зачем нужна нам белая леди?

– Не знаю, зачем, – ответил я, – но знаю, что вы величайшие лжецы, каких я когда-либо встречал.

При этих словах, которые любому другому могли бы показаться оскорбительными, Харут и Марут низко поклони-

лись мне, словно я им сделал комплимент.

– Оставим вопрос о леди, – сказал Харут, – поговорим о нашем деле. Ты здесь, Макумацан, и мы пришли встретить тебя. Готов ли ты отправиться с нами, чтобы принести смерть злому слону Джане, опустошающему нашу землю, и получить великую награду? Если готов, твой верблюд ждет тебя.

– Один верблюд не может нести на себе четверых, – уклончиво ответил я.

– Храбростью и ловкостью ты превосходишь многих людей, о Макумацан, но телом ты один.

– Вы ошибаетесь, Харут и Марут, если думаете, что я поеду с вами один, – воскликнул я, – вот мой слуга, – указал я на Ханса, – без которого я не двинусь с места ни на шаг. Кроме того, меня должны сопровождать лорд Рэгнолл, известный под именем «Игеза», и его слуга Бена, из которого вы в Англии извлекали змей.

При моих словах на бесстрастных лицах Харута и Марута появились признаки беспокойства, и они обменялись словами на непонятном мне языке.

– Наша страна, – сказал Харут, – открыта только для тебя, Макумацан, чтобы убить Джану, за что мы обещаем тебе великую награду. Других мы не хотим видеть там.

– Тогда сами убивайте своего Джану, а я шагу не ступлю за вами.

– А если мы насильно возьмем тебя с собой, Макумацан?

– А если я убью вас, Харут и Марут? Глупцы! Со мною много храбрых людей. Ханс! Прикажи мазиту взяться за оружие и позови сюда Игезу и Бену.

– Остановись, о господин, и положи оружие на свое место, – сказал Харут, увидя, что я снова схватил пистолет. – Незачем проливать кровь. Мы в большей безопасности, чем ты думаешь. Пусть твои товарищи сопровождают тебя, но пусть они знают, что подвергаются большой опасности.

– Ты хочешь сказать, что вы их потом убьете?

– Нет. Но кроме нас там живут другие, более сильные люди, которые захотят принести их в жертву. Твоя жизнь в безопасности, Макумацан, но нам открыто, что двоих из вас ждет гибель.

– Но как мы можем быть уверены, что вы, заманив нас в свою страну, не убьете предательски, чтобы завладеть нашим имуществом?

– Мы клянемся тебе страшной клятвой. Мы клянемся тебе Небесным Дитятей, – в один голос воскликнули оба, поклонившись до земли.

Я пожал плечами.

– Ты не веришь нам, – продолжал Харут, – ибо не знаешь, что бывает с тем, кто нарушит эту клятву. Но слушай. В пяти шагах от твоей хижины есть высокий муравейник. Взберись на него и посмотри в пустыню.

Любопытство заставило меня принять это предложение. Я вышел в сопровождении Ханса с заряженным двустволь-

ным ружьем и вскарабкался на муравейник футов в двадцать высотой, откуда открывался вид на пустыню.

– Смотри на север, – снизу сказал Харут.

Я посмотрел в указанном направлении и при ярком свете луны ярдах в пяти-шести от себя увидел сотни две сидевших на земле верблюдов и около каждого из них белую фигуру, державшую в руках длинное копье, к древку которого был прикреплен маленький флажок. Я смотрел на них до тех пор, пока не убедился, что это не иллюзия или мираж, после чего спустился с муравейника.

– Ты видишь, Макумацан, – сказал Харут, – если бы мы захотели причинить тебе вред, мы могли бы напасть ночью на ваш спящий лагерь. Но эти люди пришли охранять, а не убивать тебя или твоих друзей. В этом мы поклялись тебе клятвой, которая не может быть нарушена. Теперь мы пойдем к своим, а завтра снова вернемся одни и без оружия.

С этими словами они исчезли, как тени.

X. Вперед!

Через десять минут весь наш лагерь был на ногах. Все схватились за оружие.

Сначала поднялось нечто вроде паники, но с помощью Бабембы порядок был восстановлен, и все приготовились к защите.

О бегстве нечего было и думать, так как верблюды быстро настигли бы нас.

Оставив Бабембу при воинах, мы, трое белых и Ханс, собрались на совет, и я рассказал обо всем происшедшем между мной и Харутом с Марутом.

– Что вы решите? – спросил я. – Эти люди хотят, чтобы я ехал в их страну. Но они против других. Ничто не мешает вам, Рэгнолл, Сэвэдж и тебе, Ханс, вернуться обратно с мазиту.

– Ох! – воскликнул Ханс, – я не покину бааса. Если надо умереть, я умру. А теперь, баас, я очень хочу спать. Я не спал всю ночь и задолго до прихода этих призраков слышал верблюдов, но не знал, что это такое, потому что я их никогда раньше не видел. Когда все будет решено, пусть баас разбудит меня.

С этими словами он улегся и тотчас же заснул, как верная собака у ног своего хозяина.

Я вопросительно посмотрел на лорда Рэгнолла.

– Я последую за вами, – коротко ответил он.

– Несмотря на то, что эти люди отрицают свое участие в похищении вашей жены?

– Как и Хансу, мне безразлично, что меня ждет в будущем. Кроме того, я не верю этим людям. Что-то подсказывает мне, что они знают правду о моей жене. Они слишком заинтересованы, чтобы я не сопровождал вас.

– Ну, а вы, Сэвэдж, к какому пришли решению? Помните, эти люди говорят, что двое из нас никогда не вернутся. Но кто – неизвестно. Конечно, нельзя знать будущее, но они слишком необыкновенные люди.

– Сэр, – сказал Сэвэдж, – перед тем как покинуть Англию, его светлость обеспечил мою старую мать и вдовую сестру с детьми. Теперь от меня никто не зависит. Поэтому я пойду за вами и в остальном полагаюсь на Бога.

– Итак, все решено, – сказал я, – теперь надо позвать Бабембу.

Старик принял известие о нашем решении более спокойно, чем я предполагал.

– Макумацан, – сказал он, – я ждал от тебя таких слов. Если бы это сказал другой человек, я счел бы его безумным. Но я знал тебя таким, когда ты отправлялся в Понго и вернулся невредимым. Я надеюсь, что так будет и на этот раз. А теперь прощай. Я должен увести своих людей прежде, чем придут сюда эти арабы. Может произойти битва, нас мало, и нам придется умереть. Если они скажут, что твои лошади не

могут пересечь пустыню, отпусти их. Мы поймаем и сохраним их до тех пор, пока ты не пришлешь за ними. Не надо больше подарков. Ты уже оставил мне ружье, пороху, пуль и – что дороже всего – память о себе и твоей мудрости и храбрости. С того дальнего холма я буду смотреть, пока ты не скроешься из виду. Прощай.

И не став ждать моего ответа, Бабемба ушел, проливая слезы из своего единственного глаза.

Через десять минут остальные мазиту простились с нами и ушли, оставив нас одних в опустевшем лагере среди сложенного багажа.

Вскоре Ханс, полоскавший недалеко от нас котелок, поднял голову и сказал:

– Идут, баас. Целый полк идет.

Мы оглянулись. По направлению к нам ровными рядами медленно двигались всадники на покачивающихся верблюдах. Не доехав ярдов пятидесяти до нас, они остановились и начали поить в ручье своих верблюдов.

От них отделилось двое людей, в которых я узнал Харута и Марута, с поклоном остановившихся перед нами.

– Доброе утро, господин, – сказал Харут лорду Рэгноллу на ломаном английском языке. – Итак, ты решил посетить с Макумацаном наш бедный дом, как посетили мы твой богатый замок в Англии. Ты думаешь, что мы похитили твою леди. Это не так. В Стране кенда нет белой леди. Она, наверное, утонула в Ниле, потому что ходила во сне. Мы очень

жалеем тебя, но боги знают, что делают. Они дают и берут, когда хотят. Но к тебе снова вернется твоя жена еще более прекрасной, и к ней вернется ее душа.

Я удивленно смотрел на Харута. Я ничего не говорил ему о том, что леди Рэгнолл потеряла рассудок. Откуда он мог узнать об этом?

– Мы рады, господин, – продолжал Харут, – принять тебя, но, правду сказать, это очень опасное путешествие, ибо Джана не любит чужестранцев. Смотри, на твоем лице уже лежит печать страдания, причиненного слоном.

Потом Харут обратил свое благосклонное внимание на Сэвэджа.

– И ты идешь, Бена? Что же, в Земле кенда ты узнаешь многое о змеях и о другом.

Тут Марут, широко улыбаясь и обнаруживая ряд ослепительно белых зубов, что-то шепнул на ухо своему товарищу.

– Ох, – продолжал Харут, – мой брат говорит, что ты встретился с одной змеей в Натале и сел на нее так тяжело, что сделал ее плоской. В Земле кенда мы покажем тебе лучшую змею, но ты не будешь сидеть на ней, Бена!

Мне, не знаю почему, все эти шутки показались страшными, – чем-то вроде игры кошки с мышью. Откуда могли эти люди знать подобные вещи и провидеть будущее? Я посмотрел на Сэвэджа. Он был бледен и, очевидно, чувствовал то же, что и я.

Даже Ханс шепнул мне по-голландски:

– Это не люди, это дьяволы, баас! Мы едем прямо в ад!

Только лорд Рэгнолл сидел молча и совершенно бесстрастно. Его красивое лицо было как у сфинкса. Я видел, что Харут и Марут чувствовали силу этого человека, и это вызывало у них беспокойство.

Часа три спустя мы ехали по пустыне на превосходных верховых верблюдах, оглядываясь на брошенный нами лагерь в оазисе, видневшийся на горизонте.

На расстоянии мили впереди нас ехал пикет из 8-10 всадников на самых быстрых животных, чтобы предупредить караван в случае какой-либо опасности.

Ярдах в трехстах за ним следовал отряд из пятидесяти кенда, выстроенных в два ряда.

За отрядом следовали погонщики, ведя за собой верблюдов, нагруженных провизией, водой, палатками и нашим багажом, включая пятьдесят винтовок лорда Рэгнолла.

Потом ехали мы вчетвером на самых лучших верблюдах. По правую и левую сторону и позади нас на расстоянии полумили ехали такие же отряды, как и впереди. Мы находились в центре, окруженные со всех сторон охраной. Харут и Марут следовали за нами на небольшом расстоянии и при необходимости их легко можно было позвать.

Сперва путешествие на верблюде с непривычки сильно утомляло меня. Постоянная качка так действовала на меня, что к ночи я чувствовал себя совершенно разбитым.

Бедный Сэвэдж страдал еще больше.

Только лорд Рэгнолл, вероятно, раньше ездивший на верблюдах, не испытывал особых неудобств.

Что касается Ханса – тот чувствовал себя превосходно. Он все время менял положение и ехал то по-дамски, то сидя в седле на коленях, как обезьяна на шарманке.

Постепенно я привык к такой езде, и вскоре наши пятьдесят миль в день не особенно утомляли меня.

Мне начинала нравиться жизнь в этой спокойной пустыне.

Днем мы ехали по бесконечной песчаной равнине, по вечерам ели с аппетитом простую пищу и спали под мерцающими звездами до новой зари.

Говорили мы мало.

Вероятно, тишина пустыни накладывала печать на наши уста. Каждый был погружен в свои мысли.

Лично мне казалось, что я живу в каком-то сне. С нашей охраной мы совсем не общались. Думаю, им было запрещено разговаривать с нами.

Эти стройные молчаливые люди общались между собой знаками или отрывистыми словами. К Харуту и Маруту они относились с огромным уважением и повиновался им беспрекословно. Однажды я потерял свой карманный нож. Тогда троим из них было приказано вернуться назад и отыскать его. Только на восьмой день они догнали нас, почти выбившись из сил и потеряв одного верблюда, но с моим ножом, который передали мне с поклоном.

Сознаюсь, мне стало очень стыдно.

С Харутом и Марутом вплоть до самых границ Земли кенда мы почти не разговаривали.

Так мы прошли около пятисот миль, останавливаясь в маленьких оазисах напоить верблюдов и отдохнуть.

Наконец характер местности начал меняться.

Стала попадаться трава, потом кусты и деревья и среди них даже дикие козы.

Отъехав в сторону, я убил двух коз, чем вызвал большое удивление у нашей стражи, очевидно, никогда не видавшей стрельбы из ружья.

В этот вечер мы с удовольствием поели дичи, так как давно уже не ели свежего мяса.

В последние дни мы заметили, что наши стоянки стали непохожи на прежние. Верблюдов уже не отпускали пастись далеко от лагеря, наш багаж складывали около самых палаток и к нему ставили стражу.

Я спросил у Харута о причине этих предосторожностей.

– Потому что мы на границе Земли кенда, – ответил он, – через четыре дня мы будем на месте.

– Зачем же предосторожности против своего народа? Они встретят вас…

– Копьями, Макумацан. Заметь, что кенда составляют два народа. Мы, белые кенда, имеем свою отдельную территорию. Но путь к нам лежит через землю черных кенда, которые всегда могут напасть на нас, особенно если увидят, что с

нами чужестранцы. Черные кенда значительно превосходят нас числом, но они не нападают на нашу землю, ибо боятся проклятия Небесного Дитяти. Однако если они встречают нас на своей земле, они убивают нас; точно так же и мы поступаем с ними, когда они приходят на нашу землю.

– Значит, между вами существует постоянная вражда?

– Вражда, которая закончится большой войной, где должны погибнуть черные или белые кенда. Или, быть может, оба народа погибнут вместе. Вот почему мы просили тебя, Макумацан, быть нашим гостем, – с поклоном закончил Харут и удалился, прежде чем я успел что-нибудь ответить.

– Похоже на то, – заметил я Рэгноллу, – что нас везут сражаться за Харута, Марута и Ко.

Ночь прошла спокойно.

На заре следующего дня мы двинулись в дальнейший путь местностью, становившейся все более и более плодородной. Уже стали попадаться целые стада антилоп, но людей не было видно.

Во время очередной остановки на отдых Харут провел нас на возвышенное место, откуда открывался вид миль на пятьдесят вперед.

Перед нами лежала обширная равнина, представлявшая, вероятно, дно высохшего озера. По ней было рассыпано множество деревушек и отдельных домиков. С востока и запада равнину пересекала река, разветвлявшаяся на несколько протоков. Далеко на горизонте виднелся высокий холм, по-

крытый густой растительностью.

– Вот Земля кенда, – сказал Харут, – по эту сторону реки Тавы живут черные кенда, а по ту – белые.

– А что это за холм? – спросил я.

– Это священная гора, дом Небесного Дитяти, куда не может ступить ничья нога, кроме жрецов Дитяти.

– А если кто ступит? – спросил я.

– Он умрет, Макумацан.

– Значит, ее охраняют?

– Она охраняется, но не оружием смертных, Макумацан.

Видя, что Харут неохотно говорит об этом, я спросил его о численности народа кенда.

Он ответил, что черные кенда имеют около двадцати тысяч воинов, между тем как белые не более двух тысяч.

В это время наш разговор был прерван появлением человека из передового пикета, который сообщил Харуту что-то весьма встревожившее его.

Я осведомился, в чем дело.

– Один из разведчиков Симбы, царя черных кенда, – ответил Харут, указывая на скачущего вдали по равнине всадника. – Он едет в город Симбы сообщить о нашем появлении на их земле. Вернемся в лагерь, Макумацан, и поедем дальше, когда взойдет луна.

Как только взошла луна, мы снова двинулись вперед, несмотря на то, что верблюды были крайне утомлены.

Мы ехали всю ночь, остановившись лишь перед рассветом

на полчаса, чтобы подкрепиться пищей и подтянуть веревки нашего багажа, который охранялся теперь с особенной тщательностью.

Когда мы снова тронулись в путь, к нам подъехал Марут и со своей обычной улыбкой сказал, что хорошо было бы, если бы мы держали наши ружья наготове.

Мы вооружились винтовками, заряжающимися сразу пятью патронами. Только Ханс взял себе мое старое одноствольное шомпольное ружье, которое он называл «Интомби», не раз сослужившее мне хорошую службу во время путешествия в Понголэнд. Ханс почему-то считал его счастливым.

Спустя четверть часа, когда уже совсем рассвело, мы въехали в скалистую местность, окаймлявшую равнину.

Вдруг наш караван остановился… Вскоре нам стало ясно, в чем дело.

На расстоянии не более полумили впереди нас показалось около пятисот человек в белых одеяниях, частью пеших, частью ехавших верхом. Они быстро двигались нам навстречу с явной целью преградить путь. Лица их были черны, и они не носили никаких головных уборов.

От них отделилось два парламентера с белыми флагами в руках.

Они галопом подъехали к нашему каравану, остановились у того места, где стояли мы с Харутом и Марутом, и отсалютовали нам копьями. Это были стройные мужчины черной

расы с длинными волосами, доходившими до самых плеч. На них было легкое одеяние: кожаные панталоны, сандалии и нечто вроде кольчуги из тройной цени, сделанной из металла, похожего на серебро, которая свешивалась с шеи на спину и на грудь. Вооружены они были длинными копьями, похожими на копья белых кенда, и прямыми мечами с крестообразной рукояткой, висевшими у пояса.

Как я узнал впоследствии, так снаряжали кавалерию.

Пехотинцы имели более короткие колья, два дротика (ассегаи) и кривые ножи с роговой рукояткой.

– Здравствуй, пророк Дитяти! – закричал один из них. – Мы вестники бога Джаны, говорящего устами царя Симбы.

– Говори, почитатель демона Джаны! Чего хочет от нас Симба? – сказал Харут.

– Войны. Зачем вы перешли реку Шаву, границу Земли черных кенда, установленную договором сто лет назад? Разве вам мало своей земли? Царь Симба позволил вам пройти в пустыню, надеясь, что вы погибнете там. Но вы не вернетесь назад!

– Посмотрим, – ответил Харут, – это зависит от того, кто сильнее, Небесное Дитя или Джана. Мы хотим избежать кровопролития. Наше путешествие мирное. Эти белые люди хотят принести жертву Дитяти, а путь к священной горе лежит только через вашу землю.

– О, мы знаем, какая это жертва! – воскликнул парламентер, – они хотя крови нашего бога Джаны! Они думают убить

его своим необыкновенным оружием, хотя против бога Джаны бессильно любое оружие. Отдай нам белых людей, мы их принесем в жертву Джане. Тогда, быть может, царь Симба позволит вам пройти через свою землю.

– Как! – воскликнул Харут, – нарушить законы гостеприимства? Вернись к Симбе и скажи ему, что если он подымет против нас копье, тройное проклятие Дитяти падет на его голову! Проклятие бури, проклятие голода и проклятие войны! Я, пророк, сказал это. Ступай!

Эти слова, произнесенные Харутом выразительным голосом, произвели необычайное впечатление на парламентеров. Страх появился на их лицах. Не ответив ни слова, они повернули лошадей и так же быстро, как приехали, вернулись к своим.

Харут отдал приказание, после которого караван построился в виде клина. Я, Ханс и Марут поместились посередине левой стороны этого треугольника, лорд Рэгнолл и Сэвэдж на правой. Харут стал у вершины его.

Вьючные верблюды занимали центральное место.

Прежде чем стать на свои места, мы крепко пожали друг другу руки.

Бедняга Сэвэдж выглядел очень плохо: это должно было стать его первым боевым крещением.

Лорд Рэгнолл казался счастливым как король, только что вступивший на престол.

Я, уже видевший немало битв, вспомнил предсказание од-

ного зулусского вождя, который говорил, что я умру не на поле сражения. Тем не менее, настроение у меня было иным, чем у лорда Рэгнолла.

Только Ханс казался совершенно спокойным. Он даже успел набить табаком и закурить свою трубку. Если бы он не сидел в своей обезьяньей позе на высоком верблюде, он получил бы от меня хороший пинок за эту браваду перед лицом Провидения.

Однако своим поведением он вызвал восторг наших кенда.

Я слышал, как один из них сказал другому:

– Посмотри! Это вовсе не обезьяна, а настоящий мужчина, даже больший мужчина, чем его господин!

Теперь все было готово.

Харут, трижды поклонившись священной горе, встал на стременах и, подняв копье над головой, коротко скомандовал:

– Вперед!

XI. Аллан в плену

Наш отряд смело бросился вперед.

Даже верблюдам, несмотря на их крайнее утомление, казалось, передалось воодушевление всадников.

Не нарушая порядка построения, мы быстро катились вниз по склону холма.

Целый лес копий блестел на солнце; флажки весело развевались по ветру.

Никто не проронил ни слова; слышался лишь топот мчавшихся верблюдов.

Только когда началась битва, белые кенда издали мощный крик:

– Дитя! Смерть Джане! Дитя! Дитя!

Человек четыреста вражеской пехоты сомкнулись в 7–8 рядов. Первые два ряда стояли на коленях, держа наперевес длинные копья. Этот строй напоминал древнегреческую фалангу. По обе стороны пехоты, на расстоянии около полумили от нее, стояло по отряду всадников, человек по сто в каждом.

Когда мы приблизились к врагу, наш треугольник, следуя за Харутом, немного изогнулся. Минуту спустя я понял, что это был искусный маневр. Мы разрезали строй врага, как нож масло, ударив в него не прямо, а под углом. Промчавшись по опрокинутой пехоте, белые кенда поражали враже-

ских воинов копьями и топтали их верблюдами.

Я уже подумал, что дело решилось в нашу пользу, однако это было не так. Вскоре между нами оказалось много пеших врагов, которых я посчитал мертвыми; они старались поразить наших верблюдов в живот. Кроме того, я забыл о вражеской кавалерии, которая ураганом обрушилась на наши фланги.

Мы сделали все, что могли, чтобы отразить этот удар. В результате наша правая и левая линии были прорваны ярдах в пятидесяти сзади вьючных верблюдов. К счастью для нас, быстрота натиска помешала черным кенда воспользоваться успехом своего удара. Оба неприятельских отряда, не успев сдержать лошадей, столкнулись и пришли в замешательство. Тогда мы направили на них своих верблюдов, и в результате много врагов было переколото копьями и потоптано копытами. Я не могу сказать, как случилось, что я, Ханс, Марут и примерно пятнадцать белых кенда оказались окруженными множеством нападавших на нас врагов.

Мы сопротивлялись, как могли.

Постепенно пали все наши верблюды, за исключением того, на котором сидел Ханс. Этот верблюд по странной случайности не был даже ранен.

Мы продолжали сражаться пешими.

До этого времени я не сделал ни одного выстрела, так как было трудно целиться с качающегося верблюда, отчасти же из нежелания убивать напрасно этих диких людей.

Однако теперь нам грозила серьезная опасность.

Наклонившись над бьющимся на земле умирающим верблюдом, я полностью разрядил свое ружье. В результате пять лошадей без всадников помчались по равнине.

Это произвело на атакующих сильное впечатление, так как они никогда не видели ничего подобного. Наши враги отхлынули назад, дав мне возможность снова зарядить ружье.

Через минуту они вновь бросились на нас – и снова тот же результат.

Посоветовавшись некоторое время между собой, они пошли в третью атаку.

Я снова встретил их залпом, хотя на этот раз упало всего три всадника и одна лошадь.

Наше дело было проиграно, так как у меня кончились патроны и оставался только заряженный двуствольный пистолет. И все из-за непредусмотрительности!

Мои патроны лежали в сумке, которую Сэвэдж из учтивости вешал на свое седло. Я спохватился, когда уже началась битва, но ничего не мог сделать, так как мы с Сэвэджем находились в разных концах строя. После долгого совещания наши враги снова направились к нам, но на этот раз очень медленно.

Тем временем я огляделся и увидел, что наши главные силы уходили на север, счастливо оторвавшись от погони.

Мы были оставлены на произвол судьбы, так как, по всей вероятности, нас считали убитыми.

– Мой господин Макумацан, – сказал все еще улыбавшийся Марут, подходя ко мне. – Дитя спасло большинство наших, но мы покинуты. Что ты будешь делать? Стрелять, пока нас не схватят?

– Мне нечем стрелять, – ответил я. – А если мы сдадимся, что будет с нами?

– Нас отвезут в город Симбы и принесут в жертву Джане. У меня мало времени рассказать тебе, как это делается. Поэтому я предлагаю: убьем себя.

– Это, пожалуй, глупо, Марут. Пока мы живы, нам может представиться случай выбраться из этой истории. Если нам придется плохо, у меня остается пистолет с двумя пулями для тебя и для меня.

– Мудрость Дитяти говорит твоими устами, Макумацан, – сказал Марут. – Я поступлю так, как поступишь ты.

Затем он обернулся к своим людям. Они некоторое время совещались между собой, после чего приняли весьма героическое решение.

Подпустив черных кенда на близкое расстояние, вышли вперед, будто желая сдаться, и вдруг с криком: «Дитя!» бросились на них и, сражаясь как демоны, поразили множество врагов, пока сами не пали, покрытые ранами. Эта хитрая и отчаянная выходка, так дорого стоившая нашим врагам, сильно разъярила их.

С криком «Джана!» они устремились на нас (нас оставалось всего шестеро), ведомые седобородым мужчиной, кото-

рый, судя по числу цепочек на груди и другим украшениям, был важной особой.

Когда они приблизились ярдов на пятьдесят к нам и мы уже готовились к самому худшему, вдруг надо мной прогремел выстрел. В то же мгновение седобородый мужчина широко взмахнул руками, выронил копье и бездыханный пал на землю. Я оглянулся и увидел Ханса с трубкой в зубах и дымящимся «Интомби» в руках.

Он выстрелил, кажется, в первый раз за весь день и убил этого мужчину, смерть которого повергла черных кенда в горе и отчаяние. Они спешились и толпились вокруг убитого.

К ним подъехал свирепого вида мужчина средних лет, у которого оказалось еще больше разных украшений.

– Это царь Симба, – сказал Марут. – Убитый – его дядя Гору, великий вождь, воспитывавший Симбу с малых лет.

– Жаль, что у меня нет патрона для племянника, – заметил я.

– До свидания, баас! – сказал Ханс. – Мне надо уходить, потому что я не могу снова зарядить «Интомби» на спине этого животного. Если баас раньше меня встретит своего отца, пусть баас попросит его приготовить для меня хорошее место у огня.

Прежде чем я успел что-либо ответить, Ханс повернул своего верблюда (который, как я уже упоминал, был цел и невредим) и, подгонял его ударами ружья, умчался галопом, но не по направлению к дому Дитяти, а вверх по холму, в

чащу гигантской травы, которая росла недалеко от нас.

Там он вскоре скрылся вместе со своим верблюдом.

Если бы черные кенда даже и видели уход Ханса, – в чем я сильно сомневаюсь, так как их внимание всецело было поглощено мертвым Гору, – они, вероятно, не стали бы преследовать его.

Они подумали бы, что Ханс хочет заманить их в какую-нибудь ловушку или засаду.

Тем временем враги наши совещались в явном замешательстве. Они, вероятно, пришли к заключению, что мы с нашими ружьями нечто большее, чем простые смертные.

Наконец от них отделился один человек, в котором я узнал утреннего парламентера.

Тогда я отложил в сторону свое ружье в знак того, что не собираюсь стрелять, хотя все равно не мог бы этого сделать.

Парламентер подошел к нам и, остановившись в нескольких ярдах, обратился к Маруту.

– Слушай, второй жрец Дитяти, – сказал он, – что говорит царь Симба. Он говорит, что ваш бог слишком силен сегодня, хотя в другой раз может быть иначе. Поэтому Симба предлагает вам сдаться и клянется, что ни одно копье не пронзит ваше сердце и ни один нож не тронет вашего горла. Вас отведут в город и будут держать как пленников до тех пор, пока не наступит мир между черными и белыми кенда. Если же вы откажетесь, мы окружим вас со всех сторон и будем ждать, пока вы не умрете от жажды и зноя. Это слова

Симбы, к которым ничего не будет прибавлено и от которых не будет ничего убавлено.

Сказав это, парламентер отошел от нас на некоторое расстояние, чтобы не слышать нашего совещания, и стал ждать.

– Что ответить ему, Макумацан? – спросил Марут.

Я ответил ему вопросом.

– Есть ли надежда, что нас освободит твой народ?

Марут отрицательно покачал головой.

– Никакой. То, что мы видели сегодня, лишь малая часть войска черных кенда. Завтра они могут собрать тысячи. Кроме того, Харут думает, что мы погибли. Если Дитя не спасет нас, нам придется покориться своей судьбе.

– Тогда дело наше проиграно. Я уже чувствую жажду, а у нас нет ни капли воды. Но сдержит ли Симба свое слово?

– Я думаю, что сдержит, – ответил Марут. – Но надо выбирать. Смотри, они уже начинают окружать нас.

– Что вы скажете? – обратился я к трем остальным белым кенда.

– Мы в руках Дитяти, – ответили они, – хотя лучше было бы нам пасть вместе с нашими братьями.

Посоветовавшись еще немного со мной, Марут позвал парламентера.

– Мы принимаем предложение Симбы, – сказал он, – и сдаемся вам в плен при условии, что нам не будет причинено никакого вреда. Если Симба нарушит условие, месть будет ужасна. Теперь в доказательство своей верности пусть Сим-

ба подойдет к нам и выпьет с нами кубок мира, ибо мы чувствуем жажду.

– Нет, – ответил парламентер, – если Симба подойдет к вам, белый господин убьет его. Пусть он отдаст сначала свою трубу.

– Возьми, – великодушно сказал я, передавая ему ружье, причем подумал, что нет ничего бесполезнее ружья без патронов.

Парламентер удалился, держа далеко перед собой мое ружье. После этого к нам подъехал сам Симба в сопровождении нескольких людей; один из них нес мех с водой, а другой – огромный кубок, сделанный из клыка слона.

Симба был красивый мужчина с огромными усами, большими черными глазами, которые по временам принимали зловещее выражение. На голове у него, как и у других, не было никакого убора за исключением золотой ленты, представлявшей, по-видимому, корону. На лбу был широкий шрам от раны, полученной, вероятно, в каком-нибудь сражении.

Он оглядел меня с большим любопытством, и я думаю, что мой внешний вид произвел на него невыгодное впечатление.

В пылу сражения я потерял свою шляпу, волосы мои были растрепаны, куртка испачкана пылью и кровью. В общем, я представлял собой весьма непрезентабельную фигуру.

Я слышал, как Симба, рассчитывая, что я не понимаю языка кенда (за месяц пути я выучил этот язык, похожий на

наречие банту), сказал одному из своих спутников:

– Истинно, о силе нельзя судить по виду. Этот маленький белый дикообраз причинил нам очень много вреда. Однако время, дробящее даже скалы, скажет нам все.

Затем он подъехал к нам и сказал:

– Ты слышал, враг мой пророк Марут, предложенные мной условия и принял их. Не будем больше говорить об этом. Я исполню что обещал, но ни на волос больше.

– Пусть будет так, – ответил Марут со своей обычной улыбкой, – но помни, что если ты изменнически убьешь нас, тройное проклятие Дитяти падет на тебя и на твой народ.

– Джана победит Дитя и всех, кто чтит его! – раздраженно воскликнул Симба.

– Кто в конце-концов победит – Джана или Дитя – известно одному Дитяти и, может быть, его пророкам. Но смотри! За каждого поклонника Дитяти пало больше трех поклонников Джаны. Наш караван ушел, увозя белых людей, у которых много труб, наносящих смерть. Джана, должно быть, заснул, допустив это!

Я ожидал, что эти слова вызовут взрыв негодования, однако они произвели противоположное действие.

– Я пришел выпить чашу мира с тобой, пророк, и с белым господином. Поговорим потом. Дай воды, раб.

Один из свиты Симбы наполнил кубок водой. Симба взял кубок, брызнул водой на землю и, отпив из него немного, передал его с поклоном Маруту, который с еще более низким

поклоном передал его мне.

Почти умирая от жажды, я выпил добрую пинту воды и после этого почувствовал себя другим человеком.

Марут выпил остальное.

Потом кубок снова был наполнен для трех белых кенда, и Симба снова попробовал воду.

Когда наша жажда была утолена, нам привели лошадей, маленьких послушных животных с овечьими шкурами вместо седел и ременными петлями вместо стремян.

На них мы в продолжение трех часов ехали по равнине, окруженные сильным эскортом. По обе стороны каждой нашей лошади шло по вооруженному черному кенда, державшему ее за повод. Это была предосторожность на случай попытки к бегству с нашей стороны.

Мы проехали несколько деревень, где женщины и дети сбегались посмотреть на нас.

По сторонам дороги тянулись тучные нивы с почти созревшими злаками разных сортов.

Жатва обещала быть обильной. Из некоторых домов слышался плач. Очевидно, оплакивали павших в утреннем сражении.

Потом мы ехали большим роскошным лесом; многие деревья я видел впервые. Выйдя из леса и проехав еще некоторое время хлебными полями, мы наконец въехали в столицу черных кенда, город Симбы. Это было большое поселение, несколько отличавшееся от других африканских горо-

дов, окруженное глубоким рвом, наполненным водой.

Через ров было перекинуто несколько мостов, которые легко разбирались в случае опасности.

Проехав через восточные ворота, мы очутились на широкой улице, где собралась толпа жителей, уже знавших об утреннем сражении.

Они сжимали кулаки и шептали проклятия Маруту и его товарищам.

На меня черные кенда смотрели скорее с удивлением и некоторым страхом.

Проехав еще с четверть мили, мы через ворота попали в нечто похожее на южно-африканские краали для скота, окруженные сухим рвом и деревянным палисадом, наружная часть которого была обсажена зеленью. Пройдя еще одни ворота, мы очутились у большой хижины, или дома, построенного по образцу других домов города.

Это был дворец короля Симбы.

За дворцом находилось еще несколько домов, где жила королева и другие женщины.

Справа и слева от дворца стояли два дома. Один служил помещением для стражи, в другой провели нас. Это было довольно удобное жилище площадью около тридцати квадратных футов, но состоявшее всего из одной комнаты. Позади него находилось несколько хижин, служивших кухнями. В одну из них отвели наших троих белых кенда.

Вскоре принесли еду: жареного ягненка и кушанье из ва-

реных колосьев, кроме того, воду для питья и умывания в кувшинах, сделанных из высушенной на солнце глины.

Я ел с большим аппетитом, так как почти умирал от голода.

Потом растянулся на матраце, лежавшем в углу комнаты, натянул на себя кожаный ковер и крепко уснул, предоставив дальнейший ход событий Провидению.

XII. Первое проклятие

На следующее утро меня разбудил солнечный луч, упавший на лицо через оконное отверстие с деревянной решеткой.

Я лежал еще некоторое время, припоминая события предыдущего дня.

Итак, я был пленником дикого народа, у которого было достаточно оснований ненавидеть меня: я убил многих из них, хотя и делал это исключительно с целью самозащиты.

Правда, король обещал нам неприкосновенность, но разве можно было положиться на слово такого человека?

Если случай не спасет нас, без сомнения, дни наши сочтены: рано или поздно мы будем убиты.

Единственным утешительным обстоятельством было то, что, по крайней мере, лорду Рэгноллу и Сэвэджу удалось спастись.

Я был уверен, что они спаслись, потому что двое людей, взятых с нами в плен, говорили Маруту, что они видели их скачущими в толпе всадников целыми и невредимыми.

По всей вероятности, они теперь оплакивают мою смерть, так как не в обычае черных кенда брать пленников.

Я не знал, на что они решатся, когда Рэгнолл поймет, что его попытка отыскать жену оказалась напрасной. Единственное, что им оставалось – пробовать прорваться назад, но это

было очень трудно.

Оставался еще Ханс. Тот, конечно, попытается вернуться нашим прежним путем, так как он никогда не забывал дороги, по которой хоть однажды прошел. Через несколько недель, я уверен, от него в пустыне останется лишь кучка костей. А может быть, он ушел уже к своему отцу и рассказывает ему теперь об этих событиях у веселого огня где-то в далеком неведомом краю. Бедный Ханс!

Я открыл глаза и огляделся вокруг.

Первое, что я заметил, было исчезновение моего двуствольного пистолета и большого складного ножа. Я был теперь окончательно обезоружен. Потом я увидел Марута, сидевшего на полу и погруженного в молитву или глубокое раздумье.

– Марут, – позвал я, – кто-то был здесь ночью и похитил мой пистолет и нож.

– Да, господин, – ответил он, – и мой нож тоже исчез. Я видел, как в полночь двое людей, крадучись, как кошки, вошли сюда и обыскали все углы.

– Почему же ты не разбудил меня?

– Зачем, господин? Если бы мы оказали сопротивление, нас убили бы сразу. Лучше было не мешать им брать эти вещи, которые все равно не пригодились бы нам.

– Пистолет мог бы оказать хорошую услугу, – многозначительно сказал я.

– Да, но и без него мы, когда понадобится, можем найти

способ умереть.

– Ты думаешь, что Харут не знает о том, что мы в плену? Ведь курение, которое вы мне давали в Англии, могло бы указать ему…

– Это курение – пустая вещь, мой господин; оно на мгновение затемнило твой рассудок и помогло тебе видеть то, что было в нашем уме. Мы нарисовали картины, которые ты видел.

– А! – воскликнул я, – значит, это простое внушение. Тогда, безусловно, нас считают мертвыми, и нам остается надеяться только на самих себя.

– И на Дитя, – мягко вставил Марут.

– Ну вот! – раздраженно воскликнул я, – после всего сказанного о вашем курении ты ожидаешь от меня веры в ваше Дитя? Кто или что еще это за Дитя? Ты можешь сказать мне чистую правду, так как все равно нам скоро перережут глотки.

– Кто Дитя, я не могу сказать, ибо сам не знаю этого. Но уже целые тысячелетия наш народ поклоняется ему, и мы верим, что наши далекие предки, изгнанные из Египта, принесли его сюда. У нас есть свитки, на которых все записано, но мы не можем их прочесть. Оно имеет своих наследственных жрецов, глава которых – мой дядя, Марут. Я вам еще не говорил, что он мой дядя. Мы верим, что Дитя – бог или, вернее, символ, в котором живет бог, и что оно может спасти нас в этом и в будущем мире. Мы верим, что через ора-

кула-женщину, которая зовется Стражем Дитяти, оно может предсказывать будущее и посылать благословения и проклятия на нас и наших врагов. Когда оракул умирает, мы становимся беспомощными, так как Дитя теряет язык и наши враги начинают одолевать нас. Так было недавно, пока мы не нашли нового оракула.

Последний оракул перед смертью объявил, что его преемник живет в Англии. Тогда мы с дядей отправились туда, переодевшись фокусниками, и искали того, кого нам нужно было, в течение многих лет. Мы думали, что нашли нового оракула в лице прекрасной леди, которая вышла замуж за господина Игезу, потому что у нее на шее был знак молодого месяца. После нашего возвращения в Африку, – я могу рассказать вам все, как я уже говорил…

Здесь Марут остановился и посмотрел мне прямо в глаза, потом продолжал искренним голосом, который тем не менее не убедил меня:

– Мы поняли, – говорил он, – что ошиблись, потому что настоящий оракул был обнаружен среди нашего собственного племени и теперь уже два года занимает свое высокое положение. Вне сомнения, последний оракул ошибался, рассказывая нам, что преемник находится в Англии. Эта женщина могла слышать об Англии от арабов. Вот и все.

– Хорошо, – сказал я, стараясь скрыть свое подозрение относительно личности нового оракула, – а теперь скажи мне, что это за бог Джана, убить которого вы привезли меня сюда?

Сдан ли – бог, или бог – слон, – какое ему дело до дитяти?

– Джана среди нас, кенда, является олицетворением мирового зла, в то время как Дитя олицетворяет добро. Джана то же, что Шайтан у магометан, Сатана у христиан и Сет у наших праотцев египтян.

– Ага, понимаю, – подумал я. – Дитя – это Горус, а Сет – злое чудовище, с которым оно вечно борется.

– Между Джаной и Дитятей вечная война, – продолжал Марут, – и мы знаем, что в конце концов один из них победит другого.

– Весь мир знал это с самого начала, – прервал я его. – Но кто же или что – этот Джана?

– У черных кенда Джана, или его символ, есть слон, огромное злое животное, которое при встрече убивает всех, не поклоняющихся ему. Ему приносят жертвы. Живет он в лесу, но во время войны черные кенда пользуются им, так как этот демон повинуется своим жрецам.

– Но ведь этот слон, вероятно, меняется?

– Не знаю. Он один и тот же в продолжение нескольких последних поколений, так как известен своей величиной, и один из клыков его повернут вниз.

– Это ничего не доказывает, – заметил я, – слоны живут до двухсот лет и больше. Ты когда-нибудь видел его?

– Нет, Макумацан, – с содроганием отвечал Марут. – Если бы я встретил его, разве был бы я теперь жив? Но я боюсь, что мне суждено увидеть его, и не мне одному, – прибавил

он, снова содрогаясь.

В этот момент наш разговор был прерван появлением двух черных кенда, принесших нам еду – похлебку из вареной курицы.

Они стояли возле нас, пока мы ели. Что касается меня, то я был рад, так как узнал все, что мне хотелось знать о богословских воззрениях и обычаях страны, и пришел к заключению, что ужасный бог-дьявол черных кенда был просто слон необыкновенной величины и необыкновенной свирепости, за которым при других обстоятельствах я с удовольствием бы поохотился.

Аппетит был у нас плохой, и мы, наскоро позавтракав, вышли из дома и зашли в хижину, где находились наши белые кенда. Они сидели на корточках на земле с очень подавленным видом.

Когда я спросил их, в чем дело, они ответили:

– Нам придется умереть, а жизнь так хороша.

У них были жены и дети, которых ни один из них не надеялся снова увидеть. Я попробовал приободрить их, но, боялся, сделать это без воодушевления, так как в глубине души чувствовал то же, что и они.

Мы вернулись в свой дом и поднялись по лестнице на его плоскую крышу.

Отсюда мы увидели странную церемонию, происходившую в центре рыночной площади.

На большом расстоянии подробности были плохо видны,

а мой бинокль забрали вместе с пистолетом и ножом. Но вот что мы увидели.

Посреди площади был воздвигнут жертвенник, на котором горел огонь. Позади сидел Симба, окруженный советниками. Перед жертвенником стоял деревянный стол, на котором лежало нечто, похожее на козла или овцу. Фантастически одетый мужчина рассматривал это, лежавшее на столе. Результат, очевидно, не удовлетворил его, потому что мужчина поднял руки и издал унылый вопль. Потом внутренности животного были брошены в огонь, а труп куда-то унесен.

Я спросил Марута, что, по его мнению, они делали.

– Советовались с оракулом, – печально ответил он, – быть может, о том, жить нам или умереть, Макумацан.

В это время жрец в странном уборе из перьев приблизился к Симбе, держа в руке какой-то небольшой предмет.

Я раздумывал, что бы это могло быть, как вдруг звук выстрела долетел до моих ушей, и я увидел, что жрец начал скакать на одной ноге, держась за колено другой и громко завывая.

– Ага, – сказал я, поняв в чем дело, – он задел курок моего пистолета, и пуля попала ему в ногу.

Симба что-то крикнул, после чего пистолет был брошен в огонь, вокруг которого собралась целая толпа посмотреть, как он будет гореть.

– Погоди, – сказал я Маруту, и тут произошло неизбежное.

От жара костра выстрелил другой ствол и одновременно с выстрелом один из жрецов, окружавших жертвенник, повалился на землю, пораженный насмерть тяжелой пулей.

Ужас охватил черных кенда. Все побежали прочь; впереди Симба, а позади главный жрец, прыгавший на одной ноге.

Это происшествие весьма обрадовало нас. Мы поспешно спустились вниз, опасаясь, что наше присутствие на крыше может раздражать этих дикарей. Через минут десять ворота ограды распахнулись, и в них прошли четверо людей, несших труп убитого жреца, который положили у наших дверей.

Потом появился Симба, окруженный сильной стражей, а за ним главный жрец с перевязанной ногой, поддерживаемый двумя своими товарищами.

На нем (только теперь я рассмотрел) была отвратительная маска с двумя клыками, похожими на клыки слона.

Симба вызвал нас из дому. Делать было нечего, мы вышли.

Видно было, что он обезумел от страха или ярости, или от того и другого вместе.

– Посмотрите на вашу работу, маги! – сказал он ужасным голосом, указывая на мертвого жреца и на раненого.

– Это не наша, а твоя работа, Симба, – ответил Марут, – ты украл магическое оружие белого господина, и оно отомстило за себя.

– Верно, – сказал Симба, – труба убила этого жреца и ранила другого. Но это вы, маги, приказали ей поступить так.

Теперь слушайте! Вчера я обещал вам, что ни одно копье не пронзит вашего сердца и ни один нож не коснется вашего горла, и выпил с вами чашу мира. Но вы нарушили договор, и его больше нет! Слушайте мое решение! Своим колдовством вы отняли жизнь у одного из моих слуг и ранили другого. Если за три дня вы не вернете жизни убитому и не исцелите раненого (что вы можете сделать), вы последуете за убитым, но каким путем – я не скажу вам!

Когда я услышал это заявление, то содрогнулся в глубине души, но, притворившись непонимающим, сдержался и предоставил возможность отвечать Маруту.

– О царь! – с обычной улыбкой сказал Марут, – кто может вернуть жизнь мертвому? Даже у самого Дитяти нет средств для этого.

– Тогда, пророк Дитяти, постарайся найти это средство, иначе последуешь за убитым! – закричал Симба, дико вращая глазами.

– А что мой брат, великий пророк, обещал тебе вчера, Симба, если ты причинишь нам вред? – спросил Марут. – Не три ли великих проклятия, которые падут на голову твоего народа? Помни, если хоть один из нас будет убит, проклятие скоро осуществится. Я, Марут, пророк Дитяти, повторяю это!

Теперь Симба, казалось, окончательно обезумел. Он бешено прыгал перед нами, размахивая своим копьем. Серебряные цени звенели на его груди. Он изрыгал проклятия на

Дитя и его последователей, причинивших столько зла черным кенда. Он взывал о мести к богу Джане и молил его «пронзить Дитя своими клыками, разорвать хоботом, истоптать ногами».

Всему этому через свою ужасную маску вторил раненый жрец.

Мы стояли перед ними; я – прислонившись к стене дома и стараясь казаться как можно беспечнее, Марут – по обыкновению улыбаясь и внимательно поглядывая на небо.

Мы слишком озябли, ослабли и были полны тяжелых подозрений и опасений для того, чтобы действовать более энергично.

Вдруг Симба обернулся к своей свите, приказал вырыть яму в углу нашего двора и зарыть в нее мертвого, оставив его голову на поверхности, «чтобы он мог дышать».

Приказание было немедленно исполнено. Потом, отдав распоряжение кормить нас по-прежнему и прибавив, что через три дня мы снова услышим о нем, он удалился со всей своей свитой.

Убитого зарыли по шею в землю в сидячем положении. Около него поставили сосуды с пищей и водой и над ним было устроено прикрытие, «чтобы защитить нашего брата от солнца», как сказал один из дикарей.

Вид мертвого, а также голов павших в бою белых кенда (я забыл упомянуть о них), выставленных на шестах у дворца Симбы, производили тяжелое впечатление. Но прикрытие,

сделанное над мертвым, оказалось лишним, так как солнце вдруг перестало сиять; тяжелые тучи покрыли небо, и наступил сильный холод, необыкновенный, по словам Марута, для этого времени года.

С крыши дома, куда мы ушли, чтобы быть подальше от мертвеца, мы видели на площади города толпы черных кенда, смотревших с беспокойством на небо и обсуждавших между собой это необыкновенное изменение погоды.

День прошел; нам принесли еду, но у нас совсем не было аппетита.

Из-за низко нависших туч ночь наступила ранее обыкновенного, и мы улеглись спать.

На рассвете я увидел, что тучи стали еще темнее и плотнее: холод усилился. Дрожа, мы отправились посетить наших белых кенда, которым стража не позволяла заходить к нам в дом.

Войдя в хижину, мы к своему ужасу увидели, что вместо троих их осталось теперь только двое.

Я спросил, где третий. Они ответили, что ничего не знают о его судьбе. В полночь, рассказывали они, в хижину явились люди, которые связали и куда-то утащили их товарища.

Мы вернулись в свой дом.

День прошел без особых событий. В наш дворик приходили жрецы, осмотрели мертвеца, переменили сосуды с пищей и удалились.

Тучи становились все темнее, воздух все холоднее и хо-

лоднее.

Можно было ожидать снега.

С крыши нашего дома мы видели жителей города Симбы, с беспокойством обсуждавших перемену погоды.

У шедших на полевые работы на плечи были накинуты циновки.

Эту ночь, несмотря на царивший холод, мы, закутавшись в ковры, провели на крыше дома. Если бы нас решили схватить, здесь все-таки мы могли бы оказать некоторое сопротивление или, в крайнем случае, броситься вниз и разбиться насмерть.

Мы бодрствовали по очереди.

Около полуночи я услышал шум, доносившийся из хижины, стоявшей позади нашего дома, потом заглушенный крик, от которого у меня застыла кровь в жилах.

Через час на рыночной площади был зажжен огонь, и вокруг него двигались фигуры. Больше ничего нельзя было рассмотреть.

На следующее утро в хижине остался всего один белый кенда, который почти обезумел от страха. Бедняга умолял нас взять его с собой в наш дом, так как он боялся оставаться наедине с «черными демонами».

Мы попробовали было исполнить его просьбу, но появившаяся откуда-то вооруженная стража помешала нам.

Этот день был точной копией предыдущего.

Тот же осмотр жрецами мертвого и перемена у него запаса

нищи, тот же холод и покрытое тучами небо, те же толки о перемене погоды на рыночной площади.

Ночь мы снова провели на крыше, но на этот раз не смыкали глаз.

Над городом словно нависло грядущее несчастье.

Казалось, что небо опускается на землю. Луна была скрыта тучами. На горизонте то с одной, то с другой стороны вспыхивали яркие зарницы. Не было ни малейшего ветра.

Казалось, что наступил конец света, по крайней мере, для нас. Никогда в жизни я не переживал такого ужаса, как в эту страшную ночь. Если бы мне сказали, что с наступлением утра я буду казнен, думаю, я перенес бы это с легким сердцем. Но хуже всего было то, что я ничего не знал. Я был похож на человека, которому приказывали идти с завязанными глазами к пропасти; он не мог знать, где закончится его путешествие, где та пропасть, которая поглотит его, но он каждую секунду переживал муки смерти.

Около полуночи мы услышали шум борьбы и полузадушенный крик в хижине за нашим домом.

– Его увели, – прошептал я Маруту, вытирая холодный пот, выступивший у меня на лбу.

– Да, – ответил Марут, – скоро настанет и наш черед.

Мне очень хотелось увидеть его лицо, чтобы узнать, улыбался ли он при этих словах.

Через час на рыночной площади, как и накануне, появился огонь, вокруг которого двигались тени.

К счастью, мы находились слишком далеко от площади, чтобы сквозь ночной мрак рассмотреть, что происходило там.

Вдруг поднялся сильный ветер, который обычно предшествует в южных частях Африки буре с грозой. Он дул около получаса, потом затих. Молнии со всех сторон прорезали небо, и при свете их мы видели почти все население города Симбы, толпившееся на площади и указывавшее на небо.

Через несколько минут прогремел сильный гром, и что-то тяжелое ударило о крышу возле меня. Потом я почувствовал сильный удар в плечо, едва не сваливший меня с ног.

– Скорей вниз! – воскликнул я, – они бросают в нас камнями.

Через десять секунд мы были в своей комнате. Я зажег спичку и увидел кровь, струившуюся по лицу Марута.

Но то, что мы приняли за камни, оказалось кусками льда в несколько унций весом.

– Град! – сказал Марут со своей обычной улыбкой.

– Это какая-то адская буря, – сказал я, – ибо кто когда-нибудь видел подобный град?

Спичка потухла. Дальше разговаривать было невозможно из-за рева внезапно разразившейся бури.

К шуму бури града примешивались вопли и стоны людей.

Я начал опасаться, что дом рухнет, но он был выстроен прочно и стойко выдерживал бешеные натиски бури.

Я уверен, что будь он крыт черепицей или железом, ни за

что бы не выдержал. Громадные градины разбили бы вдребезги черепицу и пробили бы железо, как бумагу. Со мной был подобный случай в Натале, когда убило градом мою лучшую лошадь. Но все-таки тот град мне теперь показался легкими снежинками по сравнению с этим.

Град продолжался не более двадцати минут, из которых десять были ужасными.

Потом все утихло; небо совершенно прояснилось, и взошла полная луна. Мы снова вышли на крышу.

Она на несколько дюймов была покрыта осколками льда, все кругом, насколько мог видеть глаз, скрылось под пеленой глубокою снега.

Вскоре стало снова тепло, и снег с градом начали быстро таять, образуя потоки бегущей воды.

Мы видели мечущихся лошадей, вырвавшихся из своих разрушенных бурей конюшен, находившихся в конце рыночной площади. Повсюду валялись тела убитых и раненых необыкновенным градом и сорванными бурей крышами домов.

Когда буря начиналась, на площади было около двух тысяч человек, собравшихся смотреть на жертвоприношение.

– Дитя мало, но сила его вешка! – торжественно сказал Марут. – Взгляни, вот его первое проклятие!

Я посмотрел на него, но не стал спорить, так как он был глубоко убежден, что этот необыкновенный град и буря были посланы его Дитятей.

Я не понимал только, как он мог верить во все это. Потом я припомнил, что подобное наказание постигло древних египтян в период их расцвета за то, что они не дали «народу уйти». Конечно, эти черные кенда были хуже, чем египтяне; и конечно, они нас не отпустят. Поэтому я перестал удивляться фантазиям Марута.

Только на следующее утро мы могли судить о размерах несчастья, выпавшего на долю черных кенда.

От их жатвы, обещавшей быть богатой, не оставалось и следа.

Леса приняли настоящий зимний вид. На деревьях, протягивавших к небу свои оголенные ветви, не осталось ни одного листика. Огромное бедствие обрушилось на страну черных кенда.

XIII. Джана

В это утро нам не принесли завтрака, вероятно, потому, что некому было его принести. Но у нас еще оставалось много разной еды. Мы поели и отправились посмотреть хижину, где жили наши белые кенда. Она была совершенно пуста: последний ее обитатель исчез, подобно своим товарищам.

– Они убили их! – сказал я Маруту.

– Нет, – ответил он, – их принесли в жертву Джане. То, что мы видели вчера на рыночной площади, было обрядом жертвоприношения. Теперь настал наш черед, Макумацан!

В бессильной ярости вернулся я с Марутом в дом.

В это время обломки тростниковых ворот распахнулись, и в них показался король Симба в сопровождении жреца с простреленной ногой на костылях и остальной свиты, большинство из которой было ранено вчерашним градом.

В порыве охватившего меня гнева я забыл, что скрывал от черных кенда знание их языка.

– Где наши слуги, убийцы? – закричал я, потрясая кулаками. – Вы принесли их в жертву вашему дьявольскому богу? Если так, то радуйтесь! Куда делась ваша жатва? Чем вы будете жить в эту зиму?

При этих словах уныние охватило всех; перед их глазами уже стоял призрак наступающего голода.

– Зачем вы держите нас здесь? – продолжал я. – Или вы

хотите еще худшего? Зачем вы теперь пришли сюда?

– Мы пришли посмотреть, вернул ли ты, белый человек, жизнь нашему жрецу, которого убил своим колдовством, – мрачно ответил Симба.

– Смотри, – сказал я, сбрасывая с мертвеца наброшенную мной накануне циновку, – смотри и будь уверен, что если ты не выпустишь нас, то прежде чем родится новая луна, все вы будете такими. Вот какую жизнь мы возвращаем злым людям, подобным тебе!

Ужас охватил наших посетителей.

– Господин, – сказал Симба, обращаясь ко мне с необыкновенным уважением, – твои чары слишком сильны для нас. Великое несчастье обрушилось на нашу землю. Сотни людей убиты ледяными камнями, вызванными тобой. Наша жатва истреблена. Со всех концов нашей земли приходят вести, что почти все овцы и козы погибли. Скоро мы должны будем умереть от голода.

– Вы заслужили голодную смерть, – ответил я, – теперь дадите вы нам уйти?

Симба нерешительно посмотрел на меня и начал шептаться с хромоногим жрецом. Я не уловил ни слова из их совещания.

Хромоногий жрец подошел к нам без своей уродливой маски, но его типично негритянское лицо показалось мне еще отвратительнее. Видно было, что это хитрый, жестокий, способный на все человек.

Я чувствовал, что свою неприязнь к нам он внушает и своему повелителю.

Наконец Симба снова обратился ко мне.

– Мы хотели, господин, удержать тебя и жреца Дитяти заложниками белых кенда, которые всегда были нашими злыми врагами и причинили нам много незаслуженного зла, хотя мы свято хранили договоры, заключенные нашими дедами. Однако твои чары слишком сильны для нас. Сегодня на закате солнца мы отведем вас на дорогу, ведущую к броду реки Тавы, которая отделяет нашу землю от земли белых кенда. Вы можете идти, куда хотите. Мы не желаем больше видеть ваши зловещие лица.

При этих словах мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди от радости, которая, однако, была преждевременной.

– Вечером! Почему не сейчас? – воскликнул я. – В темноте будет трудно переходить через незнакомую реку.

– Она неглубока, господин, и брод найти не трудно. Кроме того, отправившись сейчас, вы придете к реке, когда будет уже темно, а выйдя на закате солнца, вы к утру достигнете брода. Наконец, мы не можем проводить вас туда, пока не похороним мертвых.

После этого Симба повернулся и, прежде чем я успел что-либо возразить, ушел в сопровождении остальных. В воротах хромоногий жрец обернулся на костылях и что-то прошептал своими толстыми, отвислыми губами; по всей вероятности, это было проклятие.

– Теперь мы будем свободны! – весело сказал я Маруту, когда все черные кенда ушли.

– Да, господин, – ответил он, – но где они намереваются дать нам свободу! Демон Джана живет в лесу на болотистых берегах реки Тавы и, говорят, неистовствует как раз по ночам.

Я ничего не возразил, но подумал, что таинственный слон может оказаться далеко, а алтарь для жертвоприношений находится слишком близко.

Час за часом я следил за солнцем, пока оно не начало скрываться за горизонтом. Как раз в это время у ворот показался Симба в сопровождении двадцати вооруженных всадников, один из которых вел две лошади для нас.

Закончив сборы, заключавшиеся в том, что Марут прятал пишу в складки своей одежды, мы вышли из проклятого дома, сели на лошадей и, окруженные конвоем, выехали на рыночную площадь, где стоял каменный жертвенник с торчавшими из пепла костями.

Потом мы поехали северной улицей города.

У дверей домов стояли их обитатели, вышедшие посмотреть на наш отъезд.

Ненависть читалась на их лицах; они сжимали кулаки и тихо шептали нам вслед проклятия.

И неудивительно! Все они были вконец разорены; впереди их ждал голод. Они были убеждены, что мы – белый маг и пророк враждебного им Дитяти – навлекли на них все эти

бедствия.

Думаю, если бы не стража, они разорвали бы нас на куски.

При виде побитых градом полей и садов у меня сердце сжалось от жалости к их владельцам.

Проехав несколько миль через опустошенные поля, мы въехали в лес. Здесь было так темно, что удивительно, как наши проводники находили дорогу.

В этой темноте ужас охватил меня. Я подумал, что нас привели сюда для того, чтобы предательски убить. Каждую минуту я ожидал удара ножом в спину и уже собрался было дать шпоры лошади и попробовать бежать, но оставил эту мысль, так как меня со всех сторон окружал конвой, и кроме того, нехорошо было покидать Марута. Делать было нечего; оставалось ждать, чем все это кончится.

Наконец мы выехали из леса. Уже взошла луна, и при свете ее мы увидели, что находимся в болотистой местности с растущими кое-где деревьями. Здесь наш конвой остановился.

– Слезайте с лошадей и идите своим путем, злые люди, – угрюмо сказал Симба, – дальше мы не поедем с вами. Идите по тропинке, она приведет вас к озеру. Перейдя через озеро, вы к утру достигнете реки, за которой живут ваши друзья. Но помните, эту дорогу охраняет некто, с кем опасно встречаться.

Едва он кончил говорить, как его люди стащили нас с лошадей, и через минуту все они исчезли во мраке, оставив нас

одних.

– Теперь, господин, мы должны идти дальше, – сказал Марут, – ибо если останемся здесь, то днем Симба и его люди вернутся сюда и убьют нас.

– Тогда вперед! – сказал я. – Но на что намекал Симба, говоря, что «некто охраняет этот путь»?

– Я думаю, что он подразумевал Джану, – со стоном ответил Марут.

– Будем надеяться, что Джана далеко. Смелее, Марут! Мы наверно не встретим ни одного слона в этих местах.

– Нет, господин, здесь бывает много слонов, – отвечал Марут, указывая на следы на земле, – говорят, что они ходят умирать к озеру, и это один из путей, по которому они идут на смерть. Это место, где не смеет ходить ни одно живое существо.

– Ох, – воскликнул я, – значит, то видение в Англии было правдой?

– Да, господин. Мой дядя Харут однажды, когда был молодым, заблудился на охоте и видел то, что его ум показывал тебе в видении и что мы увидим теперь, если доживем до того.

Марут был прав; много слонов проходило этой тропой, а один из них совсем недавно. Я, опытный охотник на этих животных, не мог ошибиться.

Мы шли часа два, в течение которых встретили всего одно живое существо, – большую сову, пролетевшую над самыми

нашими головами. Эта сова, по словам Марута, была «шпионом Джаны». Мы достигли вершины подъема, откуда нашим глазам открылся печальный пейзаж, уже знакомый мне по видению в Рэгнолл-Кэстле.

Он был еще пустыннее, чем показался мне тогда. Впереди лежало темное меланхолическое озеро, поросшее по краям тростником. Вокруг него тянулся тропический лес. На востоке от озера лежала каменистая равнина.

Вид этой местности наполнил мою душу необъяснимым страхом.

Вспоминая подробности своего видения, я содрогался от одной мысли о необходимости пройти по берегу этого озера.

Я осмотрелся вокруг.

Если мы пойдем налево, либо упремся в озеро, либо должны будем идти вдоль него, пока не достигаем леса, где наверное заблудимся.

Направо вся земля была покрыта терновником и густой травой, – здесь невозможно было пройти, особенно в ночное время.

Я оглянулся назад. Там, в нескольких стах ярдах от нас за низкими мимозами, вперемежку с растениями, похожими на алоэ, появлялось и исчезало что-то, похожее на хобот слона.

Тогда, отчаявшись и желая поскорей выбраться отсюда, мы начали спускаться к озеру тропой слонов. Минут через десять мы пришли к его восточному концу, где шопот тростника, колеблемого ночным ветром, придавал некото-

рую жизнь этому месту.

Вокруг нас была бесплодная земля, на которой, казалось, ничто не могло произрастать. Повсюду лежали останки многих сотен слонов, из которых некоторые пали уже много лет назад, некоторые совсем недавно. Судя по клыкам, это были старые животные. Их кости покрывали около четверти мили, и если бы удалось унести отсюда только хорошо сохранившиеся клыки, то можно было бы сделаться очень богатым человеком. Не будь я Аллан Кватермэн, если не попытаюсь сделать это!

Потом мое внимание привлек умирающий недалеко от нас старый слон.

Это старое, исхудавшее животное оглядывалось кругом, ища удобного места, и, найдя его, остановилось на минуту.

Потом умирающий слон поднял свой хобот, трижды протрубил и, опустившись на колени, затих. По-видимому, он был мертв. Я отвел от него глаза и вдруг ярдах в пятидесяти за ним увидел на скале очертания того самого дьявольского слона, которого видел в видении!

Ох, что это было за животное! Объемом и высотой оно вдвое превосходило самых больших слонов, виденных мной когда-либо.

Это был неестественно огромный представитель особенной породы, переживший, вероятно, всемирный потоп. Его черно-серые бока были испещрены шрамами. Один из чудовищных клыков ярко блестел при свете луны; другой, сло-

манный наполовину, был неправильной формы, отогнут не вверх, а книзу и немного вправо.

Перед нами стоял настоящий библейский левиафан!

Я присел на корточки за покрытым мхом скелетом слона и, глядя на это необыкновенное животное, мечтал о крупнокалиберном ружье.

Что сделалось с Марутом – я не видел; кажется, он лежал простершись на земле.

В продолжение минуты, или более, разные мысли приходили мне в голову.

Я думал, что трубный звук, произведенный умирающим, привлек сюда этого гиганта, который, вероятно, был царем среди слонов, призывавших его в час своей кончины.

Постояв с минуту и втягивая воздух, Джана (я буду так называть его) направился к тому месту, где лежал слон, которого я считал уже мертвым. На самом деле он был еще жив и при приближении Джаны поднял свой хобот, как бы приветствуя его.

Но Джана так же, как и в моем видении, бросился на умирающего и ударом в бок прикончил его.

Сделав это, не знаю, от злобы или из желания прекратить страдания умирающего, он остановился и как будто задумался.

В это время я, к своему удовольствию, заметил, что ветер, тихо колебавший тростник у озера, дул по направлению от Джаны к нам.

Но точно по иронии судьбы ярдах в ста справа от нас среди камней промелькнула какая-то тень, похожая на слона.

Джана поднял огромные уши, задрожал всем своим телом и начал тщательно принюхиваться.

– Господи! – подумал я. – Он почуял нас…

Чтобы успокоиться, я стал думать, что наше присутствие еще не обнаружено.

Но напрасно!

Джана был стреляный воробей. Он захрюкал и двинулся, как товарный поезд, по направлению к нам, тщательно обнюхивая со всех сторон землю и воздух.

Десять раз я прицеливался в него из воображаемого ружья, делая это совершенно автоматически.

– Что будет со мной, – думал я в это время, – пронзит ли он меня своими клыками, подбросит ли высоко в воздух или раздавит тяжелыми ногами?

– Жрецы Джаны велели ему убить нас, – дрожащим шепотом сказал Марут, – но прежде чем умереть, я хочу сказать, что леди, жена лорда…

– Тише, – прервал я его, – Джана услышит нас.

Я посмотрел на Марута и только теперь заметил, какая перемена произошла в его лице. На нем уже не было обычной улыбки. Оно побледнело и осунулось, как у покойника, умершего, по крайней мере, три дня тому назад.

Я был прав. Джана почуял нас. Он шел прямо к нам, вытянув вперед свой чудовищный хобот.

Марут не мог вынести этого зрелища. Он вскочил и бросился бежать к озеру, надеясь найти спасение в воде.

Ох, как он бежал!

За ним помчался Джана, трубя в свой хобот.

Достигнув озера, Марут бросился в воду и поплыл от берега.

– Теперь, – думал я, – ему удалось спастись, если он не попадется крокодилам.

Но Джана был тоже хорошим пловцом.

С сильным всплеском он бросился в воду и поплыл за Марутом.

Увидев это, Марут быстро повернул к берегу, выиграв немного времени этим маневром.

Выбравшись на берег и лавируя между скалами, Марут, к великому моему ужасу, побежал прямо ко мне. Не знаю, сделал ли он это случайно или в безумной надежде найти возле меня защиту…

Вдруг он остановился и, повернувшись лицом к настигавшему его Джане, крикнул ему что-то вроде проклятия, в котором я разобрал лишь одно слово: Дитя!

Странно, но это подействовало на слона.

Джана остановился в нескольких шагах от Марута и, казалось, понял эти слова, которые привели его в необыкновенную ярость.

Издавая ужасные крики, он бешено хлестал себя хоботом по бокам, злобно вращая красными глазами. Пена била из

его открытого рта.

Потом он бросился вперед…

На мгновение я закрыл глаза и когда снова открыл, Марут уже был высоко в воздухе; в следующий момент он упал, с ужасным стуком ударившись о землю.

Джана подошел к нему и, убедившись, что он мертв, осторожно поднял его хоботом.

Я молил Бога, чтобы он поскорей удалился со своей жертвой.

Но тщетно!

Медленно шагая и покачивая тело бедного Марута, чудовище направилось прямо ко мне, вероятно, все время чуя мое присутствие.

Некоторое время, показавшееся мне целым столетием, слон стоял, словно изучая меня.

Озерная вода освежающей струей лилась из его хобота прямо мне на спину.

Если бы не она, я, наверное, лишился бы чувств.

Я притворился мертвым, надеясь, что, может быть, тогда Джана не тронет меня.

Чуть-чуть приоткрыв один глаз, я видел, как он поднял надо мной свою огромную ногу, и мысленно простился с жизнью.

Однако слегка коснувшись моей спины, он поставил ногу обратно на землю. Потом, бережно положив рядом со мной останки Марута, Джана начал ощупывать меня с головы до

ног концом своего хобота.

Дойдя до ног, он точно железными щипцами ущипнул меня, вероятно, чтобы убедиться, не притворяюсь ли я.

Я не пошевелился, хотя вместе с куском материи он оторвал изрядную порцию моей собственной кожи.

Это, казалось, озадачило Джану; он поднял конец своего хобота, как бы желая рассмотреть оторванный лоскут при свете луны.

Результат осмотра озадачил его (на материи, вероятно, была кровь); Джана поднял уши и уже приготовился покончить со мной…

Вдруг в нескольких ярдах от меня прогремел выстрел.

Я посмотрел вверх и увидел кровь, струившуюся из левого глаза чудовища, куда, очевидно, попала пуля.

Страшно завыв от боли, Джана повернулся и бросился бежать…

XIV. Погоня

Кажется, на минуту или две я потерял сознание.

По крайней мере, я припоминаю странный, длительный сон. Мне грезилось, что все лежавшие вокруг меня бесчисленные скелеты слонов поднялись, выстроились в ряд и преклонили предо мной колена, так как я был единственным человеком, избежавшим смерти при встрече с Джаной.

Потом сквозь обрывки этого сновидения я слышал голос Ханса, которого считал погибшим.

– Если баас жив, – говорил он, – пусть он проснется, прежде чем я закончу заряжать «Интомби», так как надо торопиться уходить отсюда. Кажется, я попал Джане в глаз; но это очень большое животное, а пуля из «Интомби» слишком мала, чтобы убить его. Кроме того, трудно ждать, что кто-либо из нас снова попадет ему в другой глаз.

Я приподнялся и увидел перед собой самого Ханса, выглядевшего как обычно, только немного грязнее обыкновенного. Он только что кончил заряжать небольшое ружье «Интомби».

– Зачем ты здесь, Ханс? – с трудом спросил я.

– Конечно, затем, чтобы спасти бааса от дьявола Джаны, – ответил старый готтентот и, прислонив ружье к скале, опустился рядом со мной на колени, обхватил меня руками и начал плакать, приговаривая: – Как раз вовремя, баас! Сла-

ва Богу, я подоспел как раз вовремя. Теперь надо поскорей уходить отсюда. У меня вон там за большим камнем стоит привязанный верблюд. Он может нести на себе двоих, потому что отдохнул за четыре дня и вдоволь поел травы. Этот демон Джана наверное скоро вернется сюда.

Я ничего не возразил, но только посмотрел на бедного Марута.

– Ох, баас, – сказал Ханс, – о нем нечего беспокоиться; у него сломана шея, и он совершенно мертв. Но это хорошо, – весело прибавил он, – потому что верблюд не мог бы нести троих. Кроме того, если Марут останется здесь, быть может, Джана, вернувшись сюда, начнет играть им, вместо того, чтобы преследовать нас.

Бедный Марут! Какой реквием произнес над ним Ханс!

Бросив последний взгляд на останки этого несчастного человека, к которому я успел привязаться, я оперся на плечо старого Ханса, так как чувствовал себя слишком слабым, чтобы идти самостоятельно, и мы пошли с ним через плато по направлению к востоку от озера, обходя камни и бесчисленные скелеты слонов.

В двухстах ярдах от места трагедии высились скалы, похожие на те, откуда появился Джана. За ними мы нашли стоявшего на коленях верблюда, привязанного к скале.

По дороге Ханс вкратце рассказал мне свою историю. Застрелив одного из вождей черных кенда, он счел за лучшее остаться на свободе, нежели разделить с нами тяготы плена,

и решил, в случае, если я буду убит, отомстить моим убийцам. Таким образом он, как было уже сказано, бежал незамеченным и до наступления ночи укрывался на склоне холма. Потом при свете луны он следовал за нами, обходя все деревни, и наконец нашел убежище в пещере недалеко от города Симбы, в лесу. Здесь по ночам он пас своего верблюда, пряча его в пещере при наступлении зари. Дни он проводил сидя на высоком дереве, откуда мог наблюдать за всем происходившим в городе. Питался он хлебными зернами, которые собирал на соседнем поле. Кроме того, у седла его верблюда оказался мешок с некоторым количеством провизии. Ханс видел все, что происходило в городе. От бури с градом он со своим верблюдом укрылся в пещере.

Видя, что нас с Марутом увозят из города, он оседлал верблюда и отправился следом за нами, скрываясь в лесу.

Оставивший нас конвой на обратном пути проехал вблизи него. Ханс подслушал, что мы с Марутом обречены на гибель, как и пленные белые кенда, которые уже принесены в жертву Джане. Потом он последовал за нами. По всей вероятности, оглядываясь назад, я ошибочно принимал мелькавшую за деревьями голову верблюда за хобот слона. Ханс видел, как мы спустились к берегу озера, и все последовавшее за этим. Когда Джана направился к нам, он незаметно пробрался вперед в безумной надежде тяжело ранить чудовище пулей из своего маленького ружья. Он уже собрался выстрелить в тот момент, когда Марут бросился в воду, но стало

трудно прицеливаться в наиболее уязвимое место. Удобный случай представился лишь тогда, когда Джана уже занес надо мной свою ногу и подставил под выстрел левый глаз. Только пуля, вопреки рассчетам Ханса, не достала до мозга. Но все-таки, выбив Джане левый глаз, она причинила ему такую сильную боль, что он забыл обо мне и поспешил поскорей убраться.

Таков был рассказ старого готтентота, который он передал мне на своем лаконичном голландском наречии. Я не знаю, что было бы со мной, если бы Ханс не подоспел вовремя.

Подойдя к верблюду, мы на минуту замешкались около него. Я выпил, чтобы подкрепиться, глоток водки из фляги, которая нашлась в мешке, привязанном к седлу верблюда.

Несмотря на свое сильное пристрастие к крепким напиткам, Ханс сохранил ее, рассчитывая, что со временем она может пригодиться мне, его господину.

Мы сели на верблюда; Ханс впереди, чтобы править им, я позади на овечьих шкурах, оказавшихся, к счастью, довольно мягкими, так как рана от щипка Джаны причиняла мне сильную боль.

Мы поехали тропой слонов, надеясь, что она приведет нас к реке Таве. Скоро кладбище слонов осталось далеко позади; за ним и озеро скрылось из вида.

Тропинка шла вверх к хребту, лежавшему в двух или трех милях впереди нас.

Мы достигли хребта без приключений.

По пути нам встретилась престарелая слониха, направлявшаяся, вероятно, к месту своего последнего успокоения. Не знаю, кто больше испугался, старая слониха или наш верблюд. Оба бросились друг от друга в разные стороны, и мы едва не очутились на земле. Но вскоре наш верблюд оправился от испуга. С вершины хребта перед нами открылась песчаная равнина, кое-где поросшая травой. Милях в десяти впереди при свете луны блестели воды широкой реки.

Мы снова двинулись вперед. Проехав около четверти мили, я случайно оглянулся назад. Господи, что я увидел!

На самой вершине хребта, отчетливо виднеясь на фоне неба, стоял Джана с поднятым кверху хоботом. В следующий момент он яростно затрубил.

– Allemagte![11] – воскликнул Ханс, – старый дьявол заметил на своим последним глазом. Он следовал за нами по пятам.

– Вперед! – ответил я, пришпоривая верблюда.

Скачка началась.

У нас был хороший беговой верблюд. Он действительно был, как говорил Ханс, сравнительно свежим и, кроме того, чувствовал близость родных равнин. Он мчался как ветер, неся на себе ношу, фунтов на двести превосходившую привычную для него. Вероятно, кроме того его пугала близость преследовавшего нас слона. Миля за милей неслись мы по равнине. Джана следовал за нами как крейсер за маленькой

[11] Всемогущий (по-голландски).

канонеркой.

С каждой милей он на несколько ярдов приближался к нам.

Через полчаса, показавшихся нам целой неделей, когда до реки уже оставалось не более мили, он бежал ярдах в пятидесяти от нас. Я оглянулся назад; при свете луны Джана показался мне величиной с целый дом.

– Мы должны уйти от него, – сказал я, глядя на широкую реку, которая была уже совсем близко.

– Да, баас, – неуверенно ответил Ханс, – верблюд у нас хороший; бежит он очень быстро, потому что слышит по запаху своих за рекой, не говоря уже об опасности за собой. Но этот дьявол Джана бежит еще быстрее. Я вижу на пути камни – это плохо для верблюда. Не знаю, умеет ли он плавать, но мы видели, что Джана хорошо умеет делать это. Не попробовать ли, баас, ранить его в хобот или в колено?

– Замолчи, глупец, – раздраженно сказал я, – какой толк стрелять через плечо в огромного слона из ружья, годного только на козла? Лучше подгоним как следует верблюда.

Увы! Ханс оказался прав.

Берег и дно реки были усеяны камнями, и верблюд медленно передвигал по ним ноги.

Пока мы достигли берега, Джана был уже не более чем в десяти ярдах от нас. Я отчетливо видел кровь, струившуюся из того места, где у него прежде находился левый глаз.

При виде пенящегося, хоть и неглубокого, потока, наш

верблюд, не привыкший к воде, остановился в нерешительности.

К счастью, в этот момент Джана снова затрубил в свой хобот. Это заставило верблюда двинуться вперед: слон для него был страшнее воды.

Он медленно шел, спотыкаясь о камни, устилавшие дно реки, которая в этом месте имела не более четырех футов в глубину. Джана был уже в пяти ярдах от нас.

Я обернулся назад и выстрелил в него из нашего маленького ружья. Попал я или нет – не могу сказать, но слон остановился на некоторое время, вероятно, вспомнив действие прошлого выстрела.

Потом он снова как паровоз двинулся за нами.

Когда мы были на середине реки, случилось неизбежное. Верблюд споткнулся и упал, и мы оба полетели в бегущий поток. Все еще сжимал ружье в руке, я бросился вброд к противоположному берегу, держась за Ханса свободной рукой.

Почти в тот же момент Джана настиг верблюда. Он пронзил его клыками, топтал ногами и, обхватив хоботом за шею, почти вытащил из воды.

Тем временем мы выбрались на противоположный берег и взобрались на высокое дерево. Там, футах в тридцати от земли, мы сидели, затаив дыхание, и ждали, что будет дальше.

Покончив с верблюдом, Джана последовал за нами и без труда отыскал.

Некоторое время он ходил вокруг дерева, как бы обдумывая, что предпринять. Потом, обхватив хоботом ствол, попытался вырвать дерево из земли. Но это дитя леса, уже сотни лет оказывавшее сопротивление бурям и воде, только затряслось. Потом Джана попробовал подрыть клыками корни. Но и здесь он потерпел неудачу, так как вокруг были сплошные камни. С глухим яростным ворчанием Джана сделал третью попытку. Став на задние ноги, он всей тяжестью своего огромного тела обрушился на ствол дерева передними ногами. Удар был очень силен. В первый момент я подумал, что дерево будет вырвано с корнем или разломится пополам.

Но, слава Богу, оно устояло, хотя затряслось так сильно, что мы с Хансом едва не полетели на землю, как яблоки осенью. Я думаю, что свалился бы, если бы меня не удерживал ловкий как обезьяна Ханс, умевший держаться ногами так же хорошо, как руками. Трижды Джана повторял этот маневр. На третий раз я к своему ужасу увидел, что корни дерева начали слабеть.

Уже слышался зловещий треск.

К счастью, Джана не заметил этого. Он оставил свои попытки и задумчиво стоял, помахивая хоботом.

– Ханс, – прошептал я, – заряди поскорее ружье. Я выбью ему другой глаз.

– Порох подмочен, баас, – простонал Ханс, – вода попала в него, когда мы упали в реку.

Через несколько минут Джана решил сделать последнюю попытку. Подойдя вплотную к дереву, он стал на задние ноги, передними уперся в ствол и, вытянув вверх хобот, начал обламывать ветви и сучья.

– Я думаю, что он не достанет нас, если не принесет камень и не встанет на него, – заметил я.

– Ох, баас, не надо говорить громко, – ответил Ханс, – иначе Джана подслушает нас и действительно принесет камень.

Хотя все это и казалось вздором, но кто знает, быть может, чудовище понимало человеческую речь.

Мы взобрались как можно выше и ждали, что будет дальше.

Покончив с ветками, Джана начал тянуть по направлению к нам свой длинный хобот.

Фут за футом он приближался к нам и вскоре был всего в нескольких дюймах от моих ног и войлочной шляпы Ханса.

Мгновение – и шляпа исчезла в пасти слона. Я полагаю, что он проглотил ее, так как она не возвратилась обратно.

Потеря шляпы привела Ханса в ярость.

Осыпая Джану проклятиями, он вытащил свой нож и приготовился.

Снова длинный коричневый хобот потянулся к нам. Очевидно, Джана теперь приспособился лучше, так как хобот приблизился к нам еще на несколько дюймов. Конец его, как змея, обхватил сук, на котором сидел я.

Ханс быстро наклонился, нож блеснул в лучах восходящего солнца, и в одно мгновение конец хобота, как бабочка булавкой, был пригвожден к дереву.

Джана, издав жалобный крик, пробовал осторожно освободить свой хобот. Но тщетно! Ханс крепко держал рукоятку ножа. Наконец Джана энергично рванулся назад и вырвал хобот, разрезав его конец пополам и оставив нож в дереве. Потом он взял конец хобота в рот, начал сосать его, как сосут обрезанный палец, и, рыча в бессильной ярости, бросился в реку, перешел ее в брод и вскоре исчез из вида. Посылая вслед Джане проклятия, Ханс требовал у него возвращения шляпы.

За всю свою жизнь я не видел зрелища более приятного, чем мелькание хвоста удалявшегося чудовища.

– Теперь, баас, – смеясь говорил Ханс, – старый дьявол получил достаточно, чтобы не забыть нас. Я думаю, нам следует поскорей уйти отсюда, прежде чем он одумается и вернется назад с длинной палкой, чтобы сбить нас с дерева.

Мы двинулись в путь с поспешностью, на какую только были способны мои застывшие члены и общее состояние. К счастью, у нас не было сомнений относительно пути, так как сквозь утренний туман на горизонте ясно виднелись очертания холма, который белые кенда называли «Священной Горой» или «Домом Дитяти». Мы думали, что до него не более двадцати миль, но в действительности оказалось значительно больше, так как часа через два пути мы ненамного при-

близились к нему. Это был ужасный путь. Силы мои совсем иссякли после всех пережитых ужасов. К тому же рана от щипка Джаны, воспалившаяся от верховой езды на верблюде, причиняла мне нестерпимую боль.

Первые десять миль мы прошли по пустынным местам. Потом стали попадаться стада мелкого скота и верблюдов; их пастухи, по всей вероятности, скрывались в высокой траве. После этого мы шли нолями, засеянными злаками, которые, как я заметил, совершенно не пострадали от града, прошедшего, очевидно, стороной. Дальше мы увидели отдельные хижины. Их обитатели вскоре заметили нас и бежали в испуге.

Наконец мы подошли (я медленно плелся, опираясь на плечо Ханса) на расстояние ружейного выстрела к какой-то деревне.

Я думаю, что жители ее были предупреждены беглецами о нашем приближении, потому что человек тридцать мужчин, вооруженных копьями и другим оружием, кольцом окружили нас с явно враждебными намерениями.

Я закричал им, что мы друзья Харута и всех почитателей Дитяти. Нам ответили, что мы лжецы, ибо из страны черных кенда, поклонников демона Джаны, не могут прийти друзья.

Я попробовал убедить их, что мы менее всех в мире являемся почитателями Джаны, который преследовал нас в продолжение нескольких часов, но они и слушать не хотели.

– Вы шпионы Симбы, – кричали они, – запах Джаны на вас

(это была, пожалуй, правда). Мы убьем тебя, белый козел, и тебя, маленькая желтая обезьяна! Из земли черных кенда к нам могут прийти только враги!

– Если убьете нас, – ответил я, – вы навлечете на себя проклятие Дитяти. Голод, град и войну!

Эти слова произвели на нападавших впечатление. По крайней мере, они на время оставили нас в покое.

Наконец после некоторого замешательства сторонники убийства одержали верх, и окружавшие нас воины начали плясать, потрясая копьями и крича, что мы должны умереть, как пришельцы от черных кенда.

Я сел на землю, так как совсем выбился из сил. Мне стало все совершенно безразлично.

Ханс с ножом в руках стоял около меня, осыпая белых кенда теми же проклятиями, какими осыпал Джану. Они все ближе и ближе подходили к нам. Я уже закрыл глаза, чтобы не видеть блеска оружия, которое должно было поразить нас, как восклицание Ханса заставило меня снова открыть их.

Бросив взгляд в том направлении, куда он указывал протянутым ножом, я увидел отряд всадников на верблюдах, мчавшихся к нам.

Впереди их в белой одежде, развевавшейся по ветру, ехал бородатый предводитель, в котором я узнал Харута, кричавшего и размахивавшего копьем. Нападавшие тоже увидели всадников и опустили оружие, повинуясь восклицанию Харута. Он направил своего верблюда прямо на одного из на-

падавших, по-видимому, предводителя, и в гневе ударом копья нанес ему рану в плечо, заставившую того свалиться на землю.

– Собака! – закричал при этом Харут, – ты хотел причинить зло гостям Дитяти!

Дальше я ничего не слышал, потому что потерял сознание.

XV. Обитатели пещеры

После этого мне казалось, что я спал долгим беспокойным сном. Я не смог бы припомнить тех странных видений, которые грезились мне.

Наконец я открыл глаза и увидел, что лежу в большой прохладной комнате восточного типа на низкой кровати, возвышавшейся дюйма на три над полом.

В комнате не было окон; заменявшие их отверстия в стенах прикрывались висячими циновками, которые легко поднимались.

В оконное отверстие я увидел покрытый лесом склон лежавшего невдалеке холма. Он напомнил мне нечто, связанное с Дитятей. Что именно – я не мог вспомнить. Размышляя об этом, я услышал осторожные шаги и, обернувшись, увидел Ханса, вертевшего в руках новую соломенную шляпу.

– Ханс, – сказал я, – где ты взял эту новую шляпу?

– Мне дали ее здесь, – ответил он, – баас помнит, что дьявол Джана съел мою старую.

Тут память постепенно начала возвращаться ко мне. Ханс продолжал вертеть свою шляпу в руках, что немного раздражало меня. Я велел ему надеть ее на голову и спросил, где мы находимся.

– В городе Дитяти, куда бааса перенесли после того, как он едва не умер. Это очень хороший город. Здесь много пи-

щи, хотя баас три дня спал и не ел ничего, кроме нескольких ложек молока и супа, которые баасу влили в горло, когда он на минуту очнулся.

– Я был сильно утомлен и нуждался в продолжительном покое, Хана. А теперь я чувствую голод. Скажи мне, здесь ли лорд Рэгнолл и Бена, или они погибли?

– Они живы и здоровы, баас, и все наше имущество цело. Они были с Харутом, когда он выручил нас, но баас потерял сознание и потому не видел их. С тех пор они ухаживали за баасом.

В это время в комнату вошел Сэвэдж, принесший мне на деревянном подносе суп.

– Добрый день, сэр! – приветствовал он меня, – я очень рад снова видеть вас с нами, особенно после того, как мы считали вас и Ханса мертвыми.

Я поблагодарил Сэвэджа и, съев суп, попросил приготовить мне что-нибудь посущественнее, так как почти умирал от голода. Он ушел исполнять мою просьбу. Ханса я услал за лордом Рэгноллом.

После их ухода пришел Харут. Он важно поклонился мне и уселся по восточному обычаю на циновку.

– Должно быть, сильный дух живет в тебе, мой господин Макумацан, – сказал он, – ибо ты жив, хотя мы были уверены в твоей смерти.

– Да, ты ошибся, мой друг Харут. Твоя магия мало помогла тебе.

– Однако магия сделала свое даю, Макумацан. Я был ранен в колено и так утомлен, что в первые два дня после прибытия сюда не мог взойти на гору и обрести свет от глаз Дитяти. Но на третий день я сделал это, и оракул рассказал мне все. Я поспешно сошел с горы, собрал людей и как раз вовремя выехал навстречу тебе. Те глупцы уже поплатились за намерение причинить тебе зло, господин. Да, Джана оказался сильнее моего брата и остальных. Только ты и твой слуга смогли одолеть его.

– Все не так, Харут. Скорее, он одолел нас. Нам удалось только бежать от него, выбив ему глаз и поранив конец хобота.

– И это много по сравнению с тем, что удалось сделать другим в продолжение многих поколений. Но все равно конец Джаны близок, и падет он от твоей руки.

– Значит, он появляется на земле белых кенда?

– Да, Макумацан. Он, или его дух – не знаю, кто. Дважды в своей жизни я видел его на Священной горе, но как он приходит и уходит – никто этого не знает. Но я скажу: пусть причинивший Джане зло остережется его!

– Пусть Джана тоже остережется меня, если я встречу его с хорошим ружьем в руках. Но вот что, Харут. Перед гибелью твой брат Марут начал говорить мне что-то о жене лорда Рэгнолла. Тогда мне было не до того, но из его слов я понял, что леди Рэгнолл находится на Священной Горе.

– Либо ты не понял Марута, мой господин, либо мой брат

бредил от страха, – ответил Харут, лицо которого при этом приняло каменное, бесстрастное выражение. – Прекрасной леди нет на Священной Горе. Но позволь мне сказать, что никто, кроме жрецов Дитяти, не может ступить на гору. Кто попробует сделать это, тот умрет, ибо гору охраняет страж, который страшнее Джаны. Не спрашивай меня о нем: больше я ничего не скажу. Но если ты и твои друзья дорожите жизнью, не пытайтесь даже взглянуть на этого стража!

Видя, что продолжать разговор на эту тему бесполезно, я перевел его на град, побивший поля черных кенда.

– Я знаю, – сказал Харут, – это первое проклятие Дитяти, моими устами обещанное Симбе и его народу. Вторым будет голод, а он уже близок, ибо запасы хлеба у черных кенда подходят к концу, а большая часть их скота побита градом.

– Не имея запаса, они попытаются напасть на вашу страну, Харут, и отобрать у вас хлеб.

– Да, господин, они, конечно, попробуют сделать это, и тогда исполнится третье проклятие, проклятие войны. Все предопределено, Макумацан, и ты здесь для того, чтобы помочь нам в этой войне. У вас в багаже есть много ружей, пороху и свинца. Вы должны научить наш народ стрелять из ружей, чтобы мы могли уничтожить черных кенда.

– Ну нет, – спокойно ответил я, – я пришел к вам, чтобы убить большого слона и получить слоновую кость, а не для того, чтобы сражаться с черными кенда. Этого уж довольно с меня. Кроме того, ружья принадлежат не мне, а лорду Рэ-

гноллу, который, быть может, назначит за них свою цену.

– С лорда Рэгнолла, пришедшего сюда против нашей воли, мы сами можем спросить плату за спасение его жизни. Пока прощай, мы поговорим потом, так как ты еще болен и слаб. Но прежде чем уйти, я еще раз повторяю: если вы хотите по-прежнему глядеть на солнце, не пытайтесь ступить в лес, растущий на Священной Горе!

С этими словами он поднялся, важно поклонился мне и ушел, оставив меня наедине со своими мыслями.

Вскоре вернулись Сэвэдж и Ханс и принесли мне превосходно приготовленный обед.

Я ел с большим аппетитом. Когда остатки еды унесли, пришел лорд Рэгнолл.

Мы горячо поздоровались как люди, уже потерявшие надежду встретиться на этом свете. Я спросил, что они делали все это время. Лорд Рэгнолл ответил, что ничего, достойного рассказа.

Город мал; жителей в нем не более двух тысяч. Занимаются они земледелием и разведением верблюдов. Единственным человеком, с кем они могли объясняться, был Харут, говоривший на ломаном английском языке. Он сказал, что гора – священное место, посещаемое только жрецами. В городе не видно этих жрецов. Но на склоне горы появляются люди, которые пасут там овец и коз. Кто живет на горе – неизвестно. Лорд Рэгнолл печально прибавил, что он уже потерял надежду найти здесь какой-либо след своей жены.

Я повторил ему слова Марута, дослушать до конца которые мне не удалось. Это, казалось, вдохнуло в него новую жизнь. Но что предпринять в дальнейшем?

Прошла целая неделя.

За это время я почти совсем оправился. Только одно делало меня по-прежнему беспомощным. Рана, причиненная щипком Джаны, зажила, но воспаление задело нерв левой ноги, некогда поврежденной львом. Это причиняло мне такую боль, что я вынужден был оставаться в постели и довольствоваться тем, что мою кровать выносили в небольшой сад, окружавший построенный из глины выбеленный дом, в котором мы жили. Там я лежал целыми часами, глядя на Священную Гору, возвышавшуюся ярдах в пятистах от города.

На протяжении мили ее склон был покрыт травой с разбросанными кое-где деревьями. В бинокль было видно, что в одном месте начиналась отвесная стена, идущая футов на сто в высоту вокруг всей горы. За стеной рос густой лес, покрывавший гору до самой вершины.

Однажды, когда я был поглощен рассматриванием горы, в сад вошел Харут.

– Не правда ли, дом бога красив? – сказал он.

– Очень, – ответил я. – Но как взбираются на гору по этой отвесной стене?

– По ней невозможно взобраться, но есть дорога, по которой ходят на гору поклонники Дитяти. Но я уже говорил тебе, Макумацан, что все чужестранцы, когда-либо отправив-

шиеся этой дорогой, нашли смерть. Пусть попробуют те, кто не верит, – многозначительно прибавил он. Потом, осведомившись о моем здоровье, он сообщил, что до него дошли слухи о приближающемся голоде в земле черных кенда.

– Скоро они захотят собрать вашу жатву своими копьями, – заметил я.

– Да, Макумацан. Поэтому поправляйся скорей, чтобы быть в состоянии прогнать этих воров ружьями. Через четырнадцать дней на нашей земле начнется жатва. Я должен уйти на гору дня на два. Прощай и не бойся. Во время моего отсутствия вам будут доставлять пищу и охранять. Я вернусь на третий день.

После отъезда Харута глубокое уныние охватило нас. Приуныл даже Ханс. Что касается Сэвэджа, он выглядел точно осужденный на смертную казнь. Я попробовал ободрить его и спросил, что с ним.

– Не знаю, м-р Кватермэн, – ответил он, – мне кажется, что я навсегда останусь в этой проклятой дыре.

– Но, по крайней мере, здесь нет змей, – пошутил я.

– Нет, м-р Кватермэн. Я их еще не встречал, но они постоянно по ночам ползают около меня. Каждый раз, когда я встречаюсь с этим пророком, он говорит мне о них.

С этими словами Сэвэдж ушел, чтобы скрыть свое волнение.

Вечером вернулся Ханс, которого я послал обойти гору вокруг и узнать, что она представляет с другой стороны. Од-

нако он потерпел полную неудачу. Пройдя несколько миль, он встретил людей, приказавших ему вернуться обратно. Они так угрожающе вели себя, что если бы не ружье Интомби, которое Ханс взял с собой под предлогом охоты на козлов и к которому белые кенда питали большое уважение, они убили бы его. Вскоре после этой неудачной попытки, мы, серьезно обсудив положение дел, пришли к определенному решению, о котором я расскажу дальше.

Если память не изменяет мне, после возвращения Харута со Священной Горы произошел весьма интересный случай.

Наш дом был разделен на две комнаты перегородкой. В левой комнате спали Рэгнолл и Сэвэдж, в правой Ханс и я.

На рассвете меня разбудил возбужденный разговор Сэвэджа и его господина. Через минуту они вошли в мою комнату.

При слабом освещении я увидел, что лорд Рэгнолл был сильно взволнован, а Сэвэдж крайне перепуган.

– В чем дело? – спросил я.

– Мы видели мою жену, – ответил лорд Рэгнолл.

Я удивленно посмотрел на него.

– Сэвэдж разбудил меня и сказал, что в нашей комнате есть еще кто-то, – продолжал он, – я приподнялся и увидел (это верно, Кватермэн, как то, что я жив) мою жену, освещенную светом, падающим из окна. Она была в белом одеянии, волосы ее были распущены. На груди висело ожерелье из красных камней, подарок этих негодяев, который она по-

стоянно носила. В руках было что-то, похожее на скрытое покрывалом дитя; я думаю, оно было неживое. Я был так потрясен, что не мог говорить. Она стояла, глядя на меня широко открытыми глазами, и не двигалась. Но я могу поклясться, что губы ее шевелились. Мы оба ясно слышали, как она говорила: «Не покидай меня, Джордж! Ищи меня на горе». Я вскочил, и она исчезла.

– А что видел и слышал Сэвэдж? – спросил я.

– То же самое, что и его светлость, м-р Кватермэн. Не больше и не меньше. Я видел, как она прошла через дверь.

– Через дверь! Разве она была открыта?

– Нет, сэр. Но она прошла как будто двери вовсе не было.

– Это, верно, была не женщина, а привидение, баас. Я проснулся за полчаса до рассвета и лежал, глядя на эту дверь, которую сам запер вчера вечером. Ее никто не открывал. За ночь паук сплел на ней паутину, и она до сих пор цела. Пусть баас сам посмотрит, если не верит мне.

Я поднялся и осмотрел дверь (боль в бедре начала утихать, и я уже мог немного ходить). Ханс говорил правду. Дверь была затянута паутиной, посреди которой сидел большой паук.

Только два объяснения имел этот странный случай: либо все было простой галлюцинацией, либо лорд Рэгнолл и Сэвэдж на самом деле видели нечто сверхъестественное. В последнем случае мне хотелось бы пережить то же, что пережили они, так как увидеть настоящий призрак было моим

страстным желанием.

Я еще не говорил, что мы пришли к выводу о бесполезности наших поисков и вообще пребывания в этих местах. Мы решили попытаться уйти отсюда, прежде чем будем втянуты в губительную войну между двумя загадочными племенами, из которых одно было совершенно диким, а другое – немного цивилизованнее.

Лорд Рэгнолл предложил такой план: я должен был попробовать в обмен на ружья приобрести верблюдов. Потом, под предлогом охотничьей экспедиции на Джану, мы думали попытаться уехать из этой страны. Но, быть может, видение было послано нам с целью разрушить наш план.

Размышляя об этом, я улегся спать и проспал до самого завтрака.

– Я долго думал о случившемся вчера ночью, – сказал лорд Рэгнолл, оставшись в это утро наедине со мной, – я человек не суеверный, но убежден, что мы с Сэвэджем видели и слышали душу или тень моей жены. У меня появилась уверенность, что она в плену на этой горе и приходила звать меня освободить ее. Поэтому я считаю своим долгом не покидать этой страны и попытаться добиться истины.

– А как это сделать? – спросил я.

– Я сам пойду на гору.

– Это невозможно, Рэгнолл. Я сильно хромаю и не смогу пройти и полумили.

– Я знаю, и это одна из причин, по которой я не хочу, что-

бы вы сопровождали меня. Кроме того, я хочу сделать это один, не подвергая риску других. Но Сэвэдж говорит, что пойдет туда, куда пойду и я, оставив вас с Хансом здесь продолжать дальнейшие попытки в случае, если мы не вернемся. Мы хотим ночью выйти из города в белых плащах, какие носят кенда. Мне удалось выменять их на табак. Когда наступит заря, мы попытаемся найти дорогу через пропасть, а остальное предоставим Провидению.

Я сделал все зависящее от меня, чтобы отговорить лорда Рэгнолла от этого безумного намерения, но безуспешно. Я никогда не знал человека бесстрашнее и решительнее его.

Потом я говорил с Сэвэджем и указывал ему на все опасности, связанные с этой попыткой, но и здесь потерпел неудачу.

Сэвэдж объявил, что куда пойдет его господин, туда пойдет и он, и что он предпочитает умереть вместе с ним, нежели один.

Итак, со стесненным сердцем я помогал им делать необходимые приготовления к этому безумному предприятию.

Они, не прячась, ушли днем под предлогом охоты на куропаток и коз в нижней части горы, где нам была предоставлена в этом полная свобода. Наше прощание вышло очень печальным.

Сэвэдж передал мне письмо к своей старой матери в Англии и просил меня отправить его, если я когда-либо попаду в цивилизованную страну.

Я приложил все старания, чтобы ободрить его, но безуспешно.

Он горячо пожал мою руку, говоря, что для него было большим удовольствием узнать такого «настоящего джентльмена», как я, и выражал надежду, что я вырвусь из этого ада и проведу остаток своей жизни среди христиан. Потом, утерев рукавом слезу, он притронулся к своей шляпе и удалился.

Их снаряжение было весьма простым: немного пиши, фляга со спиртом, два двуствольных ружья, из которых можно было стрелять дробью и пулями, потайной фонарь, спички и пистолеты.

Ханс проводил их до конца города.

– Отчего ты так печален, Ханс? – спросил я, когда он вернулся.

– Потому что я очень полюбил Бену, – ответил он, вертя свою шляпу в руках, – он всегда был добр ко мне и так хорошо умел стряпать. Теперь эту работу придется делать мне, а я не люблю этого.

– Но ведь он еще жив, Ханс!

– Это верно, баас, но он скоро умрет, потому что тень смерти была видна в его глазах.

– А лорд Рэгнолл?

– Я думаю, что он останется жив, баас, у него не было этой тени.

Всю следующую ночь я не смыкал глаз и лежал, полный

тягостных опасений.

На рассвете я услышал стук в нашу дверь и шепот лорда Рэгнолла, просившего открыть ее. Я зажег свечу, – их у нас был большой запас.

Ханс открыл дверь.

В комнату вошел лорд Рэгнолл. По его лицу я сразу увидел, что произошло что-то ужасное. Он подошел к кувшину с водой и выпил три чашки одну за другой.

– Сэвэдж погиб, – сказал он и остановился, как бы припоминая что-то страшное.

– Слушайте, – продолжал он, – мы поднимались по склону горы и не стреляли, хотя видели множество куропаток и коз. К наступлению сумерек мы подошли к отвесной каменной стене, на которую не было никакой возможности взобраться.

Здесь мы увидели тропинку, ведущую к отверстию пещеры, или тоннеля. Пока мы раздумывали, что предпринять, появилось восемь или десять одетых в белое людей, которые схватили нас прежде, чем мы успели оказать какое-либо сопротивление. Потом, после некоторого совещания, их предводитель знаками объяснил нам, что мы свободны. Они ушли, унося с собой наши ружья и пистолеты, и, уходя, смеялись так странно, что их смех встревожил меня. Мы стояли в нерешительности. Уже становилось темно. Я спросил Сэвэджа, что теперь делать, ожидая, что он предложит вернуться в город. К моему удивлению он ответил: «Конечно, идти дальше, ваша светлость. Не надо позволять думать этим

скотам, что мы, белые люди, ни шагу не смеем ступить без наших ружей».

С этими словами он зажег потайной фонарь.

Я смотрел на него с изумлением.

– Меня что-то тянет в эту пещеру, – продолжал он. – Вероятно, это смерть. Но что бы там ни было, я должен идти.

Я думал, что он потерял рассудок, и хотел удержать его. Но он быстро побежал к пещере. Я последовал за ним и, когда достиг ее, Сэвэдж уже пробежал ярдов восемь по тоннелю. В это время я услышал ужасный шипящий звук и восклицание Сэвэджа: «О, Боже!» Фонарь выпал из его рук, но не потух. Я бросился вперед и поднял его. Между тем Сэвэдж побежал дальше в глубину пещеры. Я поднял фонарь над головой и вот что увидел.

Шагах в десяти от меня, протянув руки, плясал – да, именно плясал, Сэвэдж под звуки ужасной шипящей музыки. Я поднял фонарь выше и увидел футах в девяти за Сэвэджем почти у самого потолка тоннеля голову неслыханно огромной змеи. Эта голова, которая едва уместилась бы в тачке, держалась на шее, имевшей толщину моей талин. В темноте обрисовывалось огромное покачивающееся тело серо-зеленого цвета, отливавшее золотом и серебром. Змея шипела, раскачивал своей огромной головой, и вдруг откинула ее назад и застыла на несколько секунд. Сэвэдж остановился, наклонившись немного вперед, как бы кланяясь гадине. В следующее мгновение она бросилась на Сэвэджа… Послы-

шался ужасный треск костей… Я отшатнулся к стене пещеры и на минуту закрыл глаза, так как почувствовал слабость. Открыв их снова, я увидел на полу нечто бесформенное (то были останки Сэвэджа), а над ним огромную змею, смотревшую на меня своими стальными глазами. Я бежал из этой ужасной пещеры. Заблудившись на склоне горы, я бродил в продолжение нескольких часов, пока не вышел к окраине города.

После этого мы долгое время сидели молча. Наконец Ханс сказал невозмутимым тоном:

– Уже рассвело, баас. Я потушу свечу; зачем ей даром гореть. Теперь мне надо готовить завтрак. Эта дьявольская змея позавтракала Беной, но я надеюсь позавтракать ею. Змеи бывают вкусны, баас, если их умело приготовить по-готтентотски.

XVI. Ханс ворует ключи

Немного погодя, в наш дом пришли несколько белых кенда, вежливо передавших нам ружья и пистолеты Рэгнолла и бедного Сэвэджа. Они говорили, что нашли эти предметы на склоне горы. Я взял их, не сказав ни слова.

В этот вечер нас посетил Харут. Поздоровавшись с нами, он осведомился, где Бена.

– Ах ты, седобородый отец лжецов, – с негодованием сказал я, – ты великолепно знаешь, что Бена уже в желудке змеи, живущей в пещере на горе.

– Как, господин! – воскликнул Харут. – Разве вы питались подняться на гору? Впрочем, Бена всегда любил змей, и они любили его.

– Это ты, негодяй, его убил! – закричал лорд Рэгнолл, – я сейчас же убью тебя за это.

– Ты хочешь убить меня за то, что змея задушила вашего человека? Если пойдешь туда, где живет лев, лев умертвит тебя; если пойдешь туда, где живет змея, змея умертвит тебя. Я вас предупреждал, но вы не послушались меня. Теперь я вам скажу: можете идти туда, если хотите; никто не остановит вас. Но помните: в Дом Дитяти ведет совсем другая дорога, которой вы никогда не найдете.

– Слушай, – сказал лорд Рэгнолл, – что толку во всей этой болтовне? Ты хорошо знаешь, зачем мы в вашей дьявольской

стране. Я убежден, что вы похитили мою жену, чтобы сделать ее своей жрицей. Я хочу получить ее обратно.

– Это большое заблуждение, – кротко ответил Харут, – мы не похищали прекрасной леди. И Макумацан здесь не для того, чтобы искать ее, а для того, чтобы убить слона Джану и получить за это слоновую кость. Ты, господин, пришел с ним как друг, хотя мы не звали тебя. Ты пытался найти храм нашего бога, и змея, охранявшая двери его, умертвила твоего слугу. Но почему мы не убили тебя?

– Потому что вы боитесь сделать это, – смело ответил Рэгнолл, – убейте меня, я готов, но вы увидите последствия этого.

– Ты очень храбрый человек, – сказал Харут, не без восхищения глядя на лорда Рэгнолла, – мы не хотим убивать тебя; быть может, все окончится хорошо. Одно Дитя знает об этом. Ты поможешь нам победить черных кенда. Только не ходи к змее, потому что она скоро снова будет голодной. Слушай и ты, Свет-во-мраке, – прибавил он, обращаясь к сидевшему на корточках Хансу, – это очень голодная змея, а вы лакомое для нее блюдо!

Ханс, не поворачивая головы, скосил свои глаза на Харута и ответил на наречии банту:

– Я слышу, белобородый лжец, но что мне до этого? Мой враг – Джана, желавший убить моего господина Макумацана, не то, что твоя грязная змея. Если она такая страшная, почему она не убьет Джану, которого вы ненавидите? Вот что

для меня ваша змея, – прибавил он, энергично плюнув на землю, – если хочешь, я убью ее, только заплати мне за это.

– Ты хочешь убить змею, – сказал Харут, – что же, убей, если тебе это нравится. Тогда мы дадим тебе новое имя. Мы назовем тебя «Господином змей». Как твоя нога, Макумацан? – продолжал он, обращаясь ко мне. – Я принес тебе мазь, которая излечит ее. Это священная мазь от Дитяти. Мой господин, – сменил он вдруг свой ломаный английский язык на банту, – война близка. Черные кенда собирают силы, чтобы напасть на нас. Нам нужна твоя помощь. Мне надо сейчас ехать к реке Таве. Через неделю я вернусь; тогда снова поговорим об этом. Натри ею больную ногу и, смешав кусочек ее величиной с хлебное зерно с водой, прими это на ночь. Это не яд, – прибавил он, положив немного мази на язык и проглотив ее.

Потом он поднялся и удалился с обычными поклонами.

Надо сказать, что лекарство Харута произвело на меня превосходное действие. На следующее утро боль исчезла и, за исключением небольшой слабости, я чувствовал себя вполне хорошо.

Остаток мази сохранялся у меня в продолжение многих лет и хорошо помогал при ломоте в бедрах и при ревматизме.

Последующие дни прошли без приключений.

Оправившись после болезни, я начал посещать город, походивший на разбросанные деревни, какие можно часто ви-

деть на восточном берегу Африки. Почти все мужчины отсутствовали, будучи, вероятно, заняты приготовлениями к жатве. Женщины запирались в домах по восточному обычаю.

Сказать правду, это был крайне неинтересный небольшой городок, населенный необщительными людьми, живущими, как мне казалось, под тенью страха, препятствовавшего всякому веселью.

Даже дети ходили как-то уныло и разговаривали вполголоса. Я никогда не видел их играющими или смеющимися, подобно детям всего света.

Жили мы довольно комфортабельно. Пища доставлялась нам в изобилии. В мое распоряжение (я все еще хромал) был предоставлен выносливый пони.

На этом пони я раза два ездил по южному склону горы под предлогом охоты.

В таких случаях меня сопровождал Ханс. Я заметил, что он был теперь молчалив и задумчив.

Однажды мы совсем близко подъехали ко входу в пещеру или тоннелю, где бедный Сэвэдж нашел такой ужасный конец.

В то время как мы рассматривали это место, появился одетый в белое человек с бритой головой (должно быть, жрец) и насмешливо спросил, почему мы не войдем в тоннель и не посмотрим, что находится по ту сторону его.

Я только улыбнулся в ответ и спросил его о назначении

прекрасных коз с длинной шелковистой шерстью, которых он, по-видимому, пас.

Жрец ответил, что эти козы предназначены в пищу «тому, кто живет на горе и ест только тогда, когда меняется луна». На мой вопрос, кто эта особа, он с неприятной улыбкой предложил мне пройти через тоннель и самому взглянуть на нее. Я, конечно, не принял этого приглашения.

В этот вечер неожиданно появился Харут, имевший весьма встревоженный вид.

– Господин, – сказал он, – я иду на Гору, чтобы присутствовать на празднестве первых плодов, которое будет при восходе солнца в день новой луны. После жертвоприношения станет говорить оракул, и мы узнаем, когда будет война с Джаной и, быть может, другие вещи.

– Можем ли мы присутствовать на этом празднестве, Харут? Мы уже соскучились здесь.

– Конечно, – с поклоном ответил он, – вы можете прийти, но только без оружия. Ибо тот умрет, кто появится перед Дитятей вооруженным. Вы знаете дорогу через пещеру и лес, лежащий за ней.

– А если мы пройдем через пещеру, нас хорошо примут на празднестве?

– Да, вы встретите самый радушный прием. Клянусь вам в этом Дитятей. О, Макумацан, – прибавил он, улыбаясь, – почему ты говоришь так безрассудно, знал, кто живет в той пещере? Или вы думаете пройти, убив ее обитателя своим

ружьем? Бросьте эту мечту. Те, кто охраняет вас, получили приказание следить, чтобы никто из вас не выходил из дома, имея при себе какое бы то ни было оружие. Если вы не дадите мне обещания поступать согласно этому, никто из вас не будет выпущен даже в сад до тех пор, пока я не вернусь.

Рэгнолл вначале хотел отказаться дать такое обещание, но Ханс сказал:

– Лучше, баас, остаться на свободе без ружей и ножей, чем сделаться настоящими пленниками. Часто от тюрьмы бывает недалеко до могилы.

Мы признали силу этого аргумента и в конце концов дали требуемое обещание.

– Хорошо, – сказал Харут, – но знайте, что у нас, белых кенда, тот, кто нарушит клятву, без оружия остается по ту сторону Тавы, чтобы дать отчет в своем поступке Джане, отцу всех лжецов. Теперь прощайте. Если мы не встретимся на празднестве первых плодов, куда я вас еще раз приглашаю, мы поговорим здесь, после того, как я выслушаю голос Оракула.

Потом он сел на верблюда, ожидавшего его снаружи, и уехал в сопровождении эскорта из двенадцати человек, тоже сидевших верхом на верблюдах.

– Существует другая дорога, ведущая на гору, Кватермэн, – сказал Рэгнолл, – верблюд скорей пройдет через ушко иголки, нежели через ту пещеру, даже если бы она была пуста.

– Это верно, – согласился я, – но мы не знаем, где она, и я думаю, что она проходит за много миль отсюда. Для нас существует только один путь – через пещеру, что равносильно отсутствию всякого пути.

В этот вечер за ужином мы заметили исчезновение Ханса. Он похитил мои ключи и забрался в ящик, где хранились спиртные напитки.

– Он ушел, чтобы напиться, – сказал я Рэгноллу, – и неудивительно, потому что и я способен последовать его примеру.

Мы улеглись спать. На следующее утро, когда я уже собрался идти в хижину, где находилась кухня, варить к завтраку яйца, к нашему удивлению появился Ханс с котелком кофе.

– Ты вор, Ханс, – сказал я.

– Да, баас, – ответил Ханс.

– Ты забрался в ящик с джином и взял яд?

– Да, баас, я взял яд. Но теперь все обстоит хорошо. Баас не должен сердиться на меня за это; здесь так скучно без дела. Баасы будут есть похлебку?

Бранить Ханса было бесполезно. Кроме того, у меня появилось некоторое сомнение, так как он не был похож на пьяного человека.

Когда мы покончили с завтраком, Ханс уселся передо мной на корточки и, закурив свою трубку, вдруг спросил:

– Не хотят ли баасы сегодня вечером пройти через ту пе-

щеру? Теперь это очень легко сделать.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил я, думая, что Ханс пьян.

– Я хочу сказать, баас, что житель пещеры спит очень крепким сном и никогда уже не проснется. Я убил этого отца змей. Не угодно ли баасам пройти через пещеру?

– Прежде всего я должен убедиться, трезв ли ты, – ответил я. – Если ты сейчас же не расскажешь нам всего, я поколочу тебя, Ханс!

– Тут немного рассказывать, баас, – ответил Ханс, посасывая трубку, – дело вышло очень легкое. Баас помнит, что говорил человек в ночной рубахе и с бритой головой? Он говорил, что козы назначены в пищу для кого-то, живущего на горе. Но кто другой живет на горе, кроме отца змей в пещере? Тот человек, если баас помнит, прибавил, что на горе едят только при новой луне, а сегодня как раз день новой луны. Следовательно, за день до новой луны, то есть вчера, змея была голодна.

– Все это так, Ханс, но как ты мог убить змею, накормив ее?

– Ох, баас, люди иногда едят вещи, от которых им бывает худо; точно так же и змеи. В одном из ящиков бааса есть несколько фунтов чего-то, похожего на сахар, которое, смешав с водой, употребляют для сохранения кож и черепов.

– Ты говоришь о кристаллах мышьяка?

– Я не знаю, как это называется, баас. Я раньше думал, что

это сахар и хотел положить в кофе…

– Господи! – воскликнул я. – Почему же мы живы до сих пор?

– Потому что в последний момент, баас, у меня явилось сомнение. Я положил немного этого сахара в молоко и дал его собаке, укусившей меня за ногу. Это была очень жадная собака. Она сразу выпила молоко. Потом она завыла, повертелась с пеной у рта и издохла. После этого я решил лучше не класть в кофе этого сахара. Потом Бена мне сказал, что это смертельный яд. Тогда мне пришло в голову, что если заставить змею проглотить этот яд, она наверно издохнет. Я украл ключи, как делал это часто, потому что баас бросает их, где попало, и нарочно оставил открытым ящик с виски, чтобы баас подумал, что я напился пьяным. Я взял полфунта ядовитого сахара, убившего собаку, распустил его в воде вместе с настоящим сахаром и вылил смесь в бутылку. Остальные полтора фунта я разложил в двенадцать маленьких бумажных мешочков и спрятал все это в карман. Потом я пошел на гору в то место, где паслись козы. Их никто не стерег. Я вошел в крааль, выбрал молодого козленка, связал ему ноги и облил его смесью из бутылки. Потом привязал в разных местах его тела все двенадцать мешочков с ядовитым сахаром. После этого я развязал козленка и подвел его ко входу в пещеру. Я не знал, как заставить его войти в нее, а идти вместе с ним мне не хотелось. Но он сам побежал в пещеру, как будто его влекла туда какая-то сила. Перед тем как войти

в нее, он обернулся и посмотрел на меня. При свете звезд я видел, что его глаза были полны ужаса.

Скоро я услышал шипение, как будто кипели четыре больших котла за раз; козленок заблеял. Потом послышался шум возни с треском костей и сосущий звук, как от насоса, который не может поднять воду. После этого все затихло. Я отошел от входа в пещеру, сел в стороне и стал ждать, что будет дальше. Приблизительно через час из пещеры послышался шум, как будто по ее стенам били мешком, наполненным мякиной.

«Ага, – подумал я, – у пожравшего Бену заболел живот». Ядовитый сахар начал таять в желудке змеи, и она так шумела, как будто в пещере под звуки шипящей музыки целая компания девушек танцевала танец войны. Вдруг отец змей начал выползать из пещеры.

Когда я увидел его при свете звезд, у меня волосы дыбом поднялись на голове. Вероятно, во всем свете нет такой другой змеи! Змеи, которые живут в стране зулусов и едят коз, – маленькие дети по сравнению с этой змеей. Ярд за ярдом она выползала из пещеры, потом стала на хвост, подняла голову на высоту целого дерева и наконец быстрее лошади бросилась вниз с горы. Я молил Бога, чтобы она не заметила меня…

Через полчаса она вернулась обратно. Теперь она уже не могла прыгать, а ползла. Никогда в жизни я не видел такой большой змеи. Она вползла в пещеру и, шипя, улеглась в ней.

Потом шипение становилось все слабее и слабее и наконец совсем затихло. Я подождал еще полчаса и после этого решился войти в пещеру с палкой в одной руке и с зажженным фонарем в другой. Не успел я пройти десяти шагов, как увидел змею, неподвижно лежавшую на спине. Она была совершенно мертва; я прикладывал горящие восковые спички к ее хвосту, но она не шевелилась.

Тогда я вернулся домой, чувствуя себя гордым, что перехитрил прадеда всех змей, убившего моего друга Бену, и что очистил путь через пещеру. Вот и вся история, баас. Теперь я пойду мыть посуду, – закончил Ханс и, не дожидаясь, что скажем мы, удалился, оставив нас пораженными его находчивостью и смелостью.

– Что делать дальше? – спросил я.

– Подождем наступления ночи, – ответил Рэгнолл, – тогда я пойду смотреть змею, убитую благородным Хансом, и узнать, что находится за пещерой. Вы помните приглашение Харута?

– Вы думаете, что Харут сдержит свое слово?

– Пожалуй, да. А если не сдержит – мне все равно. Все-таки действовать лучше, чем сидеть здесь в нерешительности.

– Я согласен с этим. По-моему, Харуту теперь не выгодно убивать нас. Поэтому я и, без сомнения, Ханс пойдем с вами. Нам не следует разделяться. Быть может, вместе мы будем счастливее.

XVI. Святилище и клятва

Вечером, вскоре после заката солнца, мы все трое смело вышли из дома, надев поверх своего платья одежды кенда, купленные Рэгноллом.

При нас не было ничего, кроме палок, небольшого количества пищи и фонаря.

На окраине города мы встретили нескольких кенда, одного из которых я знал, так как мне часто случалось ехать рядом с ним во время нашего перехода через пустыню.

– Есть ли при вас оружие, Макумацан? – спросил он, с любопытством глядя на нас и на наши белые платья.

– Нет, – ответил я, – обыщи нас, если хочешь.

– Достаточно твоего слова, – сказал он, – если при вас нет оружия, нам приказано не препятствовать вам идти, куда угодно. Но, господин, – прошептал он, – прошу тебя, не ходи в пещеру, где живет некто, чей поцелуй приносит смерть.

– Мы не разбудим того, кто спит в пещере, – загадочно ответил я, и мы пошли дальше, радуясь, что кенда еще не знают о смерти змеи.

Через час Ханс привел нас ко входу в пещеру.

Сказать правду, когда мы подходили к ней, сомнения овладели мной. Что если Ханс был в самом деле пьян и придумал всю эту историю, чтобы оправдать свое отсутствие? Что если змея теперь оправилась от своего временного недо-

могания? Что если в этой пещере живет целая семья их?

Мы подошли к самому входу в пещеру и прислушались. Там было тихо, как в могиле.

Ханс зажег фонарь и сказал:

– Подождите здесь, баасы. Я пойду вперед. Если вы услышите, что со мной что-либо приключилось, у вас будет время уйти.

Эти слова пристыдили меня. Через минуты две Ханс вернулся.

– Все в порядке, баасы, – сказал он. – Отец змей сам отправился в ту страну, куда послал Бену. Без сомнения, его теперь поджаривают на адском огне. В пещеру можно войти: там нет других змей.

Мы вошли в пещеру. На земле лежало огромное мертвое пресмыкающееся, уже сильно раздувшееся. Я не знаю, какова была его длина, так как его тело было свернуто кольцами. Но одно могу сказать: это была самая огромная змея, какую я когда-либо видел. Я слышал о таких пресмыкающихся в различных частях Африки, но до сих пор считал эти рассказы чистым вымыслом. Никогда я не забуду ужасного зловония, стоявшего в пещере. По всей вероятности, эта тварь жила здесь целые столетия. Говорят, что большие змеи живут столько же, сколько черепахи и, считаясь священными, никогда не имеют недостатка в пище. Повсюду лежали кучи костей, среди которых я заметил обломки человеческого черепа, быть может, принадлежавшего бедному Сэвэджу. Вы-

ступы скал были покрыты большими кусками кожи, которую змеи меняют каждый год.

Некоторое время мы рассматривали труп этого отвратительного создания. Потом пошли дальше.

Пещера оказалась не более ста пятидесяти ярдов в длину. Она была естественного происхождения и, вероятно, образовалась от прорыва через лаву дыма и испарений. К концу она значительно суживалась, и я начинал сомневаться в существовании второго выхода. Однако я ошибся: в самом конце ее мы нашли отверстие достаточно большое. Но пробираться через него было довольно трудно; нам стало ясно, что белые кенда ходили к своему святилищу совершенно другой дорогой.

Через это отверстие мы выбрались на склон огромного, образовавшегося из лавы рва, который вел сперва вниз, потом вверх к основанию конусообразной вершины горы, покрытой густым лесом. Я полагаю, что образование этой горы было результатом вулканического действия в ранние периоды существования земли.

Лес состоял из огромных разновидных кедров, растущих не очень тесно. Нижняя часть деревьев была обнажена, вероятно, потому, что густые вершины не пропускали вниз света. Стволы и сучья деревьев были покрыты серым мхом, придававшим этому месту еще более жуткий характер.

Под деревьями царил такой мрак, что мы могли различать предметы на расстоянии не более дюйма перед собой.

Однако мы медленно продвигались вперед. Ханс, умевший ориентироваться лучше нас, шел впереди.

По временам я при свете спички поглядывал на карманный компас, зная по предыдущим наблюдениям, что вершина Священной Горы лежит в северном направлении.

Так час за часом мы поднимались вверх, все время наталкиваясь на стволы деревьев или спотыкаясь о сухие ветки, попадавшиеся под ногами.

Этот лес был похож на дом, посещаемый привидениями. Я никогда в жизни не испытывал такого особенного страха, как в эту ночь. Впоследствии Рэгнолл признался мне, что чувствовал приблизительно то же самое.

– Пусть баас посмотрит, – шепотом сказал Ханс, так как никто из нас не решался говорить громко, – не глаза ли Джаны горят вон там, как раскаленное железо?

– Не будь глупцом, – ответил я, – как Джана может попасть сюда?

Но сказав это, я вспомнил слова Харута о том, что он дважды видел Джану на Священной Горе.

Так проходила долгая ночь.

Поднимались мы очень медленно, но останавливались всего два раза: один раз, когда нам показалось, что мы со всех сторон окружены деревьями, другой раз, когда попали в топкое место. Тогда мы рискнули зажечь фонарь и при помощи его выбрались оттуда.

Постепенно лес становился все реже и реже; мы уже ви-

дели звезды, мерцавшие сквозь вершины деревьев.

За полчаса до зари Ханс, шедший впереди (мы пробирались через густой кустарник), вдруг резко остановился.

– Стой, баас, мы на краю скалы, – сказал он.

Когда я хотел поставить палку впереди себя, она ни во что не уперлась.

Рэгнолл решил осмотреть почву при свете фонаря. Вдруг мы услышали тихие голоса и увидели футов на сорок или более ниже себя движущиеся огоньки.

Мы как мыши притаились в кустах в ожидании рассвета.

Наконец он наступил. На востоке появился алый свет, постепенно распространявшийся по небу. Из глубины обрызганного росой леса его приветствовало пение птиц и крики обезьян.

Вдруг небо прорезал луч восходящего солнца, и из мрака, все еще царившего внизу, послышалось тихое нежное пение. Постепенно оно замерло, и в продолжение некоторого времени тишина нарушалась только шумом, похожим на шум, производимый публикой, усаживающейся в темном театре. Потом послышалось женское пение – красивое контральто. Я не мог разобрать слов, – если только это были слова, а не просто музыкальные звуки.

Я почувствовал, как рядом со мной задрожал Рэгнолл, и спросил, что с ним.

– Мне кажется, что я слышу голос моей жены, – шепотом ответил он.

– Возьмите себя в руки, – прошептал я.

Теперь небо начало пламенеть, и потоки света, как многоцветные драгоценные камни, разлились в тумане и разогнали его. Тени исчезли. Постепенно внизу открылся амфитеатр, на южной стене которого сидели мы.

Собственно, это была не стена, а застывшая глыба лавы футов в сорок-пятьдесят высотой. Амфитеатр походил на те древние театры, какие я видел на картинках, а Рэгнолл посещал в Италии, Греции и Южной Франции. Он был не очень велик и имел овальную форму. Без сомнения, это был кратер потухшего вулкана.

На арене стоял храм, похожий на храмы, сохранившиеся в Египте, но размером меньше их. Вокруг наружного двора шла колоннада, поддерживавшая крышу строения, служившего, вероятно, помещением для жрецов.

Короткий проход вел в другой, меньший дворик, где находилось святилище, построенное, как и весь храм, из лавы.

Храм, как я уже сказал, был невелик, но весьма красив. На нем не было скульптурных и живописных украшений, но каждая его деталь была сделана с большим вкусом. Перед входом в святилище стояла большая глыба лавы, служившая, вероятно, алтарем, и каменная чаша на треножнике.

За святилищем находился прямоугольный дом. Некоторое время оба двора были пусты, но на скамьях амфитеатра сидело около трехсот человек. Мужчины на севере, женщины – на юге храма. Все они были одеты в ярко-белые одежды.

У мужчин головы были выбриты, у женщин закрыты покрывалами; но их лица оставались открытыми.

В амфитеатр вело две дороги: одна на восток, другая на запад. Они шли через тоннели, выдолбленные в скалах, окружавших кратер. Обе могли запираться двойными массивными деревянными дверями футов в семнадцать-восемнадцать высотой.

Очевидно, на этом тайном собрании могли присутствовать только лица, принадлежавшие к жреческому классу этого странного племени.

Когда совсем рассвело, из келий, окружавших наружный двор храма, вышло двенадцать жрецов с Харутом во главе. Каждый из них нес на деревянном блюде хлебные колосья разных сортов.

Потом из келий, находившихся в южной части двора, вышло двенадцать молодых девушек, тоже несших деревянные блюда с цветами. По данному знаку они запели священную песнь и направились из первого двора во второй. Дойдя до алтаря, они остановились (сначала жрецы, потом жрицы) и поочередно ставили на него блюда с жертвой. Потом они выстроились по обе стороны алтаря, и Харут, взяв в руки по блюду с хлебом и цветами, про тянул их сначала по направлению к тому месту, где находилась невидимая новая луна, потом по направлению к восходящему солнцу и, наконец, по направлению к дверям святилища, каждый раз преклоняя при этом колени и произнося нараспев молитву, слов кото-

рой мы не могли разобрать.

Потом последовала пауза, а за ней внезапно раздалось пение, в котором приняли участие все присутствовавшие. Это была красивая, звучная песня или гимн на непонятном мне языке, разделенный на четыре стиха. Конец каждого из них отмечался поклоном певцов по направлению к востоку, западу и алтарю. Новая пауза, и вдруг двери святилища широко распахнулись, и в них показалась Изида, богиня египтян, какою я видел ее на картинах! Она была облачена в легкое одеяние, сделанное из очень тонкой материи. Ее волосы были распущены, и на них – головной убор из блестящих перьев с небольшой змейкой спереди. В руках она держала что-то, издали похожее на обнаженное дитя. По обеим сторонам ее шли две женщины, поддерживавшие ее под руки. На них тоже были прозрачные одеяния и головные уборы из перьев, но без змеек.

– Боже! – прошептал Рэгнолл, – это моя жена.

– Молчите и благодарите Бога, что она жива, – шепотом ответил я.

Богиня Изида (или английская леди) спокойно стояла, в то время как жрецы, жрицы и все собравшиеся на скамьях амфитеатра поднялись и приветствовали ее троекратным криком.

Харут и первая жрица благоговейно поднесли хлебный колос и цветок сперва к губам дитяти, лежавшего на руках Изиды, потом к ее губам.

После этой церемонии женщины, сопровождавшие богиню, обвели ее вокруг алтаря и усадили в стоявшее перед ним каменное кресло. В чаше на треножнике был зажжен огонь, куда Харут и главная жрица что-то бросали, отчего поднялся дым. Изида наклонила голову вперед и вдохнула дым курения точно так же, как мы с ней вдыхали его в гостинной Рэгнолл-Кэстла несколько лет тому назад.

Дым перестал струиться; богиня при помощи сопровождавших ее женщин снова выпрямились в кресле, все еще прижимая к своей груди Дитя и как бы убаюкивая его. Но голова ее была опущена, будто она находилась в обмороке. Харут подошел к ней и что-то сказал; потом снова отступил назад и ждал. Тогда среди всеобщего молчания она поднялась со своего места и заговорила, устремив свои большие глаза в небо. Что она говорила – нам не было слышно.

Через некоторое время она смолкла, снова села в кресло и сидела, не шевелясь и по-прежнему глядя вперед.

Харут подошел к алтарю, стал на его каменных ступеньках и обратился к жрецам, жрицам и остальному собранию. Он говорил так громко и отчетливо, что мы слышали и понимали каждое сказанное им слово.

– Слушайте голос Оракула, Хранительницы небесного Дитяти, тени, родившей его, отмеченной знаком молодой луны. Слушайте ответы на вопросы, предложенные мною. Харутом, пожизненным жрецом Вечного Дитяти. Вот что говорит Оракул: о белые люди кенда, почитающие Дитя, по-

томки тех, кто в продолжение тысячи лет чтили его в древней земле, пока варвары не прогнали их оттуда. Приближается война, о белые люди кенда! Злой Джана, чье другое имя Сет, Джана, живущий в образе слона, почитаемый тысячами, некогда покоренными нами, поднялся против вас. Мрак поднялся против света. Зло идет войной на добро. Мое проклятие пало на народ Джаны, мой град побил их, их хлеба и скот. Но они все еще сильны для войны. Они идут отобрать у вас хлеб. Джана идет попрать ногами вашего бога. Зло идет разрушить добро. Ночь хочет пожрать день. Это будет последняя схватка. Как победить вам, о народ Дитяти? Не своей собственной силой, ибо вы малочисленны, а Джана очень силен. Не силой Дитяти, ибо Дитя становится слабым и дряхлым и дни его господства проходят. Только с помощью издалека призванных можете вы победить – так говорит голосом Дитяти Хранительница его. Их было четверо, но один из них погиб в пасти стража пещеры. Это было злое деяние, о сыновья и дочери Дитяти, ибо страж теперь мертв, и многие из вас, задумавших это злое дело, должны умереть за кровь того человека. Зачем вы сделали это? Чтобы удержать в тайне похищение женщины, чтобы продолжать дело лжи? Так говорит Дитя. Не подымайте руки против трех остальных, дайте им, что они потребуют, ибо они одни могут спасти вас от Джаны и тех, кто служит ему. Вот что сказал Оракул на празднике первых плодов.

Харут окончил свою речь. Некоторое время царило мол-

чание, потом поднялся всеобщий стон.

Когда он затих, спутницы Изиды помогли ей подняться со своего места.

Все собрание, жрецы и жрицы поклонились ей.

Она подняла изображение Дитяти высоко над головой, и все с глубоким благоговением преклонились пред ним.

Потом, продолжая держать изображение над головой, она повернулась и ушла с сопровождавшими ее женщинами в святилище, а оттуда, вероятно, крытым ходом в дом, стоявший позади него.

После ее ухода все собравшиеся покинули свои места и столпились в наружном дворе храма. Жрецы раздавали им жертву, взятую с алтаря. Каждый мужчина получал хлебное зерно, которое съедал, каждая женщина – цветок, который прятала на груди.

Рэгнолл немного приподнялся, и я увидел, что его глаза блестели и лицо было чрезвычайно бледно.

– Что вы хотите делать? – спросил я.

– Потребовать у этих людей возвращения моей похищенной жены, – ответил он, – не останавливайте меня, Кватермэн. Я знаю, что делаю.

– Но они не отдадут ее, а нас всего трое невооруженных людей. Прошу вас, не будьте опрометчивы. Это может все испортить. Предоставьте мне попробовать уладить дело.

– Хорошо, – согласился Рэгнолл после некоторого колебания.

– Теперь, – сказал я, – мы пойдем вниз посетить Харута и его друзей.

Под прикрытием кустарника мы отползли на некоторое расстояние назад и, пройдя с четверть мили в восточном направлении, повернули на север и (как я и ожидал) вышли на дорогу, которая вела к восточным воротам амфитеатра.

Мы прошли через них и не привлекли ничьего внимания, быть может, потому, что все были заняты разговором или молитвой.

Пройдя немного, мы остановились, и я сказал громким голосом:

– Белые люди и их слуга пришли на приглашение Харута. Проводите нас к нему.

Все обернулись и удивленно смотрели на нас, стоявших в тени, так как солнце поднялось еще не особенно высоко.

– Смерть им! – вдруг закричал один голос, – смерть чужестранцам, осквернившим наш храм!

– Как! – ответил я, – вы хотите убить тех, кому ваш главный жрец обещал безопасность, тех, с чьей помощью, как говорил ваш оракул, вы надеетесь убить Джану и отразить врагов?

– Как они узнали это? – закричал другой голос, – это маги!

– Да, – сказал я, – если сомневаетесь, пойдите и взгляните на стража пещеры, о смерти которого говорил ваш оракул. Вы увидите, что он не солгал.

В то время, когда я говорил это, в ворота вбежал человек

в белой одежде, развевавшейся по ветру.

– О жрецы и жрицы Дитяти! – кричал он. – Старая змея умерла. На мне лежала обязанность кормить ее в день новой луны, и я нашел ее мертвой!

– Вы слышали, – спокойно сказал я, – отец змей мертв. Мы взглянули на него, и он умер.

Все тихо стояли и смотрели на нас, как стадо испуганных овец. Потом толпа расступилась, и появился похожий на библейского патриарха Харут. Он поклонился нам со своей обычной восточной вежливостью. Мы тоже ответили ему поклоном.

– Итак, вы здесь? – обратился к нам Харут на своем особенном английском языке, принятом, вероятно, белыми кенда за язык, известный только магам.

– Ты приглашал нас, и мы пришли, так как считаем невежливым не принять твоего приглашения. Мы прошли через пещеру, где живет отвратительное пресмыкающееся, безвредное для тех, кто не боится его. Вы не заметили нас, но мы присутствовали при вашем богослужении и все видели и слышали. Например, мы видели жену лорда, похищенную вами в Египте, хотя ты, Харут, будучи лжецом, клялся, что не похищал ее. Мы слышали, что она говорила после того, как вдохнула дыма вашего курения.

Харут побледнел, поднял глаза к небу и зашатался, едва не упав.

– Как вам удалось это? – спросил он слабым голосом.

– Это безразлично, мой друг, – надменно ответил я, – нам только надо знать, когда вы вернете эту леди ее мужу.

– Никогда, – сказал он, овладев собой, – сперва мы убьем вас, потом ее. Она должна остаться здесь до самой смерти.

– Слушай, – вмешался Рэгнолл, – я сильнее тебя. Если ты сейчас же не дашь обещания вернуть мне мою жену, я убью тебя этой палкой.

– Господин, – с достоинством сказал старик, – я знаю, что ты можешь сделать это, и если ты убьешь меня, я поблагодарю тебя, так как мне очень тяжело жить. Но что хорошего выйдет из этого? Все вы умрете через минуту после меня, а леди останется здесь до тех пор, пока не умрет, или пока царь черных кенда не сделает ее своей женой.

– Дайте мне говорить, – сказал я, наступая Рэгноллу на ногу, – мы слышали, что говорил ваш оракул, и знаем, что вы верите в его слова. Он говорил, что только с нашей помощью вы можете победить черных кенда. Если вы не пообещаете исполнить то, что мы потребуем, мы не станем помогать вам. Мы сожжем наш порох и расплавим свинец; тогда наши ружья не будут в состоянии говорить с Джаной и Симбой. Но если вы обещаете нам исполнить наши требования, мы научим ваших людей стрелять из тех пятидесяти ружей, которые имеются у нас, и с нашей помощью вы победите врагов. Ты понял меня?

Харут утвердительно кивнул головой и спросил, поглаживая свою длинную бороду:

– Что же мы должны обещать?

– Мы хотим, чтобы после того, как Джана будет убит и черные кенда побеждены, вы вернули нам похищенную леди и дали нам всем возможность уйти из вашей страны.

– Вы требуете невозможного, – сказал Харут, – это погубит нас. Но присядьте и поешьте. Тем временем я поговорю с другими жрецами. Не бойтесь, вы в безопасности.

– Нам нечего бояться. Это ты, похитивший леди причинивший смерть Бене, должен бояться. Вспомни слова оракула, Харут.

– Я знаю их. Но мне непонятно, откуда они вам известны, – ответил он, после чего отдал несколько приказаний.

Мы были окружены стражей и проведены через толпу во второй двор храма, который был теперь пуст.

Женщины принесли нам питье и пищу, за которую мы с Хан-сом принялись с усердием, между тем как Рэгнолл ел очень мало. Радуясь, что носче долгих поисков он наконец нашел свою жену, он в то же время боялся снова потерять ее, и это лишало его аппетита.

Пока мы ели, жрецы, числом около двенадцати, собрались между алтарем и святилищем и вступили в горячий спор с Харутом. По их лицам было видно, что мнения разделились.

Наконец Харут сделал какое-то предложение, на которое все согласились. Он и двое других жрецов вошли в святилище.

Минут через пять они вернулись, и один из них сделал

сообщение, которое было выслушано весьма внимательно.

Потом один из жрецов подошел к нам и с поклоном пригласил нас приблизиться к алтарю.

Харут снова открыл двери святилища, стал направо от них и обратился к нам на этот раз на своем языке.

– Господин Макумацан, Игеза и желтый человек, именуемый «Светом-во-мраке!» – сказал он. – Мы, главные жрецы Дитяти, посоветовавшись между собой и с мудростью Дитяти, от имени белых кенда соглашаемся на ваши требования.

Во-первых, после того, как вы убьете Джану и прогоните черных кенда, мы отдадим вам белую леди, жену лорда Игеза. Во-вторых, мы проводим вас и ее из нашей земли до места, откуда вы можете вернуться в свою страну. Мы исполним все это, ибо если Джана будет мертв, у нас не будет больше причин бояться черных кенда и не будет надобности в оракуле. Когда у нас явится нужда в оракуле, мы, без сомнения, сумеем найти нового. Но если мы поклянемся в этом, вы в свою очередь должны дать клятву, что до конца войны останетесь с нами. Вы должны поклясться, что до тех пор, пока мы сами не вернем вам леди, вы не будете пытаться видеть ее. Если вы откажетесь, мы окружим вас кольцом и будем сторожить до тех пор, пока вы не умрете от голода и жажды, ибо мы не можем проливать кровь в этом месте.

– Мы исполним свое обещание, но кто нам поручится, что вы исполните ваше?

– Мы поклянемся Дитятей, и эта клятва не может быть

нарушена.

– Тогда клянитесь, – сказал я.

Жрецы положили свои правые руки на алтарь и «во имя Дитяти и всего народа белых кенда» дали торжественную клятву, после чего потребовали того же и от нас.

Сперва вышло некоторое затруднение с Рэгноллом, отказавшимся связывать себя какими бы то ни было обещаниями. В конце концов, к великому облегчению мне удалось уговорить его.

Ханс объявил мне, что готов поклясться чем угодно, прибавив, что слова ничего не значат, так как всегда можно будет поступить так, как будет выгодно.

Я прочел ему короткое внушение относительно гнусности вероломства, которое, кажется, не произвело на него большого впечатления.

Первый давал клятву я, закончив ее словами «да поможет мне Бог», как несколько раз делал это, когда мне приходилось выступать свидетелем на суде.

Потом Рэгнолл повторил мою клятву по-английски.

Харут внимательно выслушивал каждое слово и раза два попросил меня точно объяснить значение некоторых выражений. Наконец Ханс, которому, очевидно, все это весьма наскучило, повторил за мной слова клятвы, прибавив от себя: «Да поможет мне покойный отец бааса». Это выражение вызвало длинные объяснения. Ханс растолковал жрецам, что мой покойный отец находился в таком же положе-

нии к Высшей Силе, как их Оракул к Дитяти. Кроме того, он щедро посулил дополнительно клясться душами своего деда и бабки и некоторыми божествами, почитавшимися им, в числе которых, кажется, был заяц. Это предложение было принято жрецами.

– Эти глупцы не понимают, – на ухо прошептал мне по-голландски Ханс, – что покойному отцу бааса будет приятно, если я сыграю с ними такую же шутку, как они сыграли с белой леди и лордом Игезой.

В глубине своей темной и таинственной души Ханс чтил только одного бога, именно – любовь, но не к женщине и не к Дитяти, а к моей скромной особе.

XVIII. Посольство

После этой церемонии все жрецы, за исключением Харута и двух других, удалились, вероятно, затем, чтобы сообщить о своем решении остальному собранию, а через него – всему народу белых кенда.

– Что вы хотите теперь делать? – по-английски спросил Харут, всегда говоривший на этом языке в присутствии Рэгнолла, – быть может, вы полетите обратно в город Дитяти? В таком случае, пожалуйста, возьмите и меня с собой, так как это избавит меня от долгой езды.

– О, нет! – ответил я, – мы прошли сюда через пещеру, где живет отец змей, который при виде нас умер от страха.

– Хорошая ложь, – восхищенно сказал Харут, – первоклассная ложь! Но удивительно, как вам удалось убить змею, которую мы считали бессмертной, так как она прожила несколько сот лет? Наш народ нашел ее, когда впервые пришел в эту страну. Это было мерзкое животное. Быть может, вы хотите посмотреть Дитя? Это можно, так как вы теперь наши братья. Только снимите шляпы и не разговаривайте.

Мы, конечно, выразили желание посмотреть Дитя. Харут ввел нас в небольшое святилище, достаточно просторное, чтобы вместить всех нас. В нише, устроенной в стене, в дальнем конце его, стояло священное изображение, которое мы с

Рэгноллом рассматривали с глубоким благоговейным интересом. Это была статуя ребенка около двух футов высотой, вырезанная из цельного клыка слона. Она была настолько ветхой, что желтая слоновая кость покрылась множеством мелких трещинок. По ее виду можно было заключить, что она была сделана несколько тысяч лет тому назад и всегда хранилась под покрывалом. Египетское происхождение статуи не вызывало сомнений. Возможно, что моделью для нее послужило дитя какого-нибудь фараона. Тонкая работа обнаруживала превосходного художника, создавшего статую.

В святилище не было ничего, кроме кресла черного дерева с инкрустацией из слоновой кости, изображения змеи и двух свитков папируса, лежавших в нише вместе со статуей.

К моему великому разочарованию Харут не разрешил даже прикоснуться к ним.

– Теперь вы и народ белых кенда одно, – сказал он, когда мы вышли из святилища, – ваш конец – его конец; кипа судьба – его судьба; его тайна – ваша тайна. Ты, лорд Игеза, в награду за помощь нам получишь леди, которую мы похитили у тебя на Ниле.

– Как вам удалось сделать это? – прервал Харута Рэгнолл.

– Мы следовали за тобой, господин. Мы следовали за тобой по Египту, пока не представился удобный случай. Когда наступила ночь, мы позвали леди, и она пришла на наш зов. Ты помнишь арабов, разъезжавших по берегу большой реки за день до похищения? Мы были в числе их, и нам удалось на

верблюдах увезти леди через пустыню в нашу страну, точно так же, как, я убежден, мы перевезем тебя и ее обратно.

– Я тоже верю в это, – ответил Рэгнолл, – вы причинили мне много зла. Но как могло случиться, что мой мальчик был убит слоном?

– Спроси об этом Джану, а не меня, – сумрачно ответил Харут. – Ты, Макумацан, получишь в награду много слоновой кости, которую ты видел на кладбище слонов по ту сторону реки Тавы. Когда ты убьешь Джану, стерегущего это место, и нанесешь поражение служащим ему черным кенда, мы дадим тебе верблюдов, чтобы довезти слоновую кость до кораблей. Что касается тебя, желтый человек, я думаю, что ты, который скоро унаследуешь все вещи, не ищешь награды.

– Старый маг хочет сказать, что я скоро умру, – задумчиво сплевывая, заметил Ханс, – что же, баас, я готов, если сперва умрет Джана и некоторые другие. Правда, я становлюсь слишком стар для путешествий и сражений и потому буду рад перейти в другую страну, где снова сделаюсь молодым.

– Вздор! – воскликнул я.

– Западная и восточная дороги, – продолжал Харут, – единственные пути, ведущие к Храму на вершине горы. Западный путь, который идет через пустыню, легко защитить.

Относительно него нам нечего беспокоиться, так как оттуда трудно ждать нападения. Другое дело – восточный. Я вам покажу его, если вы поедете со мной.

Он отдал несколько приказаний жрецам, те ушли почти бегом и через некоторое время вернулись, ведя несколько верблюдов.

Мы сели на них и, проехав полмили, достигли ряда отвесных скал, образовавших наружный кратер.

В этих скалах был проход шириной в две-три сотни ярдов, в середине которых проходила дорога с окопами по сторонам, устроенными, очевидно, с целью обороны.

Видя, что эти укрепления представляют ненадежную защиту, я спросил, когда они выстроены.

Харут ответил, что во время последней войны, около ста лет тому назад, когда черные кенда были изгнаны из этого места, так как белые кенда в то время были многочисленнее, чем теперь.

– Значит, Симба знает эту дорогу? – спросил я.

– Да, господин. И Джана знает ее, ибо по временам он посещает эти места и убивает всех, кого встретит. Только к храму он никогда не осмеливается приблизиться.

Я сказал Харуту, что нужно без промедления укрепить это место.

– Да, господин, – согласился он, – мы недостаточно сильны, чтобы напасть на черных кенда в их стране или встретить их в открытом поле. Только здесь может произойти решительное сражение между Джаной и Дитятей. Вы должны руководить нами при постройке укреплений, которые помогут нам победить Джану и черных кенда.

– Ты думаешь, Харут, что этот слон будет сопровождать Симбу и его воинов?

– Без сомнения, господин. Так бывало всегда. Джана повинуется Симбе и некоторым жрецам черных кенда, предки которых вскормили его. Кроме того, он сам умеет думать за себя. Это неуязвимый злой дух.

– Его левый глаз и конец хобота оказались уязвимыми, – заметил я, – хотя я не сомневался в его способности соображать.

Мы произвели несколько измерений. Рэгнолл, хорошо знакомый с подобными вещами, вчерне сделал в своей записной книжке набросок местности для составления плана новых укреплений.

Мы возвратились в город, где нам теперь предстояло много дел. Утомленные долгой ездой, бессонной ночью и всеми предыдущими треволнениями, мы, немного поев, улеглись спать.

Около пяти часов нас разбудил посланный Харута, просивший нас прийти по важному делу в дом собраний, который находился недалеко от нашего дома на площади, где производилась меновая торговля.

Там мы нашли Харута и около двадцати других предводителей, за которыми на почтительном расстоянии стояло человек сто белых кенда, преимущественно женщин и детей, так как мужское население было занято уже начавшейся жатвой.

Нас проводили на почетные места.

Когда мы уселись (Ханс встал за нами), поднялся Харут и сообщил, что от черных кенда прибыло посольство, которое сейчас предстанет перед собранием.

Вошло пять довольно свирепых на вид черных кенда, без оружия, но со своими обычными серебряными цепочками на груди, обозначавшими их звание.

В их предводителе я узнал одного из парламентеров, говоривших с нами перед битвой, в которой я попал в плен.

Он выступил вперед и сказал, обращаясь к Харуту:

– Не особенно давно, о пророк Дитяти, я, вестник бога Джаны, говорившего устами царя Симбы, предостерегал тебя и твоего брата Марута, но вы не послушались меня. Теперь Джана взял Марута, и я снова пришел предостеречь тебя.

– Я помню, – кротко прервал посла Харут, – что вас, передававших мне слова Симбы, было двое. Но Дитя наложило свою печать на лоб одного из вас. Если Джана взял моего брата, то где же твой?

– Мы предостерегали вас, – продолжал посол, – но вы прокляли нас во имя Дитяти.

– Да, – снова прервал его Харут, – мы прокляли вас тремя проклятиями. Проклятиями бури, голода и войны. Два первых уже сбылись, остается третье, которое скоро надет на вас.

– Я пришел говорить с тобой о войне, – сказал посол, ди-

пломатически избегая говорить на другие темы.

– Это неразумно, – возразил Харут, – вы уже пробовали сразиться с нами, но малого добились. С вашей стороны убито много, с нашей мало. Белый господин избегнул ваших рук и клыков Джаны, у которого теперь не хватает глаза. Если он бог, почему он не мог убить лишенного оружия белого человека?

– Джана ответит сам за себя, Харут. Вот слова, которые он говорит устами царя Симбы: Дитя уничтожило мою жатву, поэтому я требую, чтобы его народ отдал три четверги своей. Пусть он соберет ее сам и сложит на южном берегу реки Тавы. Пусть народ Дитяти выдаст белых людей, чтобы они были принесены мне в жертву. Пусть белая госпожа, Хранительница Дитяти, станет женой Симбы и с нею сто девушек вашего народа. Пусть изображение Дитяти будет принесено к реке Таве и явит покорность богу Джане в присутствии его жрецов и царя Симбы. Вот чего требует Джана устами царя Симбы.

Я видел, как содрогнулся Харут и с ним все собравшиеся, когда услышали эти нечестивые требования.

– А если мы откажемся исполнить это? – все еще спокойно спросил Харут.

– Тогда Джана объявляет вам последнюю войну, – дерзко закричал посол, – войну до тех нор, пока не будет убит последний ваш мужчина, пока Дитя, которое вы чтите, не будет обращено в пепел, пока ваши женщины не сделаются наши-

ми рабынями, пока ваша земля не будет опустошена и имя ваше забыто! Уже рать Джаны собралась, и он трубным звуком зовет ее в бой. Завтра или в ближайшие дни мы обрушимся на вас, и все вы будете истреблены прежде, чем взойдет полная луна!

Харут поднялся и, выйдя из-под навеса, стал спиной к послам и пристально посмотрел на отдаленные высокие горы.

Я из любопытства последовал за ним и увидел, что эти горы теперь были окутаны темными тяжелыми тучами.

– Последуйте моему совету, друзья, и поскорей поезжайте к реке Таве, – сказал послам Харут, возвращаясь под навес, – в горах сейчас идет такой дождь, какого я никогда не видал. Ваше счастье, если вы успеете перейти через реку, прежде чем она разольется.

Это известие, казалось, встревожило послов. Они вышли из-под навеса и смотрели на горы, перешептываясь друг с другом. Потом вернулись и с безразличным видом потребовали ответа на свои требования.

– Разве вы не догадались о нем? – спросил Харут.

Потом, выпрямившись во весь рост, он загремел на них:

– Вернитесь к своему злому богу, скрытому в образе лесного зверя, и к его рабу, именующему себя царем, и скажите им: «Так говорит Дитя своим возмутившимся рабам, собакам черным кенда: перейдите, если можете, мою реку. Ты уже мертв, Джана! Ты уже мертв, раб Симба! Вы уже рассеяны, собаки черные кенда! Вы будете жить на бесплодной

земле, где вам придется рыть глубокие колодцы, чтобы добыть воды и питаться дичью, так как у вас будет мало хлеба». Теперь ступайте, да поскорее, чтобы не остаться здесь навсегда!

Послы повернулись и удалились.

Я был в восхищении от артистических способностей Харута.

Надо прибавить, что будучи весьма наблюдательным человеком, он был совершенно прав относительно дождя в горах. Мы узнали впоследствии, что когда послы достигли реки, она сильно разлилась. Один из них утонул при переправе, и в продолжение четырнадцати дней река оставалась непроходимой для войска.

В тот же вечер мы начали приготовления к отражению неизбежного нападения. Положение белых кенда было весьма серьезным.

У них было всего около двух тысяч семисот мужчин (включая мальчиков и стариков), годных для военных действий различного рода. К ним можно было прибавить до двух тысяч женщин. Странно, что у этого народа мужчины превосходили числом женщин. Против столь незначительных сил черные кенда могли выставить двадцать тысяч мужчин, оставив мальчиков и стариков с женщинами для защиты своей земли.

Таким образом, на одного белого кенда приходилось почти десять врагов.

Кроме того, надо было ожидать, что все черные кенда будут сражаться с большой храбростью и отчаянием, так как три четверти их жатвы и множество скота было уничтожено ужасным градом, о котором я уже упоминал. Им оставалось или отнять хлеб у народа Дитяти, или терпеть голод в продолжение года до новой жатвы.

Только одно обстоятельство было в пользу белых кенда. Они могли сражаться под защитой укреплений, построенных с помощью искусства и знаний Рэгнолла и моих. Наконец враги должны были познакомиться с нашими ружьями, которых до сих нор не знали ни черные, ни белые кенда. Не знаю причины этого, тем более, что по временам белые кенда торговали верблюдами с арабами и другими кочующими племенами, которым было известно огнестрельное оружие. Быть может, какой-нибудь старый закон или предрассудок запрещал ввоз оружия в их страну.

Как я уже говорил, Рэгнолл в придачу к своим охотничьим ружьям привез с собой в Африку 50 винтовок системы Спайдерса с большим запасом патронов. С этими винтовками возникли некоторые сложности на Дюрбанской таможне. Прежде всего нужно было позаботиться о наилучшем применении этого ценного запаса.

Харут отобрал семьдесят пять самых смелых и понятливых молодых людей, которых дали мне с Хансом для обучения стрельбе.

У нас было всего пятьдесят ружей, но мы обучали семь-

десят пять человек, то есть больше, чтобы заменять павших в бою.

От зари до поздней ночи мы с Хансом старались сделать из них метких стрелков. Это была нелегкая задача, тем более, что при стрельбе нужно было экономить патроны.

Мы учили их по команде открывать и прекращать огонь и не тратить даром ни одного выстрела.

За исключением этих семидесяти пяти человек, все мужское население день и ночь было занято сбором урожая. Все зерно свозилось на верблюдах во второй двор храма на горе, – единственное место, где оно было в безопасности.

Стада скота и верблюдов были уведены в безопасные места, в лес на склоне горы, где для них заготовили большие запасы корма.

Разведчики зорко следили за берегами реки Тавы. Укрепление горного прохода тоже потребовало немало труда. Это взял на себя Рэгнолл, к счастью, в юности служивший в Королевских саперах и потому хорошо знакомый с этим делом.

С помощью жрецов и всех женщин и детей, незанятых перевозкой на гору хлеба, построили множество различных укреплений. Повсюду, где только было возможно, мы вырыли глубокие ямы с острыми кольями на дне.

Я был буквально поражен, когда спустя десять дней увидел эту работу в почти законченном виде.

В это время возникли споры, следует ли сделать попытку воспрепятствовать черным кенда переправиться через реку.

Этот план находил сторонников среди некоторых стариков.

Наконец решение его было предоставлено мне как главному начальнику, и я отклонил этот план, так как считал наши силы слишком слабыми для его выполнения.

На четырнадцатый день наши верховые разведчики донесли, что черные кенда скапливаются в большом количестве на противоположном берегу реки Тавы.

На пятнадцатую ночь мы получили известие, что перешли реку пять тысяч всадников и пятнадцать тысяч пехотинцев и что во главе их идет огромный слон Джана, на котором едет царь Симба и хромой жрец (вероятно, мой приятель, раненый в ногу пулей из пистолета) в качестве магута [12].

Последнее мне казалось невероятным, так как я не мог себе представить, что можно ездить на таком бешеном слоне, как Джана.

Однако это оказалось правдой.

Я предположил, что либо в руках некоторых это животное становится ручным, либо ему давали какое-нибудь снадобье.

В продолжение двух дней (черные кенда продвигались вперед довольно медленно) мы видели пламя и дым, поднимавшиеся из города Дитяти.

Теперь мы знали, что час испытания близок, и все мужчины, женщины и дети с лихорадочной поспешностью заканчивали постройку укреплений и делали все посильные приготовления к их защите.

---

[12] Погонщик слонов.

Мы занимали довольно сильную позицию.

Все подходы к храму были заграждены. Начать нападение можно было только с восточной стороны.

В проходе было три линии укреплений, построенных одна за другой с промежутками в несколько сот ярдов.

Нашим последним убежищем стали стены самого храма, в задней части которого собрались почти все белые кенда, за исключением охранявших скот в неприступных местах северного склона горы.

Тут собралось около пяти тысяч человек всех возрастов, настолько хорошо обеспеченных пищей, что осаду можно было выдержать в продолжение нескольких месяцев.

Всякое отступление было отрезано, так как от лазутчиков мы узнали, что черные кенда, хорошо знакомые с местностью, поставили несколько тысяч человек охранять западную дорогу и склоны горы.

Единственный остававшийся путь через пещеру был нами загражден большими камнями.

В общем, мы находились в положении крыс, попавших в западню, и нам только оставалось либо победить, либо умереть, так как сдача в плен сулила у часть горше смерти.

XIX. Аллан Кватермэн делает промахи

Я сделал последний обход небольшого отряда, который в шутку прозвал «Отрядом метких стрелков», хотя, сказать правду, их стрельбу можно было назвать какой угодно, только не меткой.

Стрелки стояли на своих местах, укрываясь за стеной, причем сзади каждой нары сидел на корточках запасной, готовый заменить павшего.

Я убедился, что в кожаной сумке каждого из них было по двадцать патронов.

Опасаясь беспорядочной стрельбы, как это бывает даже в хорошо дисциплинированных войсках белых, я не снабдил их большим количеством патронов.

Остальной запас (приблизительно по шестьдесят на каждое ружье) находился у нескольких стариков, поставленных в сравнительно безопасном месте за линией укреплений. Им было отдано приказание передавать патроны на переднюю линию в небольших количествах, но не раньше, чем в этом возникнет острая необходимость. Это было нужно для того, чтобы ни один выстрел не пропал даром.

Сделав несколько указаний и предостережений исполнявшим обязанности сержантов отряда, я вернулся в бесед-

ку, устроенную для нас за скалой, и решил, если удастся, вздремнуть до начала сражения несколько часов.

Здесь я нашел Рэгнолла, только что вернувшегося с обхода укреплений, устроенных им с большой тщательностью, и осмотревшего, все ли отряды белых кенда готовы к выполнению своих обязанностей в обороне.

Он был утомлен и слишком возбужден, чтобы сразу уснуть.

Мы поговорили немного о предстоящем сражении. Потом я спросил его, не слышал ли он что-либо о своей жене.

– Ничего, – ответил он, – эти жрецы не говорят о ней. Да если бы и говорили, я бы все равно ничего не понял, так как Харут – единственный из них человек, с которым я могу объясняться. Кроме того, я строго держал свое слово, и даже когда мне представился случай увидеть ее при укреплении западной дороги, сделал крюк, чтобы не проходить мимо дома, где она живет. Ах, Кватермэн, мой друг! Хуже всего то, что к ней, как я узнал от Харута, до сих пор не вернулся рассудок.

– Напротив, это хорошо, – возразил я, – так как она, по крайней мере, не страдает. Но каким образом вы и бедняга Сэвэдж могли видеть ее в городе Дитяти? Ведь это не фантазия, так как, по вашему описанию, на ней был такой же наряд, какой мы видели на празднике первых плодов:

– Я тоже не понимаю этого, Кватермэн. На свете бывает много странных вещей, над которыми мы иногда смеемся, потому что они непонятны нашему ограниченному разуме-

нию. Но послушайте, Кватермэн, если я погибну, что вполне может случиться, а вы переживете меня, вы должны сделать все зависящее от вас, чтобы доставить ее в Англию. Вот приписка к моему духовному завещанию, надлежащим образом засвидетельствованная Сэвэджем и Хансом. По ней вам предоставляется необходимая сумма для покрытия всех расходов и кое-что для вас самих. Возьмите ее.

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – ответил я, пряча документ в карман, – а теперь не будем больше думать о смерти. Это может помешать нашему сну, в котором мы весьма нуждаемся. Я надеюсь остаться в живых, дав хороший урок этим негодным черным кенда, и проводить вас и леди Рэгнолл до берега моря. Спокойной ночи!

После этого мы крепко уснули и проспали несколько часов.

Проснувшись, я увидел Ханса, сидевшего у входа в беседку, покуривавшего свою роговую трубку и державшего на коленях одноствольное ружье Интомби.

Я спросил его, который час, и получил ответ, что до зари остается два часа. На вопрос, почему он не спит, он ответил, что уже спал и во сне видел моего покойного отца. Немного времени спустя, когда я допивал свой кофе, ко мне пришли по делу посланные от Рэгнолла, вставшего раньше меня.

Я обернулся, чтобы передать чашку Хансу, но он уже исчез. Поставив ее на землю, я углубился в рассмотрение дела, по которому пришли посланные.

Тем временем вошли наши лазутчики, всю ночь следившие за лагерем черных кенда.

Враги расположились не более чем в полумиле от нас на открытом склоне холма, со всех сторон окружив себя пикетами.

По словам двух захваченных пленных, вынужденных под угрозой смерти говорить правду, они собирались напасть на нас на восходе солнца, так как ночью боялись засады.

Подняли вопрос, не атаковать ли нам самим их лагерь ночью, но этот план оставили, так как враги значительно превосходили нас числом и, благодаря хорошо выбранной ими позиции, к ним невозможно было подойти, не будучи сперва замеченными их аванпостами. В глубине души я все-таки надеялся, что, вопреки словам пленных, они попытаются напасть на нас до зари и в темноте попадут в наши ямы и рвы.

Накануне сметливый Ханс указывал мне, как выгоден для нас такой случай.

Я был вполне согласен с ним. За час до наступления зари ко мне зашел старый Харут и уведомил, что все наши люди поднялись и стоят по местам, делая последние приготовления к защите укреплений и стен первого двора храма, если нам придется туда отступить.

Лишь только он это сказал, как внезапно сквозь тишину, обыкновенно предшествующую рассвету, до наших ушей долетел звук ружейного выстрела.

Выстрел раздался приблизительно в полумиле от нас, и за

ним послышался шум большого лагеря, неожиданно всполошенного ночью.

– Кто мог сделать это, – спросил я, – ведь у черных кенда нет ружей.

Харут высказал предположение, что, быть может, кто-нибудь из наших стрелков покинул свой пост.

Пока мы строили различные предположения, прибежали наши лазутчики с известием, что черные кенда, очевидно, решившие, что на них нападают, вышли из лагеря и приближаются к нам.

Мы обошли наши передовые линии и взялись за оружие. Минут через пять, стоя на своем месте за стеной и прислушиваясь к приближавшемуся шуму, я увидел сквозь густой мрак (луна уже зашла) кого-то, бегущего по направлению ко мне, пригнувшегося к земле. Я поднял было ружье, но, подумав, что это, может быть, просто гиена, не стал стрелять, так как опасался вызвать напрасную пальбу своего отряда.

В следующий момент из-за стены, за которой я стоял, послышался хорошо знакомый голос:

– Не надо стрелять, баас, это я.

– Что ты делал, Ханс? – спросил я, когда он перелез через стену.

– Я нанес визит черным кенда, баас, – запыхавшись, отвечал Ханс, – пробравшись через их дурацкие аванпосты, которые так же слепы ночью, как летучие мыши днем. Я надеялся отыскать Джану и всадить ему пулю в ногу или хобот.

Но я не нашел его. Один из их начальников стоял у сторожевого костра, представляя хорошую мишень для выстрела. Моя пуля достала его, баас, потому что он свалился в огонь, разбрасывая во все стороны искры. Потом я пустился наутек и, как видит баас, счастливо добежал сюда.

– Зачем ты делаешь глупости? – сказал я. – Ведь это могло тебе стоить жизни!

– Я умру не раньше, чем мне это назначено, баас, – отвечал он, заряжая свое маленькое ружье, – и это не глупость, а умный поступок, баас. Потому что черные кенда, думая, что мы на них напали, сами поспешили атаковать нас в темноте. Вот они уже идут.

Это действительно подтверждалось приближавшимся шумом.

Трубили рога, слышались окрики вождей, и вся гора сотрясалась от топота тысяч человеческих и лошадиных ног.

Вой и крики: «Джана! Джана!» эхом отдавались в скалах и лесах. С нашей стороны царило молчание.

– Теперь они подходят к ямам, – захихикал Ханс, нервно переминаясь с ноги на ногу. – Вот! Они уже полетели в них.

Это была правда.

Крики ужаса и боли говорили, что первые ряды конных и пеших врагов попадали в искусно вырытые в большом количестве ямы, замаскированные сверху ветками. Их пронзали острые колья, вколоченные в дно. Тщетно передние ряды пытались криками предупредить задние о грозящей им

опасности. Людской поток катился вперед, доверху наполняя ямы смертельно раненными и задушенными.

Не знаю, сколько их погибло, но после битвы почти не было ни одной ямы, не наполненной до краев мертвыми.

Изобретение Рэгнолла, до сих пор неизвестное людям кенда, сослужило нам хорошую службу.

Однако враги, наполнив трупами ямы, прошли по ним и, уже различаемые мною во мраке, подходили к нам.

Теперь настал мой черед. Когда они были не более чем в пятидесяти ярдах от первой стены, я скомандовал своим стрелкам открыть огонь и для примера разрядил оба ствола одного из ружей в самую гущу толпы.

На таком расстоянии не могли промахнуться даже самые неопытные стрелки. Ни один выстрел не пропал даром. Часто одна пуля убивала или ранила несколько человек.

Результат последовал мгновенно.

Черные кенда, совершенно непривычные к ружейной стрельбе и воображавшие, что у нас всего два-три ружья, остановились, как парализованные.

На несколько мгновений воцарилась тишина, нарушенная новым залпом из вновь заряженных нами ружей.

За ним последовали крики и стоны падавших повсюду врагов и паническое их бегство.

– Они бегут! Это для них слишком горячо, баас! – ликующе воскликнул Ханс.

– Да, – ответил я, когда мне наконец удалось остановить

стрельбу, – но я думаю, что с наступлением рассвета они снова вернутся. Однако твоя вылазка дорого обошлась им, Ханс.

Постепенно рассветало.

Тишина не нарушалась ни малейшим дуновением ветерка.

Но что за сцена открылась перед нами с первыми лучами солнца!

Все ямы и рвы были до краев наполнены еще шевелящимися людьми и лошадьми. Недалеко от нас лежали кучи убитых и раненых – кровавая жатва нашего ружейного огня.

Эта ужасная картина была сильным контрастом по сравнению с мирным покоем, царившим вокруг.

Мы не потеряли ни одного человека, если не считать легко раненного копьем.

Этот факт вызвал необыкновенное ликование у полудиких кенда. Полагая, что каково начало, таков должен быть и конец, они издавали веселые крики, пожимая друг другу руки. Потом с аппетитом принялись за еду, принесенную женщинами, причем не переставали болтать, несмотря на то, что вообще были весьма молчаливым народом.

Даже степенный Харут, подошедший ко мне с поздравлениями, казался возбужденным как мальчик, пока я не напомнил ему, что настоящее сражение еще впереди.

Черные кенда попали в ловушку и понесли большие потери, но это не могло иметь решающего влияния на исход борьбы, так как число врагов было слишком велико. Рэгнолл,

пришедший со своей оборонительной линии, согласился со мной.

Черные кенда будут наступать до тех пор, пока не победят или не будут истреблены.

Но как мы могли надеяться с небольшими силами истребить такое множество воинов?

Четверть часа спустя двое наших часовых, стоявших на вершинах высоких скал, донесли, что черные кенда выстраивают свои полчища за поворотом дороги и что их кавалерия спешилась, а лошади уведены в тыл, будучи, очевидно, признаны бесполезными в этом месте.

Немного спустя из-за поворота показалось несколько человек, державших в руках по связке длинных палок с кусками белой материи на конце.

Меня чрезвычайно заинтересовало назначение этих палок.

Скоро все стало ясно.

Эти люди (их было тридцать-сорок) быстро передвигались в разных направлениях, пробуя почву копьями в поисках новых ям. Пустых они нашли очень мало и перед каждой из них, равно как и перед уже наполненными, в виде предостережения втыкали палки с флажками.

Ими же было унесено и много раненых.

Мы с большим трудом сдерживали белых кенда, желавших напасть на них, что, несомненно, могло завлечь наших в засаду.

Я также не позволил своим людям стрелять, так как в результате было бы много промахов и, следовательно, напрасной траты патронов.

Сам я, однако, сделал два-три выстрела.

Исследовав основательно почву, разведчики удалились, и немного погодя показались шедшие в полном порядке войска черных кенда. Их было около десяти тысяч. Ярдах в четырехстах они остановились. Последовала пауза, вскоре нарушенная звуками рогов и ликующими криками.

Тут моим глазам представилось необыкновенное зрелище.

Из-за поворота показался шедший медленным тяжелым шагом огромный слон Джана. На его спине и голове сидело двое людей, в которых я с помощью бинокля узнал хромого жреца и Симбу, царя черных кенда, пышно разряженного. Он сидел на деревянном стуле, размахивая длинным копьем.

Вокруг шеи животного было обвязало двенадцать цепей, концы которых держали воины, бежавшие по шести с каждой стороны.

К концу хобота Джаны были прикреплены еще три цени, заканчивавшиеся колючими железными шарами.

Он шел как послушный индийский слон, на котором возят бревна, но широкому проходу, оставленному среди войска, и осторожно обходя ямы, наполненные мертвыми телами. Я думал, что он остановится, дойдя до первых рядов. Но я ошибся.

Джана продолжал идти прямо на наши укрепления.

Мне представился исключительный случай – я приготовил тяжелое двуствольное ружье.

Второе точно такое же ружье со взведенными курками держал Ханс, готовый в нужный момент подать его мне.

– Я убью этого слона, – сказал я, – пусть никто не стреляет. Вы сейчас увидите, как умрет бог Джана.

Огромное животное продолжало идти вперед.

Теперь оно представлялось мне еще большим, чем при свете луны, когда оно стояло надо мной, готовясь раздавить меня ногой.

Я уверен, что во всей Африке не было равного Джане слона.

– Пора стрелять, баас, – прошептал Ханс, – он уже близко.

Но я решил подождать, пока он не остановится, намереваясь для поддержания своего престижа покончить с ним одной пулей.

Наконец он остановился и, открыв свою красную пасть, поднял хобот вверх и затрубил.

Симба, поднявшись со своего кресла, начал кричать, чтобы мы сдались «непобедимому» и «неуязвимому» богу Джане.

«Я покажу тебе, какой он неуязвимый», – подумал я.

Оглянувшись назад, я увидел Рэгнолла, Харута и всех белых кенда, ожидавших, затаив дыхание, развязки.

Трудно было представить себе более удобный и верный

случай для выстрела.

Голова животного была поднята, рот открыт.

Мне только оставалось послать ему нулю через небо в мозг.

Это было очень легко. Я готов был держать пари, что могу покончить с ним, держа руку за спиной.

Я поднял свое тяжелое ружье и, прицелившись в определенное место в задней части его красного рта, спустил курок.

Раздался выстрел, но ничего не произошло.

Джана даже не потрудился закрыть свой рот.

– О-го! – послышались восклицания зрителей.

Прежде чем они стихли, последовал второй выстрел, но с тем же результатом, вернее, без всякого результата.

Тогда Джана закрыл свой рот, перестал трубить и, будто желая сделать из себя еще лучшую мишень, повернулся боком и стал совершенно спокойно.

Я схватил второе ружье и, прицелившись за ухо, – место, за которым (я знал по опыту) находится сердце, – выстрелил сначала из одного ствола, потом из другого.

Джана не пошевелился.

На его шкуре не появилось ни одного кровавого пятна. Меня охватило ужасное сознание, что я, Аллан Кватермэн, знаменитый стрелок, известный охотник на слонов, четыре раза подряд промахнулся, стреляя в огромное животное на расстоянии сорока ярдов.

Мой стыд был так велик, что я едва не упал в обморок.

Точно сквозь туман я слышал различные восклицания.

– Господи! – воскликнул Рэгнолл.

– Allemagte![13] – повторил Хана.

– Дитя, помоги нам! – бормотал Харут.

Все смотрели на меня, как будто я был сумасшедшим.

Кто-то нервно засмеялся, и тотчас же все начали смеяться.

Даже стоявшие далеко черные кенда корчились от смеха, и я, Аллан Кватермэн, был предметом их насмешек!

Мне казалось, что я схожу с ума.

Внезапно смех прекратился.

Снова царь Симба начал что-то кричать о Джане, «неуязвимом» и «непобедимом», на что белые кенда отвечали криками «Колдовство! Околдованный!»

– Да! – вопил Симба. – Никто не может ранить бога Джану. Даже белый господин, которого вы привезли издалека, чтобы убить его.

Ханс вскочил на стену и, прыгая как ужаленная обезьяна, закричал:

– А где левый глаз Джаны? Не моя ли нуля вышибла его? Если Джана бог, почему он допустил это?

Потом он перестал прыгать и, подняв свое маленькое ружье Интомби, крикнул:

– Посмотрим, бог ли это, или простой слон.

Грянул выстрел, и одновременно с ним я увидел кровь, показавшуюся на шкуре Джаны в том самом месте, куда я

[13] Всемогущий (по-голландски).

безрезультатно целился.

Конечно, пуля из небольшого малокалиберного ружья была не в состоянии достать до сердца.

Вероятно, она пробила шкуру и застряла на глубине не более двух дюймов.

Однако она оказала свое действие на «неуязвимого бога».

Он поднял свой хобот и закричал от боли и ярости, потом повернул к своему народу и побежал таким шагом, что люди, державшие цепи, выпустили их и отлетели в стороны, а Симба и жрец едва удержались на его спине. Результат выстрела Ханса был настолько силен, что общее убеждение в околдованности Джаны исчезло, но это ставило меня в еще худшее положение, чем прежде, так как, очевидно, Джана был защищен от моих пуль исключительно недостатком моего умения стрелять. Ох, никогда в жизни я не испивал такой чаши унижения, как в этот несчастный час. Однако как могло случиться, что я при всем моем искусстве мог сделать четыре промаха подряд по такой горе? На этот вопрос я никогда не мог найти ответа.

К счастью, скоро общее внимание было отвлечено от меня, так как масса черных кенда с громкими криками пришла в движение.

Наступление началось.

XX. Аллан плачет

Перед медленно двигавшимися вперед главными силами черных кенда шло около тысячи стрелков, из которых каждый был снабжен пучком метательных копий.

Когда они были ярдах в пятидесяти от нас, мы открыли огонь и уложили многих из них и из шедших за ними.

Но это не остановило их, да и что могли поделать пятьдесят ружей против целой орды храбрых дикарей, у которых, казалось, не было страха смерти.

Вскоре их копья начали падать среди нас, ранив нескольких.

Большого ущерба они не могли нам нанести, так как мы стояли под прикрытием стен.

Мы стреляли, заряжали и снова стреляли, сметая первые ряды, но на их месте появлялись все новые и новые. Наконец по команде стрелки, исключая убитых и раненых, укрылись за подходившими все ближе и ближе главными силами, которые теперь находились ярдах в пятидесяти от нас.

После минутной паузы снова раздалась команда, и три первых плотных ряда бросились на нас.

Мы дали залп и, как было раньше условлено, отошли назад за следующую линию укреплений, откуда продолжали поддерживать огонь.

Теперь вступил в дело главный отряд белых кенда под ко-

мандованием Рэгнолла и Харута.

Враги, перебравшиеся через первую стену, только что оставленную нами, встретились с нашими копейщиками в тесном месте между двумя стенами, где численное превосходство не давало большого преимущества. Здесь произошел ужасный бой.

Потери нападающих были очень вешки, так как, завладев одним рядом укреплений, они через несколько ярдов наталкивались на новый ряд защитников, которых можно было принудить к отступлению весьма дорогой ценой.

Так продолжался бой часа два или более.

Чтобы сломить оказываемое нами отчаянное сопротивление, черные кенда (я должен сказать, что сражались они превосходно) масса за массой обрушивались на нас, устилая свой путь сотнями убитых и раненых.

Между тем я со своими стрелками осыпал их градом пуль до тех пор, пока запас патронов не начал истощаться.

В половине восьмого утра нам пришлось отступить за последнее наружное укрепление, находившееся как раз у восточных ворот храма, в тоннеле, проходившем через скалу из застывшей лавы.

Трижды бросались на нас черные кенда, и трижды мы отбивали их, пока ров перед стеной почти доверху не наполнился павшими.

Едва им удавалось взобраться на стену, как наши копейщики пронзали их своими длинными копьями или стрелки

поражали пулями.

Характер местности допускал только прямую фронтальную атаку.

Наконец враги были вынуждены прекратить на некоторое время нападение и отступить.

Но вскоре, отдохнув и получив подкрепление, они с криками и пением военных песен снова бросились вперед.

Две тысячи врагов, как поток, устремились на нас. Но мы отбили их атаку. Они бросились во второй раз, но мы снова отбили их.

Тогда они изменили план нападения.

Остановившись среди мертвых и умирающих у основания стены, построенной из камней и земли, они начали подкапывать ее.

Нам трудно было помешать им, так как всех, кто показывался из-за стены, они осыпали тучами копий.

Через пять минут они устремились в пробитую брешь. Тщетно мы пытались задержать этот натиск, так велико было число врагов.

Несмотря на отчаянное сопротивление, мы были отброшены к воротам храма и укрылись в его нервом дворе.

Нам едва удалось запереть ворота, которые тотчас же были забаррикадированы камнями и землей.

Но это помогло ненадолго.

Враги натаскали хвороста и сухой травы к сделанным из кедрового дерева воротам и подожгли их.

Пока они горели, мы совещались.

Дальше отступать было некуда, так как во втором дворе, где находились женщины и дети и лежали запасы хлеба, не оставалось места для боя.

Только здесь, на первом дворе, мы должны были удержаться и либо победить, либо умереть.

До этого времени наши потери по сравнению с черными кенда, потерявшими свыше двух тысяч человек, были незначительны.

У нас насчитывалось около двухсот человек убитых и приблизительно столько же раненых. Следовательно, в нашем распоряжении оставалось около тысячи шестисот бойцов, что было значительно больше, чем могло сражаться в этом тесном месте.

Поэтому мы пришли к такому решению: триста пятьдесят лучших воинов должны защищать храм, пока не падут.

Остальные (больше тысячи) ушли во второй двор, где находились женщины и дети.

Они должны были проводить последних тайными тропинками к месту, где стояли верблюды, и бежать с ними, куда смогут.

Мы надеялись, что победив, черные кенда будут слишком утомлены, чтобы преследовать их по равнине до отдаленных гор.

Это было отчаянное решение, но у нас не оставалось другого выбора.

– А моя жена? – хрипло спросил Рэгнолл.

– Пока храм стоит, она должна оставаться в нем, – отвечал Харут, – но когда все будет потеряно и я паду, ты, белый господин, войди в святилище, возьми ее и Дитя из слоновой кости и беги за другими. Я возлагаю на тебя обязанность: под страхом проклятия Неба не допусти, чтобы Дитя попало в руки черных кенда. Сперва сожги его огнем или преврати в прах камнями. Кроме того, я отдал приказание в последнюю минуту поджечь навесы, устроенные над запасами хлеба, чтобы враги, избежавшие наших копий, умерли от голода.

Тотчас же все приказания Харута, который был к тому же кем-то вроде президента этой республики, были беспрекословно исполнены.

Я никогда и нигде не виден более совершенной дисциплины, чем у этого бедного народа.

Отряд за отрядом воинов, назначенных сопровождать женщин и детей, исчезал за воротами второго двора. Каждый уходивший оборачивался и салютовал оставшимся копьем.

Оставшиеся триста пятьдесят человек стали по местам как греки, защищавшие Фермопилы.

Впереди стоял я со своими стрелками, которым были розданы все оставшиеся патроны (по восьми на человека). За нами стояли в четыре ряда воины, вооруженные саблями и копьями, под начальством Харута.

Позади них, вблизи ворот, ведущих во второй двор храма,

находилось пятьдесят отборных людей под командованием Рэгнолла, которые должны были в критический момент сделать попытку спасти Хранительницу Дитяти. Я забыл упомянуть, что Рэгнолл был дважды ранен при отчаянной защите укреплений: в плечо и бедро.

Когда все было готово и люди утолили жажду из больших кувшинов, стоявших вдоль стен двора, пламя начало пробиваться сквозь массивные деревянные ворота.

Это случилось не ранее, чем через добрых полчаса после того, как они были подожжены.

Наконец они обрушились под ударами извне. Но проход оставался загроможденным грудой камней, набросанных нами после закрытия ворот. Черные кенда разгребали их руками, палками и копьями.

Это было не легко, так как мы поражали их копьями и избивали камнями. Но мертвые и раненые оттаскивались в сторону, а на их место вставали другие.

В конце концов проход был очищен.

Тогда я отослал копейщиков назад на свои места и приготовился выполнить свою роль.

Ждать пришлось недолго. С громкими криками толпа черных кенда бросилась в проход.

Едва они появились во дворе, я скомандовал стрелять, и пятьдесят пуль полетело им навстречу с расстояния всего в несколько ярдов.

Они повалились кучами, как скошенный хлеб. Мы быстро

зарядили ружья и ждали новой атаки.

Снова появились враги, и снова повторилась ужасная сцена.

Ворота и тоннель были загромождены павшими.

Чтобы возобновить атаку, врагам пришлось убирать их под нашим огнем (стреляли я, Ханс и несколько лучших стрелков).

Так продолжалось до тех пор, пока мы не истратили последние патроны. Тогда мои люди отошли назад, дав возможность Харуту и его отряду занять наши места, и сменили уже бесполезные ружья на копья и сабли.

В продолжение получаса или более продолжалась ужасная борьба.

Бой происходил в очень узком месте, и черные кенда были не в состоянии пробиться сквозь копья наших бойцов, защищавших свою жизнь и святилище своего бога. Наконец враги отступили, дав нам возможность убрать в сторону убитых и раненых и утолить жажду, так как стояла невыносимая жара.

Вдруг в воротах показался огромный слон Джана, подгоняемый сзади уколами копий. Он быстро шел вперед, сметая на своем пути защитников храма, как будто это была сухая трава, и сокрушая все хоботом, на котором висели железные шары. Удары копьями были для него не более, чем укусы комаров.

Он, трубя, шел вперед, а за ним потоком катились черные кенда, на которых наши копейщики обрушились с двух сто-

рон.

В это время я в сопровождении Ханса возвращался со второго двора, куда ходил проведать раненого в третий раз Рэгнолла. Найдя к своей великой радости его рану неопасной, я спешил вернуться к сражающимся, и вдруг увидел дьявола Джану, несущегося прямо на меня, разрезавшего на две части толпу вооруженных людей, как нос гонимого бурей корабля разрезает воду.

Сказать правду, я, несмотря на нелюбовь к излишнему риску, обрадовался при виде его.

Даже возбуждение от продолжительного сражения не могло уничтожить во мне чувства стыда, которое я испытал, промахнувшись по этому животному четыре раза подряд на расстоянии сорока ярдов.

– Теперь, Джана, – думал я, испытывая нечто вроде радостной дрожи, – теперь я смою свой позор. На этот раз я не промахнусь, иначе это будет моим последним промахом в жизни.

Джана несся вперед, вертя железными шарами перед собой, от которых воины бежали направо и налево, очищая между ним и мною пространство.

Для большей верности (я немного дрожал от усталости) я стал на правое колено, опершись на левое локтем, и прицелился в шею животного.

Когда оно было шагах в двадцати от меня, я выстрелил, но попал не в Джану, а в хромого жреца, исполнявшего обя-

занности магута, сидя на шее слона несколько выше места, куда я метил.

Да! Я попал ему в голову, которую разбил как яичную скорлупку, и он бездыханным свалился на землю.

В отчаянии я снова прицелился и выстрелил.

На этот раз нуля попала в конец левого клыка Джаны, от которого отлетел осколок.

Последняя надежда погибла.

У меня даже не оставалось времени подняться и бежать.

Я так и остался на коленях, ожидая конца.

В одно мгновение огромное животное очутилось почти надо мной и, открыв рот, подняло хобот.

Вдруг я услышал голландское проклятие и увидел Ханса, почти всунувшего в рот Джане конец моего второго ружья.

Грянул выстрел, за ним другой. Через миг огромный хобот обвился вокруг Ханса и, завертев его в воздухе, бросил футов на тридцать-сорок в сторону.

Джана зашатался, словно собираясь упасть, но удержался, покачнулся вправо, прошел, спотыкаясь, несколько шагов, минуя меня, и остановился.

Я повернулся, сел на землю и смотрел, что будет дальше.

Сперва я увидел Рэгнолла, бежавшего с ружьем. Он дважды выстрелил в голову животного, но оно не обратило на это никакого внимания.

Потом я увидел его жену, Хранительницу Дитяти, вышедшую из портала второго двора в сопровождении двух жриц,

со статуей Дитяти из слоновой кости в руках. Все они были одеты так же, как и в утро жертвоприношения.

Она совершенно спокойно шла вперед, устремив свои большие глаза на Джану.

По мере ее приближения животное начало проявлять беспокойство. Повернув голову, оно подняло хобот и, вытянув его вдоль спины, схватило за лодыжку царя Симбу, неподвижно сидевшего в своем кресле. Медленно оно стащило Симбу с кресла. Он упал около левой передней ноги животного. Потом оно обвило хоботом тело беспомощного человека (я до сих пор не могу забыть выражения его полных ужаса глаз) и завертело его в воздухе, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, пока блестящие цепи на груди жертвы не превратились на солнце в одно сплошное серебряное колесо. Потом оно швырнуло его на землю, где бедный царь лежал безжизненной массой, потерявшей человеческий вид.

Хранительница Дитяти бесстрашно остановилась перед животным-богом. Ее спутницы остались позади.

Рэгнолл прыгнул вперед, желая увлечь ее в сторону, но целая дюжина людей удержала его, не знаю, с целью ли спасти его жизнь, или по какой-нибудь другой причине.

Джана смотрел на Хранительницу Дитяти, она смотрела на Джану. Потом он яростно закричал и, выхватив Дитя из слоновой кости из ее рук, завертел его в воздухе и разбил о камни, как Симбу. Древняя статуя, пережившая много веков, разлетелась на тысячу мелких кусочков.

При виде этого белые кенда издали великий стон, женщины, сопровождавшие Хранительницу, разорвали на себе одежды, стоявший вблизи Харут в беспамятстве упал на землю.

Еще раз закричал Джана, потом медленно опустился на колени и, трижды ударив о землю хоботом, как бы являя этим покорность прекрасной Хранительнице, стоявшей перед ним, задрожал всем своим могучим телом и пал мертвым!

Битва прекратилась. Черные кенда стояли в оцепенении.

– Бог умер! – крикнул голос. – Царь умер! Джана убил Симбу, и сам убит! Дитя разбито! Бегите, черные кенда! Бегите, ибо боги умерли, и земля ваша стала землею призраков.

Со всех сторон эхом раздавался стон: «Бегите, черные кенда, ибо боги умерли!»

Они повернулись и бежали как тени, унося с собой раненых. Никто не пытался остановить их.

Через полчаса ни одного из них, за исключением тяжело раненных и умирающих, не оставалось во дворе храма. Все они бежали.

Сражение окончилось.

Сражение, которое казалось поражением, было выиграно!

* * *

Я поднялся на ноги и увидел Рэгнолла.

Он прыгнул по направлению к своей жене и стал перед ней.

– Люна! – воскликнул он.

Облокотившись на плечо одного из белых кенда, я подошел к ним, так как любопытство превозмогло мою слабость.

Некоторое время она пристально смотрела на него, потом ее глаза начали изменяться, как будто к ней возвращалась душа, сообщая им свет и жизнь.

Наконец она заговорила медленным, нерешительным голосом:

– Ох, Джордж, это ужасное животное убило нашего ребенка! – говорила она, указывая на мертвого слона, – посмотри на него! Теперь мы будем друг для друга всем, как было прежде, пока Бог не пошлет нам другого ребенка.

С этими словами она разразилась потоком слез и упала в объятия мужа.

Я отошел в сторону (к своей чести, то же сделали и кенда), оставив их вдвоем около мертвого Джаны.

Тут я должен сказать, что с этого момента к леди Рэгнолл совершенно вернулся рассудок, как будто гибель Дитяти из слоновой кости сняла с нее чары. В чем заключались эти чары – я не могу сказать, но думаю, что каким-то необъяснимым образом она связывала это изображение со своим потерянным ребенком. Первая смерть отняла у нее рассудок, вторая, воображаемая, вернула его.

С момента гибели своего ребенка на улице английского

местечка до гибели Дитяти из слоновой кости в Центральной Африке она ничего не помнила, за исключением сна, о котором спустя несколько дней рассказала Рэгноллу в моем присутствии. Она говорила, что однажды ночью видела Рэгнолла и Сэвэджа, спавших в туземном доме в городе Дитяти.

Я предоставляю читателю самому сделать вывод об этом сне в связи с видением Рэгнолла и Сэвэджа, о котором рассказано выше. Сам я не могу предложить ни одного объяснения.

Оставив Рэгнолла и его жену, я, пошатываясь, отправился искать Ханса и нашел его лежавшим без чувств вблизи северной стены храма.

Очевидно, всякая человеческая помощь уже была для него бесполезна – так сильно он был искалечен Джаной. Мы отнесли его в комнату одного из жрецов, где я сидел над ним до конца, наступившего на закате солнца.

Перед смертью он пришел в полное сознание.

– Не надо горевать о промахе по Джане, баас, – говорил он, – это какой-то демон отвращал от него пули бааса. Джана был заколдован от белых людей. Лорд Игеза тоже промахнулся. Но колдуны черных кенда забыли заколдовать Джану от маленького желтого человека. Потому я всякий раз, когда стрелял, попадал в него. Он знал, кто пустил в него последние пули. Вот почему он оставил бааса и схватил меня. Ох, баас! Я умираю счастливым, что убил Джану и что он схватил меня, а не бааса. Я все равно умер бы через день или

два, так как был ранен брошенным копьем в пах. Я ничего не говорил об этом. Рана была не очень большая, и крови из нее выходило мало, но пока продолжалась битва, мне становилось все хуже. (Осмотр этой раны показал, что Ханс был прав. Долго он все равно не прожил бы.) Если баас хочет передать через меня что-нибудь своему покойному отцу, пусть баас говорит скорее, пока моя голова может удержать слова.

Потом он попросил перенести его к порогу, чтобы в последний раз взглянуть на солнце, «потому что, баас», – прибавил он, – «я уйду далеко за солнце».

Некоторое время он смотрел на заходящее светило, говоря, что, судя по небу, будет хорошая погода «для путешествия к Черной воде, чтобы увезти всю ту слоновую кость».

Я ответил, что мне, быть может, никогда не удастся забрать с кладбища слонов слоновую кость, так как черные кенда могут помешать мне в этом.

– Нет, баас, – ответил он, – теперь, когда Джана убит, черные кенда оттуда уйдут. Я знаю это, я знаю это…

Потом он начал бредить о наших прежних приключениях до тех пор, пока перед самым концом рассудок снова не вернулся к нему.

– Баас, – сказал он, – вождь Мавово назвал меня «Свет-во-мраке». Когда баас тоже вступит во Мрак, пусть он поищет этот Свет. Он будет сиять около бааса. Теперь я понял, что хотел сказать покойный отец бааса, когда говорил о любви. Это то, что я чувствую к баасу.

После этого Ханс умер с улыбкой на своем морщинистом лице.

Я плакал…

XXXI. Домой

Мне немного остается рассказать об этой экспедиции, хотя я не сомневаюсь, что Рэгнолл при желании мог бы написать целый интересный том о многом, чего я едва коснулся, так как ограничивался только историей наших приключений. Например, о сходстве центрально-африканского культа Дитяти и его Хранительницы с египетским культом Горуса и Изиды, от которого, несомненно, произошел первый. Дальнейшее наше путешествие через пустыню до Красного моря было весьма интересным. Но мне надоело описывать путешествия, так же, как и совершать их.

После смерти Ханса бодрость духа покинула меня.

Мы похоронили его на почетном месте перед воротами второго двора храма, где он убил Джану.

Когда земля начала засыпать его маленькое желтое лицо, я почувствовал, будто половина моего прошлого осталась с ним в этой могиле.

Бедный старый Ханс! Где я найду другого такого человека, как ты? Где я найду столько любви, какой было переполнено твое старое сердце?

Ханс был совершенно прав относительно черных кенда. Они покинули свою землю, вероятно, в поисках пищи, но куда ушли – я не знаю, да и не интересовался этим.

Они были порядочными головорезами, но в то же время

превосходными бойцами.

Что с ними сталось – мне безразлично.

Одно могу сказать: огромная их часть никуда не переселилась, так как свыше трех тысяч тел было предано земле белыми кенда, для чего весьма пригодились вырытые нами для обороны ямы и рвы.

Наши потери составляли пятьсот три человека, включая умерших от ран.

Джана был зарыт в том месте, где пал, – в нескольких футах от убившего его Ханса.

Мы были не в силах перенести его труп в другое место.

Я всегда сожалел, что не измерил величину этого животного – полагаю, самого большого слона в мире.

Я видел его мельком на следующее утро, когда его столкнули в огромную яму вместе с останками царя Симбы.

Я нашел, что все раны, за исключением уколов копьями, были причинены ему пулями Ханса.

Я просил белых кенда подарить мне оба его огромных клыка, которым, я думаю, но объему и весу не было равных во всей Африке, хотя один из них был надломлен. Но в этом мне было отказано.

Белые кенда хотели сохранить их вместе с цепями и хоботом как память о победе над богом своих врагов.

Прежде чем зарыть Джану в землю, они топором отрубили ему хобот и клыки.

По сильной истертости зубов я сделал вывод, что это жи-

вотное было очень старым, но насколько – трудно сказать.

Это все, что я могу сказать о Джане.

Белые кенда во всех отношениях строго сдержали свои обещания.

В странной полурелигиозной церемонии, при которой я не присутствовал, леди Рэгнолл была освобождена от высокой должности Хранительницы бога, символ которого перестал существовать, хотя я думаю, что жрецы, насколько могли, собрали все обломки слоновой кости и сохранили их в кувшине в святилище.

После этого прислужницы сняли с нее одеяние, о весьма древнем происхождении которого, кроме Харута, я думаю, никто из белых кенда не имел представления. Потом, одетая в туземное платье, она была передана Рэгноллу.

С этого времени с ней, как и с нами, обращались словно с чужестранной гостьей.

Однако ей позволили поселиться со своим мужем в том же самом доме, который она занимала в продолжение своего необыкновенного плена.

После битвы в течение нескольких дней я был совершенно без сил.

Остальные три недели я занимался различными делами и, между прочим, поездкой с Харутом в город Симбы.

Мы отправились туда лишь после того, как удостоверились через наших лазутчиков, что черные кенда действительно ушли куда-то на юго-запад, где приблизительно в трехстах

милях от их прежнего города по слухам находились плодородные незанятые земли.

С особенным чувством я снова проезжал по знакомым местам и еще раз увидел согнувшееся от ветра дерево со следами клыков Джаны, на ветвях которого мы с Хансом нашли себе убежище от ярости этого чудовища.

Перейдя реку, теперь совсем обмелевшую, я ехал по наклонной равнине, через которую мы мчались, спасая свою жизнь, и достиг печального озера и кладбища слонов.

Здесь ничего не изменилось.

Та же горка, истоптанная ногами Джаны, на которой он имел обыкновение стоять. Те же скалы, за которыми я пытался укрыться, и недалеко от них куча человеческих костей, принадлежавших несчастному Маруту. Мы похоронили их на том же месте, где они лежали. Мы забрали, сколько могли, слоновой кости, нагрузили ею около пятидесяти верблюдов.

Конечно, здесь ее было значительно больше, но много клыков, пролежав на этом месте долгое время, было попорчено солнцем и непогодой и потому не имело почти никакой ценности.

Отправив слоновую кость в город Дитяти, который был снова восстановлен, мы лесом поехали в город Симбы, для безопасности выслав вперед разведчиков.

Он действительно был совершенно оставлен.

Никогда я не видел места, имевшего более пустынный вид.

Черные кенда оставили его таким же, каким он был раньше. Только на алтаре, находившемся на рыночной площади, лежала куча трупов тех воинов, которые умерли от ран во время отступления.

Двери домов были открыты. В них оставалось большое количество домашней утвари, которую черные кенда не могли забрать с собой.

Мы нашли много копий и другого оружия, владельцы которого были убиты и теперь не нуждались в нем.

За исключением нескольких умиравших от голода собак и шакалов, в городе не осталось ни одного живого существа.

Пустота города производила впечатление даже большее, чем кладбище слонов возле уединенного озера.

– Проклятие Дитяти сделало свое дело, – мрачно сказал Харут. – Сперва буря и голод, потом война, бегство и разорение.

– Это так, – ответил я. – Однако если Джана мертв и его народ бежал, где Дитя и многие из его народа? Что вы будете делать без бога, Харут?

– Каяться в своих грехах и ждать, пока Небо в свое время не пошлет другого, – печально отвечал Харут.

Эту ночь я проводил в том самом доме, где был заключен с Марутом во время нашего плена.

Я не мог уснуть, так как в моей памяти воскресло все происходившее в те ужасные дни.

Я видел огонь для жертвоприношения, горевший на алта-

ре, слышал рев бури, предвещавшей разорение черных кенда, и был очень рад, когда наконец наступило утро.

Бросив последний взгляд на город Симбы, я поехал домой через лес, в котором обнаженные ветви также говорили о смерти.

Через десять дней мы покинули Священную гору с караваном в сотню верблюдов.

Из них пятьдесят было навьючено становой костью, а на остальных ехали мы и эскорт под командованием Харута.

С этой слоновой костью, как и со всем связанным с Джаной, меня постигла неудача.

В пустыне нас застигла буря, от которой мы едва спаслись.

Из пятидесяти верблюдов, навьюченных слоновой костью, уцелело всего десять.

Остальные погибли и были занесены песком.

Рэгнолл хотел возместить мне стоимость потери, но я отказался, говоря, что это не входит в наши условия.

Белые кенда, вообще бесстрастный народ, а в особенности теперь, когда они оплакивали своего бога, не проявили никаких чувств при нашем отъезде и даже не простились с нами.

Только жрицы, прислуживавшие леди Рэгнолл, когда она играла среди них роль богини, плакали, прощаясь с ней, и молились, чтобы снова встретить ее «в присутствии Дитяти».

Переход через горы был очень труден для верблюдов. Но

наконец мы перебрались через них, проделав большую часть дороги пешком.

Мы задержались на вершине хребта, чтобы бросить последний взгляд на землю, которую покидали, где в тумане все еще виднелась гора Дитяти.

Потом мы спустились вниз по противоположному склону и вступили в северную пустыню.

День за днем, неделю за неделей мы ехали по бесконечной пустыне путем, известным Харуту, который знал, где искать воду.

Мы ехали без особенных приключений (за исключением бури, во время которой была потеряна слоновая кость), не встретив ни одного живого существа.

В течение этого времени я был все время один, так как Харут разговаривал мало, а Рэгнолл и его жена предпочитали быть вдвоем.

Наконец спустя несколько месяцев мы достигли маленького порта на Красном море, арабское название которого я забыл и в котором было жарко, как в аду.

Вскоре туда зашло два торговых судна. На одном из них, шедшем в Аден, уехал я, отправившись в Наталь.

Другое шло в Суэц, откуда Рэгнолл и его жена могли отплыть в Александрию.

Наше прощание вышло столь поспешным, что, кроме обоюдных благодарностей и добрых пожелании, мы немного успели сказать друг другу.

Пожимая мне при прощании руку, старый Харут сообщил, что едет в Египет.

Я спросил его, зачем он едет туда.

– Чтобы поискать другого бога, Макумацан, – ответил он, – которого теперь после смерти Джаны некому уничтожать. Мы поговорим с тобой об этом, когда снова встретимся.

Таковы мои воспоминания об этом путешествии.

Но сказать правду, я тогда мало на что обращал внимание, потому что мое сердце скорбело о Хансе.